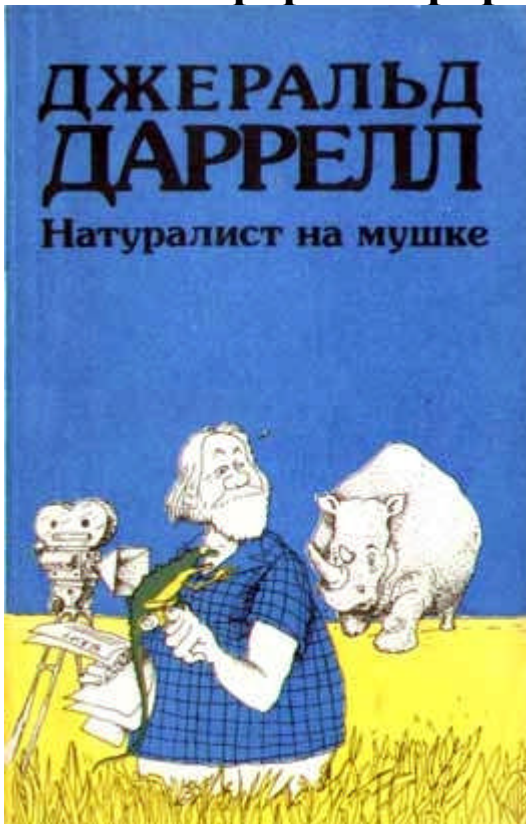

Джеральд Даррелл
Натуралист на мушке,
или
Групповой портрет с природой

Даррелл Дж. Натуралист на мушке
Москва: Мир, 1990.
Перевод с английского И.Замориной

Художник А.В.Дементьева

Аннотация

Новая книга Джеральда Даррелла, широко известного английского писателя-натуралиста, посвящена описанию съемок фильмов для телепрограммы о животных. Съемки происходили в самых разных уголках Земли — на тропических островах вблизи берегов Панамы и на севере Канады, в американской пустыне Сонора и в национальном парке Африки. Это позволило автору показать не только контрасты природы, но и познакомить читателя с многообразным миром животных.

Читателю представляется возможность вместе с Дарреллом совершить увлекательное путешествие, окунуться в атмосферу создания фильмов о животных, встретиться с интересными людьми.

Всем любителям литературы о живой природе.

НЕМНОГО ОБ АВТОРЕ (вместо предисловия)

По установившимся канонам, предисловие должно посвящаться анализу литературных и иных достоинств предлагаемой читателю книги. Однако применительно к книге, которую вы сейчас держите в руках, мне хотелось бы отступить от этой традиции. В самом деле, книга эта говорит сама за себя, в ней нет каких-то темных мест, нуждающихся в специальном толковании. Она открыта каждому, кому посчастливится ее приобрести. Иное дело — личность автора, внутреннюю сущность которого мы постигаем только через его произведение. А личность эта — Джеральд Даррелл, незаурядный человек и писатель-натуралист, известный, без преувеличения, во всем мире.

Так уж случилось, что вот уже более четверти века я оказался в известной степени связанным с жизнью и работой Джеральда Даррелла. Знакомство с ним состоялось в одностороннем порядке, без прямого участия самого Даррелла, но оно оказалось настолько ярким, что я помню нашу первую “встречу” так, будто это было вчера: кто-то из коллег-аспирантов помахал передо мной тоненькой скромной книжечкой в бумажной обложке и сказал: “Взгляни, занятная вещь. Фамилия автора ничего мне не говорит, какой-то Даррелл, но написано здорово!” Называлась книга “Перегруженный ковчег”. В тот же вечер, проходя мимо киоска около одной из станций метро, я поинтересовался, без особой надежды и, по правде говоря, — желая, нет ли в киоске этой книги. Она была, и продавец вытащил ее из большой стопки. Как странно это звучит сегодня — новая книга Даррелла свободно продается в обычном газетном

киоске! Дома я раскрыл книжку — и пропал! До тех пор, пока не прочел последнюю страницу, не мог оторваться. Все привлекало в этой книге: и совершенно особый угол зрения, под которым автор смотрел на мир природы, и необычный, удивительный стиль письма, и тонкий юмор, и своеобразная, доверительная манера общения с читателем. Скажу без преувеличения: я был очарован. Шел 1958-й год. Именно тогда началось триумфальное вступление английского писателя-натуралиста Джеральда Даррелла в нашу литературу о природе.

Вскоре была переведена вторая книга Даррелла, “Земля шорохов”, которую я прочел с неменьшим восторгом. Где-то в подсознании мелькала мысль о том, что неплохо было бы познакомиться с автором покороче, но путей к этому я не видел.

“Сближение” произошло неожиданно — мне предложили написать предисловие к новой книге Даррелла “Зоопарк в моем багаже”. Это заставило меня ближе и внимательнее ознакомиться с жизнью автора, с его деятельностью и литературным творчеством. Передо мной открылся поистине удивительный человек, щедро и многосторонне одаренный от природы, необыкновенно притягательный и симпатичный, неординарный во всех отношениях, с собственным, каким-то особенно теплым мироощущением. Любовь к природе, ко всем ее творениям неотъемлема от натуры Даррелла, она составляет важнейшую сторону его жизни, определяющую линию его собственной житейской философии.

Надо ли удивляться, что со времени работы над этим предисловием я безоговорочно подпал под обаяние Даррелла, стал его верным и постоянным пропагандистом в нашей стране. Практически все книги Даррелла, переведенные и

изданные с тех пор в СССР, выходили с моими комментариями и предисловиями.

А книг вышло много: “Гончие Бафута”, “Под пологом пьяного леса”, “Три билета до Эдвенчер”, “Поместье-зверинец”, “Путь кенгуренка”, три автобиографические повести о детстве Даррелла, “Поймайте мне колобуса” и многие другие. В сущности, неизвестными советскому читателю остались всего несколько произведений Даррелла, и не потому, что там было что-то “такое”, а по причине их некоторой художественной и информационной бледности. Не поставим это ему в упрек — ведь даже у самых известных писателей бывают слабые вещи.

Популярность Даррелла в нашей стране поистине необыкновенная. Я бы даже сказал, что советские читатели знают и ценят его гораздо больше, чем соотечественники. Сегодня купить перевод книги Даррелла не только в газетном киоске, но и в книжных магазинах практически невозможно — и это несмотря на довольно значительные тиражи и многочисленные переиздания, несмотря даже на то, что Даррелла начали переводить на языки народов СССР. Более того, за прошедшие десятилетия “мода” на него не только не потускнела, но возросла и укрепилась. Из всех натуралистов, пишущих о природе, Даррелл, несомненно, пользуется у нас самой большой известностью.

Истоки такой популярности в его книгах. Именно они создали, определили, высветили образ их автора в представлении советских читателей. Самого же Даррелла мы, так сказать, лично не знали. Поэтому легко понять тот интерес, который возбудила во всех поклонниках Даррелла весть о его возможном приезде в Советский Союз для участия в съемках многосерийного телефильма о природе СССР и ее охране. Больше других, пожалуй, волновался я, ожидая

встречи с человеком, ставшим мне дорогим и близким за многие годы работы над его книгами. Ведь до тех пор мы обменялись лишь несколькими довольно официальными письмами. Каким-то он окажется на самом деле?

Переговоры о съемках телефильма затянулись почти на три года, но, к счастью, завершились успешно. Осенью 1984 года Даррелл побывал в Москве, но я был в экспедиции, и мы разминулись. А весной следующего года я и мои коллеги-зоологи узнали: Даррелл снова в Москве! На этот раз встреча наша состоялась. Она произошла в холле гостиницы “Будапешт”. Я хорошо представлял себе внешность Даррелла по нескольким портретам, которые были опубликованы в его книгах (сравнительно молодой красивый мужчина с темной бородой и грустными глазами), но не учел, что пролетели годы, и годы непростой жизни, поэтому оказался не совсем готов к встрече. Тем не менее, когда в дверях холла появился грузный мужчина с загорелым обветренным лицом, на котором особенно контрастно выделялись совершенно белая борода и светло-голубые, лучистые глаза, я сразу узнал его. Во всей осанке вошедшего чувствовалось спокойствие, ощущение собственного достоинства и даже какая-то властность. Я заметил, как глаза всех, сидящих в холле, устремились на Даррелла, как люди начали перешептываться и переглядываться, безошибочно угадывая неординарность вошедшего человека. (Такое же почтительное любопытство мне пришлось наблюдать в Кении по отношению к Бернгардту Гржимеку, когда он появлялся в общественных местах.)

Как ни странно, но Даррелл тоже сразу “узнал” меня (вероятно, по описанию Джона Хартли — своего неизменного помощника и героя многих книг, с которыми я познакомился раньше. А может, существуют какие-то флюиды?) Мы

дружески обнялись, и с той минуты между нами возникла настоящая личная дружба. Вместе мы побывали в Астраханском заповеднике, в погоне за сайгаками проехали Калмыкию, много гуляли по Москве и говорили, говорили, говорили... Нам было о чем говорить. И теперь без ложной скромности и с полной ответственностью я могу утверждать, что знаю Даррелла лучше, чем кто-либо другой в нашей стране.

Программа пребывания Даррелла и его жены Ли в Советском Союзе была не только насыщенной, но и утомительной. Помимо посещения ряда труднодоступных заповедников (Дарвинского, Баргузинского, Таймырского и многих других), где велись съемки телефильма, помимо осмотра различных архитектурных и исторических памятников в Москве, Самарканде, Бухаре, Рязани и других городах, помимо внимательного знакомства с Московским зоопарком и Птичьим рынком Дарреллу пришлось участвовать в бесчисленных официальных и неофициальных встречах с советскими читателями — любителями его книг. Для каждого у него находилось теплое слово, каждому он оставил автограф на книге (иногда сопровождаемый шутивным рисунком), так что к концу поездки от бесконечных надписей, по выражению самого Даррелла, правая рука у него стала значительно сильнее левой. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что он оставил автографы не менее чем на тысяче книг!

Организация поездки Даррелла по нашей стране заслуживает всяческих похвал. В каждом из посещаемых им заповедников его с нетерпением ждали. Самые редкие звери и птицы, самые красивые уголки природы — все это демонстрировалось сотрудниками заповедников с любовью и гордостью, с желанием как можно больше рассказать

долгожданному гостю о природе нашей страны. И Даррелл понял и по достоинству оценил это стремление — в своей недавно вышедшей, великолепно иллюстрированной книге “Даррелл в России” он с восторгом отзывается и о самой природе Советского Союза, и о людях, которые заняты ее изучением и охраной. Да и в других выступлениях в печати и по радио он неоднократно возвращался к профессиональному и объективному анализу состояния охраны природы в СССР, особо выделяя в качестве достижений создание сети питомников по разведению редких и исчезающих видов и, разумеется, развитую и научно обоснованную систему охраняемых территорий.

Но далось Дарреллу это путешествие нелегко. Тысячи и тысячи километров в самолете, на автомобиле, вертолете, катере, моторных лодках, а иногда и верхом, в жару и в холод, часто в непроглядной пыли степных и пустынных дорог. А Джеральду Дарреллу сейчас за шестьдесят, и здоровьем особым он отнюдь похвастаться не может — болезнь почек все настойчивее дает о себе знать. И все же он ни на минуту не терял живого интереса к окружающему, чувство юмора не покидало его ни при каких ситуациях. Как-то после мучительного переезда из Астрахани в самую сердцевину степей Калмыкии, когда на лицах всех участников лежал сантиметровый слой тончайшей пыли, на вопрос о самочувствии Даррелл слабым голосом ответил: “Жив еще. Пока жив!”. И тут же пришел в восторг от белой парадной юрты, которую поставили для него среди безлюдной степи.

Я столь подробно останавливаюсь на совместном путешествии с Дарреллом и вспоминаю дни и часы общения с ним потому, что это дало мне редкую возможность проверить те представления о нем, которые сложились у советского

читателя (не без моего участия как автора предисловий) на основании его книг. И надо сказать, оценка наша оказалась в целом правильной, хотя некоторые акценты, пожалуй, пришлось сместить. Единственное, что необходимо полностью исключить, это представление о Даррелле как об ученом-зоологе. Он не зоолог в строгом понимании этого слова и вообще не ученый, а просто превосходный знаток и любитель животных. Ни склонности к систематическому изучению их, ни соответствующего образования у Даррелла нет, да, может, это и к лучшему. Научный профессионализм, как правило, убивает непосредственность восприятия. А вот то, что он искренне любит животных, любит природу, болеет за ее будущее, — это оказалось совершенной правдой. В искренности его восторгов при виде стада овцебыков на Таймыре, колоний бакланов и цапель в дельте Волги, токующего глухаря в Дарвинском заповеднике или стерхов в Окском питомнике редких журавлей сомневаться не приходится — они неподдельны. Полное доверие вызывает и его высокая оценка мер по охране природы в СССР, и это понятно — Дарреллу показали самые выигрышные из них, оставив вне поля зрения все конфликтные ситуации. Но самое главное, что подтвердило недолгое общение с Дарреллом, это его личные качества. Он действительно оказался замечательным, поистине незаурядным человеком, мягким, добрым, доброжелательным и в каком-то смысле восторженным, каким и рисовался в нашем воображении. Буквально у каждого, кто с ним беседовал или просто задавал ему вопрос, оставалось чувство соприкосновения с другом, понимающим самые интимные движения души, чутко отвечающим на них. Это счастливый и крайне редкий дар.

Джеральд Даррелл многое делает для пропаганды охраны природы во всем мире. Понимая, что основа охраны

животных — это знание и любовь, порождаемая знанием, Даррелл в соавторстве со своей женой, Ли Даррелл, выпустил книгу “Натуралист-любитель”, своего рода энциклопедию для начинающего естествоиспытателя, продуманно составленную и превосходно иллюстрированную (жаль, что у нас нет таких книг!).

Особое внимание Даррелл уделяет телевидению. На первых порах это были лекции, сопровождавшиеся показом наиболее интересных животных. Затем последовал полнометражный, но еще в известной мере любительский телефильм о зоопарке в Джерси, где Даррелл выступал в роли ведущего. Успешный дебют послужил причиной приглашения Даррелла участвовать в съемках уже профессионального 13-серийного телефильма о природе и животных различных уголков нашей планеты. История создания этого телефильма легла в основу книги “Натуралист на мушке”. Таким образом были убиты как бы два зайца. Съемки фильма всегда сопряжены с весьма обременительными обязанностями, и Дарреллу вместе с его верной спутницей, Ли, пришлось в короткие сроки побывать в ряде сильно удаленных друг от друга мест — на севере Европы, на Шетландских островах, и на юге ее, в Камарге, в Африке и Северной Америке. Такой разброс “мест действия” не мог не сказаться на целостности восприятия, и книга “Натуралист на мушке”, в отличие от телефильма, получилась, на мой взгляд, несколько более поверхностная, нежели другие уже известные нам произведения Даррелла. Комичностью ситуаций автор нередко пытается компенсировать глубину и духовность общения с животными, что так характерно для его более ранних книг. Однако зарисовки природы по-прежнему блещут удивительной точностью, выразительностью и умением выделить главное.

Написанная, по-видимому, не без коммерческих мотивов, книга тем не менее в художественном плане не выпадает из общего ряда работ Даррелла и ничем не выдает ни его возраста, ни известной жизненной усталости, даже при описании свидания с местами его детства на острове Корфу. А главное — она, как и ранее, славит красоту и непреходящую ценность природы, зовет людей к ее охране. Читатель почувствует это сам. Многосерийная телепередача “Даррелл в России”, посвященная природе нашей страны, — тоже прежде всего вклад в общее дело сохранения природы нашей планеты. Миллионы советских телезрителей могли недавно в этом убедиться. Но мне видится здесь и нечто большее: работа над этой телепередачей служит упрочению контакта и взаимопонимания между народами, а в конечном итоге — делу укрепления мира на Земле. Это в духе Даррелла.

В.Флинт

ПРЕДВАРЕНИЕ

*Пауле, Джонатану и Аластеру
с любовью и уважением*

Прежде всего мне хотелось бы пояснить читателю, как возникло несколько необычное название этой книги.

Если вы заглянете в словарь, то среди многих значений английского глагола “to shoot”, включающих такие, как “стрелять”, “забивать гол” и “давать побег”, есть еще одно, относящееся к области кинематографии и означающее “снимать картину”. Отсюда родилось название моей книги, ставшей хроникой длившихся целый год съемок, предпринятых мной совместно с моей женой Ли для создания 13 получасовых телевизионных фильмов для популярной передачи “Натуралист-любитель”.

Не так давно мне предложили составить “Полный справочник натуралиста-любителя”. Я сразу же восстал против определения “полный”. Претензии на полноту и завершенность при составлении справочника в любой области знаний по меньшей мере неразумны; употребление же такого определения при описании живой природы, где открытия происходят с такой быстротой, что мы едва успеваем их записывать, мягко говоря, и вовсе опасно. Вот почему было решено назвать справочник просто “Натуралист-любитель”.

Первоначально он был задуман как небольшой путеводитель по Британским островам; потом кто-то, шутки ради, предложил включить туда всю остальную Европу; затем показалось, что было бы неплохо присовокупить и Америку; дальше — больше: заговорили о крайней необходимости

такого справочника по Австралии и Новой Зеландии, Южной Африке, а заодно и всем другим частям света. Тут началась полная неразбериха.

Я прекрасно понимал, что мне одному не справиться с написанием книги и одновременным проведением громадного объема подготовительной работы, и поэтому предложил Ли, чтобы она перестала быть просто моим украшением (роль, с которой она успешно справлялась со дня нашей свадьбы), извлекла на свет божий свой диплом доктора философии и, основательно его проветрив, взяла на себя всю исследовательскую часть, грозившую превысить по глубине и широте охвата саму Британскую энциклопедию. Ли послушно согласилась и, помогая мне в выборе формы будущего сочинения (мы решили разбить его на главы по экосистемам вместо громоздкого и лишнего всякого биологического смысла административно-территориального деления), приступила к титаническому труду по просмотру сотен книг, проверяя и перепроверя данные (вы даже отдаленно не представляете, насколько деятели науки противоречат один другому), обращаясь за советом к целой армии ученых мужей.

Как только на мой письменный стол хлынул поток информации, я начал постепенно превращать его в то, что Ли довольно непочтительно называет моей “развесистой прозой”.

Работа над книгой заняла немногим более двух лет, и то, что вся эпопея не завершилась разводом, говорит о долготерпении и выдержке моей жены. Сразу по выходе из печати книга завоевала успех, и гордые авторы, излучая самодовольство, с полным правом рассчитывали на заслуженный отдых. Но не тут-то было. Видя огромную популярность книги, нам предложили снять по ней многосерийный телевизионный фильм, и мы, не вполне

отдавая себе отчет в том, что делаем, согласились. Через полтора года после выхода книги в свет фильм был завершен.

Продюсером нашего сериала была назначена Паула Куигли, или, как мы ее называли, Куиггерс, которую мы хорошо знали и любили еще со времени совместной работы на Маврикии и Мадагаскаре, где проходили съемки многосерийного фильма под названием “Странствующий ковчег”. Паула — миниатюрная, изящная женщина с копной темных курчавых волос, курносая, как у пекинеса, носом и эдакими загадочными русалочьими глазами, которые в зависимости от цвета одежды могут становиться то синими, то зелеными. Она является также обладательницей неправдоподобно длинных ресниц, с которыми могут соперничать разве что жирафы. Завершая портрет Паулы, следует сказать еще об одной ее особенности. Будучи от природы наделена на редкость приятным сопрано, она способна иногда издать такой вопль, что непременно стала бы чемпионкой на городском конкурсе крикунов, и этот ее дар оказался для нас в полном смысле слова бесценным, так как наш куцый бюджет не был рассчитан на “уоки-токи” и мегафон. (Принимая во внимание присутствие Паулы, эти дополнительные средства коммуникации и впрямь оказались бы лишними.)

Съемки велись под руководством двух режиссеров: Джонатана Харриса и Аластера Брауна. Аластер командовал семью сериями, остальные шесть находились в ведении Джонатана. Чело Аластера благодаря украсившим его залысынам казалось очень высоким, что придавало нашему режиссеру чопорно-аристократический вид. Загадочно, словно у Белого Рыцаря, поблескивали за стеклами очков светло-голубые глаза, с лица не сходила кривая улыбка. У Аластера была привычка медленно поворачиваться на месте,

держа при этом голову слегка набок, что вызывало в памяти образ Повешенного с гадальных карт. Его манера говорить незаконченными фразами сильно затрудняла общение, но, к счастью, с нами была Паула, с готовностью выступавшая в роли переводчика, особенно в тех случаях, когда от перевозбуждения Аластер начинал нести совершеннейшую околесицу. Джонатан разительно отличался от Аластера как внешне, так и внутренне. Он был темноволос, довольно угрюм и красив демонической красотой (несколько в духе мистера Хитклифа). Говорил он хриплым голосом, тщательно выбирая слова; по этой манере вы могли принять его за педанта, пока до вас не доходил скрытый сарказм его слов.

Хорошо это или плохо иметь сразу двух режиссеров — так и осталось невыясненным. Очевидно лишь то, что подобная ситуация пробуждает здоровый дух соперничества, выразившийся в нашем конкретном случае в стремлении перещеголять друг друга придумыванием трюков один головокружительнее другого, и не будь рядом Паулы с ее нежной заботой, мы бы уже давно отошли в лучший мир. Ведь коль скоро режиссер “заклинится” на каком-нибудь эпизоде, он уже не в состоянии переключиться ни на что иное, вследствие чего вы рискуете оказаться в графе неизбежных потерь. Подобное отношение к артистам красноречиво высказал Альфред Хичкок: “Я не утверждаю, что актеры и актрисы — скот, я только говорю, что с ними следует обращаться как со скотом”. Наконец пришел мой черед взять реванш.

То обстоятельство, что ни Паула, ни Джонатан, ни Аластер не были натуралистами, ставило под сомнение благополучный исход всей нашей авантюры. Их знания о природе могли уместиться в наперстке. После некоторого размышления они, пожалуй, смогли бы отличить мышь от

жирафа, краба от акулы, лягушку от удава и бабочку от орла, но это далось бы им не без усилий. Как бы там ни было, в процессе съемок, исподволь, у них начал пробуждаться неподдельный интерес к природе. Это вселило в нас надежду на будущий успех нашего сериала, основной задачей которого было помочь любому человеку, независимо от возраста, взглянуть на мир глазами натуралиста-любителя.

Мы рады, что, несмотря на огромные трудности, нам все-таки удалось завершить съемки. Я не могу сейчас с уверенностью сказать, что мы взялись бы за эту работу, зная заранее, с чем предстоит столкнуться. И все же путешествие по свету за казенный счет — ни с чем не сравнимое удовольствие; а зная, что Ли в отличие от меня видит многие места впервые, я радовался вдвойне.

На съемки 13 серий у нас ушел год. За это время мы преодолели расстояние в 49 тысяч миль от Скалистых гор в Канаде до Панамы, и от Южной Африки до северной оконечности Британских островов. В заключение несколько слов для тех, кто думает, будто жизнь наша была полна экзотики. Кругосветное путешествие — на редкость приятное занятие, покуда оно не сопровождается одновременными съемками 13 получасовых телефильмов — делом чертовски трудным и изнурительным. И если в конце пути, несмотря ни на что, вы сможете остаться друзьями — это и будет одним из самых удивительных чудес в жизни.

ГЛОССАРИЙ

Книга пестрит “киношной” терминологией. Дабы не утомлять читателя и не перегружать текст, я постараюсь здесь объяснить наиболее часто встречающиеся понятия.

1. *Герой фильма*. Ли, я или любой другой, рискнувший стать ведущим сериала.

2. *Крупный план*. Лицо во весь экран со следами разгульного образа жизни. Ли выглядит красоткой.

3. *Средний план*. Ваш поколенный портрет, на котором безошибочно (по очертаниям фигуры) узнается истинный гурман. Ли стройна, как самодовольный пескарь.

4. *Дальний план*. К счастью, нас почти не видно. Группы деревьев, горы и другие красоты природы удачно скрывают наши недостатки.

5. *Панорамный кадр*. Пока вы, то и дело спотыкаясь, бредете на фоне пейзажа, стараясь удержать в голове текст и не дать запутаться в траве проводу от микрофона, камера, не отставая ни на шаг, неумолимо следует за вами.

6. *Съемка скрытой камерой*. Камера возникает перед вами в тот момент, когда вы меньше всего ее ожидаете и потому не успели привести свою бороду в порядок. Объектив с переменным фокусом, безусловно, изменил вашу внешность, но почему-то не в лучшую сторону. А Ли (нет, это просто бесит!) выглядит лучше, чем Джеки Онассис после длительного отдыха, паровой ванны и роскошного массажа.

7. *Озвучивание эпизода*. Вы смотрите в камеру преданными глазами и говорите доверительным тоном, стараясь при этом не забыть текст.

8. *Оговорка*. Когда вы озвучиваете роль, то вместо фразы: “Я хочу обратить ваше внимание на то, как эта сова...”

вы произносите что-нибудь вроде: “Я хочу обратить вашу сову на то...” К несчастью, оговорки имеют тенденцию катастрофически плодиться, и вскоре вы обнаруживаете, что несете совершенную абракадабру, вызывая праведный гнев вашего режиссера. В этом случае следует немного отключиться и пойти поискать сочувствия у жены.

9. *Бюджет.* Сумма денег, подсчитанная до того точно, что ее с трудом хватает до конца съемок.

10. *Случайное попадание в кадр.* Когда с пятнадцатой попытки вам удалось успешно провести очень трудную сцену, ваш оператор вдруг сообщает, что на пленку, непонятно как, попала не имеющая к данному эпизоду никакого отношения часть сельского пейзажа, испортив таким образом весь отснятый материал, что требует пересъемки, во время которой вы опять сбиваетесь и забываете текст. Говорят, были случаи, когда вконец разъяренные герой с режиссером набрасывались на оператора и избивали его до полусмерти.

ФИЛЬМ ПЕРВЫЙ

Ним, в Провансе, задыхался от нестерпимой жары. Люди изнемогали — горячий воздух, наполняющий легкие, казалось, был не в состоянии поддерживать в них жизнь. Город, с его широкими, обсаженными деревьями бульварами и переплетением узеньких улочек, наполненных запахами свежее испеченного хлеба, фруктов, овощей, сточных канав и кошек, плавился под лучами солнца, словно поджариваясь на медленном огне.

В центре города, напоминая очертаниями пролежавшую не одно столетие на дне морском, заросшую кораллами средневековую корону, высилась огромная римская арена. Она сверкала в ослепительных лучах солнца, а во всех ее углублениях и трещинах прятались еле живые от жары голуби. С высунутыми языками, с которых непрерывно бежала слюна, слонялись от дерева к дереву в поисках прохлады собаки. С росших на бульварах огромных пятнис-

тых платанов доносился неумолчный стрекот цикад. Кусочки брошенного в стаканы льда таяли на глазах. Вероятно, вы хотите знать, какая была температура? О, вполне достаточная, чтобы запечь быка в песке прямо на арене, сварить всмятку яйцо в прудах сада Фонтен или поджарить тост на любой черепичной крыше города — во всяком случае, нам так казалось. Температура в тени превышала 38°C, а ваше тело было настолько липким от пота, что вы были противны самому себе. Однажды приблизительно по такому же поводу Сидней Смит сказал, что он с удовольствием разделся бы до костей. Теперь вы прекрасно понимаете, что он имел в виду.

В нашем доме на окраине города, где начинается сухое, как трут, плато Гарриг, затеяли ремонт — перекладывали стены, перестилали черепицу, меняли двери. Было бесполезно спорить и доказывать что-либо одуревшим от жары ничуть не меньше нас каменщикам, плотникам и водопроводчикам. Именно в это время пришло известие о том, что все контракты наконец подписаны и нужно немедленно приступить к съемкам фильма “Натуралист-любитель”. Фильм первый мы решили посвятить многочисленным обитателям скалистых и равнинных морских побережий, где каждый житель имеет четко определенные границы обитания.

Говорят, разнообразие полезно. Что ж, нам представилась прекрасная возможность проверить это на практике. Оставив позади залитый солнцем Ним с гортанным провансальским говором, мы перенеслись в самую северную часть Великобритании на остров Анст, входящий в группу Шетлендских островов, где воздух был нежным и теплым, как парное молоко, а звуки речи приглушенными, словно жужжание шмеля.

После обычной неопишуемой предотъездной суеты, вызванной вмешательством агентов бюро путешествий, мы в конце концов оказались в самолете, летящем над полотно пастельно-зеленых тонов, и вскоре приземлились на черном, покрытом гудроном летном поле аэропорта в Абердине. Здесь произошла встреча с нашей съемочной группой. Оператор Крис, невысокий бородатый крепыш, в котором с первого взгляда угадывался мастер своего дела, напоминал милого и доброго гнома из старой детской сказки. Звукооператор Брайан, элегантный мужчина с темными вьющимися волосами, больше походил на директора банка в Пендже или Сербитоне, чем на любителя часами неподвижно лежать в кустах, ловя малейшие шорохи и звуки. Но кто совершенно меня сразил, так это помощник оператора, очаровательный парнишка по имени Дэвид. Когда он возник в дверях зала ожидания, мне показалось, что он страдает тяжелой формой нервного заболевания, чем-то вроде пляски святого Вита. Пока я размышлял о том, как, несмотря на это заболевание, его включили в съемочную группу, он подошел поближе и я обнаружил, что он просто пританцовывает под какую-то дикарскую музыку своего портативного магнитофона. Мое к нему сострадание тут же пропало.

Абердин — уютный, чистенький городок со строгими фасадами домов, низко надвинутыми крышами из серого шифера, напоминающими прически в стиле “битлз”, и улицами, обсаженными разноцветными розами с огромными шелковистыми лепестками, радующими взор и обоняние. Нам повезло, что благодаря каким-то непредвиденным сложностям мы вынуждены были вылететь из Абердина в Леруик, самую южную часть острова, а потом добираться до Анста на микроавтобусе, по пути дважды переправляясь на пароме.

Первое, что нас ошеломило, это цвета — до того нежные, что, казалось, каждый оттенок зеленого и коричневого был сначала как бы разбавлен, а потом смягчен с помощью мела; низкие облака были точно такой же серой и бледно-кофейной окраски, что и развешенная повсюду на заборах и живой изгороди овечья шерсть. Невысокие округлые холмы мягких, сливочно-изумрудных оттенков переходили в шоколадно-лиловые в тех местах, где рос вереск. Обочины дорог были сплошь лимонно-желтыми от лютиков и одуванчиков; лишь изредка золотую гармонию нарушал ярко-фиолетовый вербейник. В сырых низинах цвели золотистые ирисы, вздымаясь, словно знамена, среди войска торчавших прямо из земли узких зеленых сабель-листьев. Этот уголок чем-то напомнил мне Новую Зеландию с ее волнистым рельефом, пустынными дорогами и чувством одиночества на краю света. В некоторых местах вереск был срезан и из земли вынуты аккуратные кирпичики темного и жирного, словно сливовый пирог, торфа, лежавшие огромными беспорядочными кучами рядом с крошечными фермами. Наконец мы добрались до стоявшего на берегу моря мотеля. Но стоило нам подняться в номер, как появился Джонатан, предусмотрительно прихвативший с собой бутылку бледно-желтого “гленморанжа” — напитка богов.

— Итак, — начал он, немного посмаковав напиток, — завтра мы отправляемся на белые скалы, что у мыса Германес. Там живет громадная колония олуш. Короче, мы спускаемся со скалы...

— Минуточку, — перебил я. — Какая скала? Почему я ничего не знаю?

— Обычная скала, — беззаботно отозвался Джонатан. — Всевозможные виды птиц выводят на ней птенцов — там и кайры, и тупики, и моевки, и многие другие.

Это одна из самых больших гнездовых колоний морских птиц во всем Северном полушарии.

— Так что все-таки насчет скалы? — вновь спросил я, чувствуя, что мне пытаются заговорить зубы.

— Ну, вот что. Нам все равно придется с нее спуститься, — сказал Джонатан, — иначе мы не сможем снять птиц.

— А там очень высоко?

— Нет, не очень, — уклончиво ответил он.

— И все же?

— Что-нибудь около... четырехсот-пятисот футов, — ответил он, но, увидев выражение моего лица, тут же добавил: — Вниз идет отличная тропа. Ею часто пользуются смотрители.

— Мне кажется, я говорил вам, что страдаю от головокружений, мистер Харрис, не так ли?

— Говорил.

— Я понимаю, что это звучит довольно глупо, но что поделаешь. Пытался даже лечиться — ничего не помогает. Представь, меняю набойку на ботинках и две недели потом мучаюсь от головокружений. Вот до чего доходит.

— Сочувствую, — покривил душой Джонатан, — но на сей раз все обойдется хорошо. Это проще, чем с бревна упасть¹.

— Сравнение не слишком удачное, — кисло заметил я.

За ночь, ко всеобщему удивлению, облака рассеялись и яркая голубизна небес была почти под стать средиземноморской. Джонатан горел энтузиазмом.

---

¹ Аналог русской поговорки: “проще пареной репы”. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

— Изумительный денек для съемок, — заметил он, уставясь на меня сквозь очки ничего не выражающим взглядом. — Как ты себя чувствуешь?

— Если тебя интересует, не прошла ли за ночь моя болезнь, то мне придется тебя разочаровать.

— Ручаюсь, что все будет в порядке, — с некоторым замешательством произнес он. — В самом деле, тропы там просто отличные. По ним ходят каждый день и еще ни разу не было несчастного случая.

— Мне бы не хотелось создавать прецедент, — сказал я.

Мы ехали на машине, пока не закончилась дорога, а потом отправились пешком по склонам, заросшим вереском и изумрудно-зеленой травой, к великим скалам Германеса. Среди скрученных, словно ведьмино помело, корней вереска росли маленькие, величиной с ноготь, кровожадные спрутики — росянки, поворачивавшие свои невинные клейкие мордашки в направлении любого оказавшегося поблизости насекомого, готовые заманить его в ловушку и сожрать. Над зелеными полянами, превращенными вездесущими овцами в лужайки для игры в шары, возвышалась росшая в огромных количествах пушица. Издалека она напоминала покрытые снегом поля; но стоило вам приблизиться и пойти через поросший пушицей луг, снег превращался в срываемые ветром, мелькающие повсюду, словно миллионы кроличьих хвостов, белые комочки.

Прямо над нами, взмахивая огромными крыльями, кружили темно-шоколадные поморники. Они внимательно следили за нами, так как в зарослях вереска прятались их птенцы. Вскоре мы наткнулись на очаровательного, размером с небольшую курицу малыша, покрытого светлым, рыжеватокоричневым пухом, с черными головой и клювом и

громадными, темными, выразительными глазами. Увидев нас, он бросился наутек, мы с Ли устремились за ним, и тут же на нас спикировала родительская пара. Это было незабываемое зрелище — они пролетали над нами на бреющем полете, со свистом разрезая воздух огромными крыльями, похожие на необычные, кофейного цвета самолеты “Конкорд”. В самую последнюю минуту, в каких-нибудь нескольких футах от наших голов они резко взмывали ввысь и, полетав кругами, повторяли атаку. За это время Ли удалось поймать птенца, и родители сконцентрировали все внимание на ней. Так как я знал, что поморники способны ударом крыла сбить человека с ног, я забрал младенца к себе. Родители моментально переключились на меня, подлетая каждый раз все ближе и ближе, и ветер урчал у них в крыльях, когда они, ныряя, шли вниз. Вначале я инстинктивно нагибал голову, но вскоре заметил, что стоит дать им подлететь поближе, а потом резко взмахнуть руками, как они тут же поворачивали назад.

— Давай, — предложил Джонатан, — ты будешь рассказывать о поморниках, держа на коленях птенца.

Установили камеру и спрятали микрофон у меня за пазухой. Наши приготовления еще больше взволновали обоих родителей, и они усилили атаки, пикируя то на меня, то на камеру, подлетая на сей раз опасно близко. Наконец подали команду к съемке, я присел на корточки и посадил толстого птенца к себе на колени. Открыв рот, я приготовился было начать увлекательный рассказ о поморниках, как птенец вдруг привстал, ни с того ни с сего клюнул меня в большой палец, заставив потерять нить повествования, а затем начал громко и обильно делать свои дела прямо на мои брюки.

— Что естественно, то не стыдно, — изрек Джонатан, пока я стирал носовым платком липкую рыбную жижу со

своих брюк. — Полагаю, этот эпизод вряд ли заслуживает внимания зрителей.

— Когда перестанешь смеяться, — обратился я к Ли, — забери этого чертова птенца и выпусти его. Лично с меня на сегодня хватит.

Ли взяла моего жирного, пушистого приятеля и, пройдя с ним несколько шагов, посадила в вереск. Он принялся улепетывать со всех ног, уморительно припадая то на одну, то на другую ногу, точь-в-точь как пожилая полная дама в мехах, пытающаяся догнать отъезжающий автобус.

— Ужасный милашка, — задумчиво проговорила Ли. — Как бы мне хотелось оставить его у себя.

— Только этого нам не хватало, — возразил я. — Мы бы с ним на одной химчистке разорились.

Поморники, безусловно, одни из самых грациозных воздушных хищников. Подобно бронзовым от загара пиратам, они преследуют других птиц, беспрестанно их атакуя до тех пор, пока те не уступят свой улов. Тогда поморник камнем бросается вниз и подхватывает рыбу прямо в воздухе. Известны случаи, когда эти наглые разбойники щипали олуш за кончики крыльев, заставляя их выпустить добычу. Будучи всеядными, они не погнушаются украсть рыбу из-под носа у олуши или кайры, а заодно угоститься их яйцами и даже птенцами.

Мы шли вперед, а вокруг по зеленому полю, точно взбитые сливки, были разбросаны стада овец. Зная о суровом климате Шетлендских островов, мы были укутаны с головы до ног и теперь под ярко светящим солнцем, когда пот полил с нас градом, начали постепенно разоблачаться. Через некоторое время дорога пошла под уклон, к отвесным скалам, под которыми раскинулся синий, словно цветы горечавки, Атлантический океан. Повсюду над нами мелькали каменки-

попутчики; их хвостики вспыхивали, словно маленькие белые огоньки. Два черных, как траурные повязки, ворона, попеременно меланхолически каркая, медленно летели вдоль обрыва. Где-то высоко в небе завис невидимый жаворонок и лилась нескончаемая дивная песнь. Если бы падающая звезда имела голос, мне кажется, она пела бы голосом жаворонка.

Вскоре мы подошли к обрыву. Там, внизу, в шестистах футах от нас, в тучах брызг, похожих на клумбы белых хризантем, прокладывали себе путь среди скал гигантские мягкие голубые волны. Воздух был наполнен рокотом прибой и криками сотен тысяч птиц, перелетавших со скалы на скалу подобно поднявшейся снежной буре. От бесчисленного множества птиц голова шла кругом. Тысячи олуш, моевок, глупышей, хохлатых бакланов, гагарок, чаек, поморников и десятки тысяч тупиков! Неужели море в состоянии прокормить эту разноголосую воздушную армию с ее многочисленными семействами, заполонившими скалы?

У края обрыва обосновалась колония тупиков. С помощью сильных клювов и лап они роют себе норы прямо в земле. Птицы располагались большими группами, не обращая на нас никакого внимания и позволяя подойти чуть не вплотную, потом неожиданно бросались с обрыва и улетали, делая быстрые взмахи крыльями, а их лапки болтались сзади словно маленькие оранжевые ракетки для пинг-понга. Это сборище забавных, неуклюжих птиц, важно выступавших в аккуратных черно-белых фрачных парах, с огромными оранжево-красными клювами, напоминавшими карнавальные носы, походило на съезд клоунов. Многие тупики только что вернулись с рыбной ловли (иной раз они охотятся в трехстах милях от берега), и по обеим сторонам их ярко раскрашенных клювов, наподобие рыбных усов, аккуратно свисали песчанки. Самое удивительное заключалось в том, что

песчанки располагались в клювах голова к хвосту, как сардины в консервной банке. Каким образом птицы ухитрились расположить песчанок столь тщательным образом, так и осталось загадкой.

Пройдя дальше по краю обрыва, мы наткнулись на двух людей, занятых чрезвычайно любопытным занятием — ловлей тупиков. Часто путешествуя по свету, я привык не удивляться странному поведению аборигенов, но подобную картину наблюдал впервые. Сидя на ягодицах, они, ерзя, съезжали к краю обрыва, где за их действиями настороженно наблюдала группа степенных тупиков. Один из мужчин держал в руках шест с петлей на конце. Выбрав жертву, он с большими предосторожностями подползал к ней, проводил ряд манипуляций, чтобы в петлю попала лапка тупика, затем подтаскивал громко кричавшую и бившую крыльями птицу ближе к себе, где ее хватал помощник. Лично мне подобное обращение с птицами в заповеднике показалось довольно странным. Когда же я подошел поближе, то понял, что происходит кольцевание тупика. Такие кольца — своеобразный птичий паспорт или удостоверение личности. Если птицу найдут где-нибудь больной или мертвой или она попадет в сеть, кольцо на ноге укажет, откуда она прилетела и дату кольцевания. Безусловно, с точки зрения птиц все это — чистейшая бюрократия, но нам она помогает узнать много нового о загадочной жизни морских птиц вдали от родных берегов вне брачного сезона.

Оба зрителя сообщили нам, что на скалах мыса Германес для выведения потомства собираются одновременно сотни тысяч тупиков, и только в этот период их можно отловить для кольцевания. Потом они вручили мне своего пленника, чтобы я мог представить его телезрителям; тут я убедился на собственной шкуре, что, несмотря на комичный

вид и кажущееся тупоумие, тупики могут отлично постоять за себя. Я беспечно взял тупика на руки, и в тот же момент толстый, острый как бритва клюв сомкнулся на моем большом пальце, словно огромная крысоловка, а заостренные как иголки, ничуть не уступающие кошачьим когти начали раздирать мне руки. Проговорив перед камерой свой монолог, я был счастлив поскорей отделаться от воинственного партнера и отдаться в руки Ли, заботливо наложившей повязки на мои раны.

— После того как меня чуть было не разорвал на куски тупик, — обратился я к Джонатану, — какие еще испытания мне предстоит выдержать?

— Осталось только спуститься со скалы, — ответил Джонатан.

— А где? — спросил я.

— Да прямо здесь, — ответил Джонатан, показывая на шестисотфутовый обрыв, почти отвесно спускавшийся к морю.

— Ты говорил о тропе, — пытался протестовать я.

— А разве я тебя обманул? — спросил Джонатан. — Подойди ближе и убедись.

Осторожно, хотя все внутри у меня замирало, я подошел к обрыву. Теряясь среди травы и армерий, вниз сбегала еле видимая, почти пунктирная линия, которую даже с большой натяжкой трудно было назвать тропой. Она выглядела так, будто когда-то, в стародавние времена, стадо козлов, шатаясь, спускалось с отвесной скалы, чтобы принять участие бог знает в какой пьяной оргии.

— И это называется тропой? — возопил я. — Что я, серна что ли, чтобы лазить по отвесным скалам? Ни один человек, рожденный женщиной, не сможет здесь спуститься.

Пока я упражнялся в красноречии, Крис, Дэвид и Брайан, нагруженные рюкзаками со съемочной аппаратурой, обогнали меня и исчезли во мраке.

— Только и всего, — сказал Джонатан. — И нечего бояться. Смелее. Я буду ждать тебя внизу.

С этими словами он беспечно начал спускаться по отвесной скале. Ли и я посмотрели друг на друга. Я знал, что она также страдала от головокружений, но не в такой острой форме, как я.

— Интересно, а в наших контрактах сказано что-нибудь о скалолазании? — поинтересовался я.

— Если только где-нибудь в примечаниях, — печально ответила она.

Наскоро помолившись, мы начали спускаться. В жизни мне не однажды приходилось испытывать страх, но то, что я пережил, спускаясь с этой скалы, с лихвой перекрывает все прошлые ощущения. Остальные члены группы спускались по едва различимой тропе так, как если бы это была широкая, ровная автострада, я же сползал на животе, отчаянно цепляясь за пучки травы и крохотные кустики, которые в любой момент могли оторваться; шаг за шагом я продвигался по тропе шириной в шесть дюймов, стараясь изо всех сил не смотреть вниз — туда, где скала шла совершенно отвесно; руки и ноги сильно дрожали, а сам я обливался потом. Это было постыдное зрелище, и мне было ужасно неловко, но поделаться я ничего не мог. От боязни высоты не излечиваются. Когда я, наконец, достиг подножия, ноги мои так отчаянно тряслись, что я не мог продолжать путь и мне пришлось присесть. В нескольких сильных выражениях я высказал Джонатану все, что о нем думал. К сожалению, он пропустил мои слова мимо ушей и как ни в чем не бывало обратился ко мне:

— Молодец, спуск прошел отлично. Теперь остался только подъем.

— Еще чего, — огрызнулся я. — Можешь спустить нам сюда палатку и организовать доставку продуктов, а мы останемся здесь — станем отшельниками острова Анст.

По правде говоря, место для этого было весьма подходящее. Там где заканчивалась так называемая тропа, в обе стороны вдоль обрыва тянулась ровная, заросшая травой полоска земли. Береговая линия состояла из нагромождения огромных, иногда величиной с небольшую комнату валунов, между которыми вскипало, пенилось и ревело темно-синее море. Весь обрыв, насколько хватал глаз, был усеян птицами, а в небе их кружилось столько, что они напоминали гигантские снежинки.

В воздухе стоял неумолчный гвалт. На каждом уступе, тесно прижавшись друг к другу, сидели группы кайр.

У многих из них между лап было зажато по одному, изумительной окраски, в крапинках яйцу. Яйца зеленые, коричневые, желтые, желтовато-коричневые, пятнистые и в мелкую сеточку — и ни одного похожего. Странные, рокочущие голоса кайр, когда они задирали друг друга или поучали птенцов, эхом отдавались в скалах. Мы немного опоздали к началу брачного сезона, но в других местах мне приходилось наблюдать необычный ритуал их ухаживания. Пожалуй, наиболее любопытной его частью является следующее: группы кайр исполняют над поверхностью моря что-то вроде танца. Они выются и кружатся, танцуя над волнами, а потом вдруг, как бы по команде, ныряют и танец продолжается под водой. Пока остальная стая, являя собой поразительное единство, кружится, вьется, взмывает и ныряет, небольшие группы птиц выделывают в воздухе головокружительные пируэты. Какие сигналы они подают

друг другу для достижения столь поразительной синхронности, мы не смогли определить, но, думаю, они существуют. На других уступах лепились сплетенные из корней и ила гнезда моевок — опрятных, застенчивых чаек. В то время как другие виды чаек давно изменили побережью и нашли приют на суше, среди полей и городских свалок, консервативные моевки остались преданными морю. Когда это хрупкое, скромное существо вдруг открывает клюв и издает пронзительный крик, становится несколько не по себе. Моевки Германеса — большие труженицы; они все время заняты усовершенствованием своих гнезд, в которых постоянно перекалдывают с места на место корешки, гальку и ил, делая удобные колыбельки для будущих птенцов.

Ниже моевок расположились красавицы-гагарки в элегантном черно-белом оперении, с тонко очерченными белым клювами, напоминающими формой опасную бритву. Они походили на собравшихся на деловую встречу коммерсантов. Иногда какая-нибудь птица впадала в экстаз — задирала кверху клюв и принималась им щелкать, как кастаньетами, в то время как партнер нежно пощипывал и чистил ей перышки на шейке. Подобных вольностей в поведении коммерсантов (даже среди компанейских) лично я никогда не видел.

Отдельные участки скал занимали темно-серые глупыши с белыми головами и грудками. Внешне они чем-то напоминали голубей; сходство усиливалось за счет одинакового строения трубчатых ноздрей. Несмотря на их добродушие и даже некоторую робость, глупыши умеют отлично защищать свое потомство. Подойди вы слишком близко, по их мнению, к гнезду, родители широко откроют клюв и окатят вас вонючей клейкой жидкостью, причем точность попадания в цель исключительная. Стоило

Джонатану узнать от меня об этой их особенности, как он тут же загорелся идеей послать меня на приступ гнезда, засняв момент родительской обороны. В ответ я посоветовал ему внимательнее ознакомиться с условиями моего контракта, где ни словом не было упомянуто о подобных эскападах. Мне совсем не улыбалось провести остаток дня, источая аромат китобойного судна. Что касается острых ощущений, то мне до конца дней хватит воспоминаний о том, как меня уделал птенец поморника.

Все скалы были четко разделены на отдельные зоны. Только с первого взгляда они напоминали гигантский сумасшедший дом, полный сидевших чуть не друг на друге птиц. По прошествии некоторого времени вы замечали, как аккуратно все поделено на сферы обитания. Хохлатые бакланы занимали бельэтаж, выше размещались гагарки, кайры и другие виды чистиковых. На уступах повыше квартировали моевки и глупыши, а на самой вершине жили клоунообразные тупики. Среди вечно влажных от морского прибоя обломков скал, в щелях и пещерах, образованных огромными валунами, располагались хохлатые бакланы в блестящем черно-зеленом оперении, с сияющими изумрудными глазами. Когда мы карабкались над их гнездами, упитанные темно-шоколадные птенцы в страхе прижимались к скалам, а их более воинственные родители пугали нас резким карканьем, яростно горящими глазами и поднятыми хохолками. Полагаю, только отчаянный смельчак может осмелиться засунуть руку в гнездо хохлатого баклана, так как клюв его остр, точно лезвие ножа.

На огромных обломках лежащих в море скал и утесах гнездились большие бакланы. Похожие на своих собратьев, хохлатых бакланов, они отличаются от последних отливающим бронзой оперением и белыми подбородком и

щеками. Большие бакланы любят сидеть на утесах с раскинутыми в стороны крыльями, напоминая геральдические фигуры или гигантских стражей, охраняющих въезд в средневековый французский замок. В позе баклана, когда он сушит крылья, на мой взгляд, есть что-то доисторическое. Возможно, так же некогда сидели птеродактили.

С нашего командного пункта был виден лежащий в сотнях футов от берега, прямо напротив нас, огромный утес в форме гигантского куска сыра чеддер, толстым краем уходящий в море. С такого расстояния казалось, что утес покрыт снегом; вблизи же все это скорее напоминало многоярусную и чрезвычайно неопрятную каминную доску, заставленную множеством ужасающе безвкусных белых фарфоровых безделушек с надписями типа “Привет из Борнмута”. На этом утесе нашли пристанище десятки тысяч олуш, чьи визгливые крики намного превышали допустимый для слуха уровень. Сказать, что этот птичий город находился в движении, значит не сказать ничего: Нью-Йорк в час пик по сравнению с ним спал беспробудным сном. Олуши высиживали птенцов, кормили их, флиртовали, спаривались, чистили перышки и легко взмывали вверх на своих шестифутовых крыльях. Сливочно-белые тела, черные как смоль концы крыльев и ярко-оранжевые головки делали их сказочно прекрасными. Ступая по берегу неуклюже, вперевалку, они преображались, когда взлетали с утеса и парили в воздухе, словно изящные грациозные дельтапланы. То были поистине совершенные создания с длинными, заостренными, словно обмакнутыми в черную краску концами крыльев, острыми хвостами и голубыми кинжалобразными клювами. Без единого взмаха крыльями, используя лишь различные потоки воздуха, они плавно, точно пущенный по льду камень, скользили в голубом небе. Вот они

подлетают к утесу, почти касаясь его кончиками крыльев, неожиданно разворачиваются и, сложив крылья, приземляются так быстро, что глаз не успевает уловить движение. Только что в небе висел огромный черно-белый крест, и вот уже за какие-то доли секунды он превратился в беспокойного, горластого обитателя птичьей колонии.

Чуть дальше, в открытом море, мы наблюдали за их невероятной техникой ловли рыбы. Зорко вглядываясь в глубину своими бесцветными глазами, олуши летят в сотне футов над поверхностью воды. Неожиданно они разворачиваются и, отведя огромные крылья назад, что делает их похожими на наконечник стрелы, камнем падают вниз. Войдя в воду на огромной скорости и подняв фонтан брызг, они исчезают в глубине, чтобы через минуту вынырнуть с зажатой в клюве рыбой. Наблюдать, как этим одновременно занимается тридцать — сорок олуш, обнаруживших косяк рыбы, — зрелище настолько потрясающее, что дух захватывает.

Целый день мы напряженно работали, снимая гигантский птичий базар, изредка прерываясь, чтобы перекусить. Погода стояла отменная, и от ярких солнечных лучей, отражавшихся от воды, мы все сильно обгорели. Лицо Ли стало таким красным, что я усмотрел в ней некоторое сходство с тупиком в парике — правда, почему-то это сравнение ничуть ее не обрадовало. К вечеру нам удалось заснять на пленку весь птичий распорядок дня; привыкнув к нашему соседству, птицы скоро перестали обращать на нас внимание и продолжали заниматься привычными будничными делами: воспитывали детей, любили друг друга, ссорились с соседями — словом, вели себя совсем, как мы.

Когда свет начал меркнуть и небо из голубого превратилось в бледно-лиловое, мы собрали нашу аппаратуру

и с сожалением покинули птичье царство. Не буду описывать все мытарства, с которыми мне пришлось столкнуться при подъеме на скалу, скажу лишь, что путь вверх оказался в несколько раз тяжелее спуска. Достигнув вершины, я как можно дальше отполз от обрыва и только тогда лег на спину, уставившись в бледнеющее вечернее небо; тут же Джонатан, проявляя истинно христианское милосердие, выудил из своего баула бутылку “гленморанжа” и принялся усердно меня потчевать. Потом мы долго шли по бархатистому дерну, через фиолетово-коричневые в свете сумерек заросли вереска, через мерцающую вокруг пушицу, а с неба доносился свист крыльев пикирующих на нас в темноте огромных темных поморников.

Невероятно, как за один день нам удалось завершить такую колоссальную работу. Оставшиеся несколько кадров с морским пейзажем были благополучно досняты на следующий день. Итак, мы распрощались с величественным мысом Германес и возвратились на остров Джерси.

На Джерси мы собирались снимать жизнь равнинных морских побережий. Хотя сам остров невелик (всего девять миль в длину и пять в ширину), его береговая линия настолько изрезана, что протяженность побережья довольно большая. В пользу нашего выбора говорило и то, что море здесь относительно чистое, а огромный, 34-футовый прилив, отходя, оставлял десятки акров великолепных скальных озер, изобилующих самыми невероятными морскими созданиями.

Море — особый, удивительный мир. Это как бы другая планета со своей, отличной от нас, жизнью, с неповторимыми, причудливыми и красочными формами. С точки зрения натуралиста, кромка моря — это увлекательнейшая экосистема, где многие создания живут, если можно так выразиться, шиворот-навыворот, находясь попеременно

то в воде, на глубине нескольких футов, то на суше. Приспособлений к такому напряженному жизненному графику, как нетрудно догадаться, множество, причем самых разнообразных. Взять, например, обыкновенного моллюска-блюдечко, превосходно адаптировавшегося в столь необычных условиях обитания. Его шатровой формы раковина отлично противостоит прибою. В процессе эволюции животное выработало округлую мускулистую стопу, образующую нечто вроде присоски, с помощью которой оно намертво прикрепляется к скале. Попробуйте его оторвать, и вы в этом убедитесь. У блюдечка имеются адаптивные жабры, окутывающие тело точно покрывалом. Если при отливе это хрупкое приспособление высохнет, животное не сможет дышать и погибнет. Но раковина моллюска так плотно прилегает к скале, что даже во время отлива удерживает определенное количество влаги и жабры все время остаются влажными. Такое тесное слияние возможно благодаря тому, что моллюск своими раковиной и присоской постоянно подтачивает камень. В результате в камне появляется округлое, соответствующее форме основания раковины углубление, а раковина, стираясь, еще больше прилегает к скале.

Когда блюдечко кормится, оно медленно движется по покрытым водорослями скалам, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, выдвинув вперед маленькую головку с парой щупальцев-рожек; затем в ход пускается язычок, или радула, — узкий длинный орган, снабженный микроскопическими роговыми пластинками, позволяющими животному соскребать со скал различные водоросли. Блюдечки “пасутся” по кругу, на довольно большом расстоянии от своего дома. Попасть домой до начала отлива — жизненная необходимость, иначе они погибнут. Поэтому моллюски

выработали удивительно точный инстинкт “домашнего очага”, принцип которого пока остается загадкой, так как не имеет никакого отношения к их слаборазвитым органам чувств — зрению, обонянию и осязанию. Приятно сознавать, что даже такие, казалось бы, заурядные создания, как блюдечки, таят в себе неразгаданные тайны, открывая обширное поле деятельности для натуралистов-любителей. Половая жизнь блюдечек для всех, кроме них самих, представляется весьма запутанной. Подобно многим другим морским животным, они довольно легко меняют свой пол; известно, что молодые блюдечки большей частью самцы, тогда как пожилые особи в основном самки. Вступая в жизнь самцом, блюдечко достигает зрелости, а потом благополучно превращается в самку, доживая в таком состоянии до старости. Помимо этой любопытной особенности, блюдечки в отличие от сухопутных улиток выбрасывают прямо в море свое будущее потомство, которое в виде мельчайших частиц планктона плавает там до тех пор, пока всерьез не “задумается” о жизни и не осядет на скалах.

Кроме блюдечек подобное полувлажное — полусухое существование ведет масса других существ: брюхоногий моллюск (каллиостома), мокрицеподобный тритон, рачок-бокоплав, различные морские водоросли, некоторые губки и многие камне— и древоточцы. Но самых красочных причудливых созданий можно увидеть в оставленных отливом прозрачных скальных озерах. Здесь наряду с экзотическими методами размножения существуют изобретательнейшие способы защиты и не менее изощренные приемы добывания пищи. Взять, например, морскую звезду. Эта силачка способна не только раздвинуть створки раковины мидии (что уже само по себе является подвигом, в чем вы легко можете убедиться, попытавшись без помощи ножа

открыть устрицу), но когда створки достаточно приоткрыты, морская звезда выпячивает живот, вталкивает его в раковину и начинает переваривать содержимое. В этих же водоемах обитает один из видов оболочников, принадлежащих к классу *Larvacea*, — крошечное, головастикообразное существо с удивительным способом добычи пищи. Он строит из слизи своеобразную ловушку для планктона, покрытую тончайшей жирной пленкой воздушную полость, в которой и сидит, шевеля хвостом создавая ток воды. В полости имеются два жаберных отверстия, снабженных защитными экранами, позволяющими проникать внутрь только небольшим частичкам планктона. Внутри полости имеются дополнительные слизистые фильтры, улавливающие лишь мельчайшие организмы. В слизистой ловушке имеется также запасной выход, позволяющий оболочнику вовремя удрать в случае опасности.

Как и в добывании пищи, существует большое разнообразие в способах защиты — от актиний, плюющихся водой в лицо, если их потревожить, до зеленых крабов, которые, будучи пойманы за ногу, обладают способностью самопроизвольно, путем мускульного сокращения, ампутировать ее, а затем отрастить новую. Осьминоги, кальмары и нежные морские зайцы выбрасывают чернильное облако, чтобы ослепить и запутать врага, пока они спасаются бегством. Морская звезда может пожертвовать в сражении двумя-тремя лучами, а потом отрастить новые. Морские гребешки, чтобы уйти от опасности, используют принцип реактивного двигателя, выпуская сильную струю воды, которая отбрасывает их далеко вперед.

Половая жизнь обитателей морских глубин не менее увлекательна. Например, устрица на протяжении жизни постоянно меняет пол, будучи сначала самцом, потом самкой

и, чтобы окончательно всех запутать, вырабатывает поочередно то сперму, то яйцеклетки. У оболочников-боченочников вообще очень сложная жизненная история. Яйцо развивается в личинку, которая со временем приобретает свойственную взрослым особям боченкообразную форму. Иногда в определенной части тела боченочника появляется колбасовидное выпячивание, на поверхности которого формируются почки. Эти почки, вырастая, отделяются и превращаются в точную копию своих боченкоподобных родственников и начинают самостоятельную жизнь.

Многообразие кишащей вокруг жизни несколько озадачило Джонатана. В довершение всего резко испортилась погода. Небо обложило тучами, подул пронизывающий северный ветер, а море, которое на Джерси никогда не бывает особенно ласковым, стало ледяным. Каждое утро нас привозили на побережье и мы стояли, дрожа, в ожидании, когда выглянет солнце. Стоило тучам слегка рассеяться, как мы с Ли мгновенно разувались, закатывали до колен брюки и, прихватив сети и ведра, заходили в ледяную воду.

— Постарайтесь сделать вид, будто вам это нравится, — командовал с берега Джонатан. — Улыбайтесь, улыбайтесь.

— Какая тут улыбка, когда у меня от холода зуб на зуб не попадает, — огрызался я. — А если она так тебе нужна, потрудись принести бутылку горячей воды.

Из носа текло, глаза слезились, а ниже колен ноги потеряли всякую чувствительность.

— Отлично, — ликовал Джонатан. — А теперь повторим. На сей раз войдите поглубже. И не забывайте об улыбке. Вы же наслаждаетесь, черт возьми.

— Тоже мне, наслаждение. Что я, по-твоему, паршивый белый медведь?

— Неважно. Главное — зритель должен верить, что вам приятно.

— Чтоб им провалиться, этим зрителям.

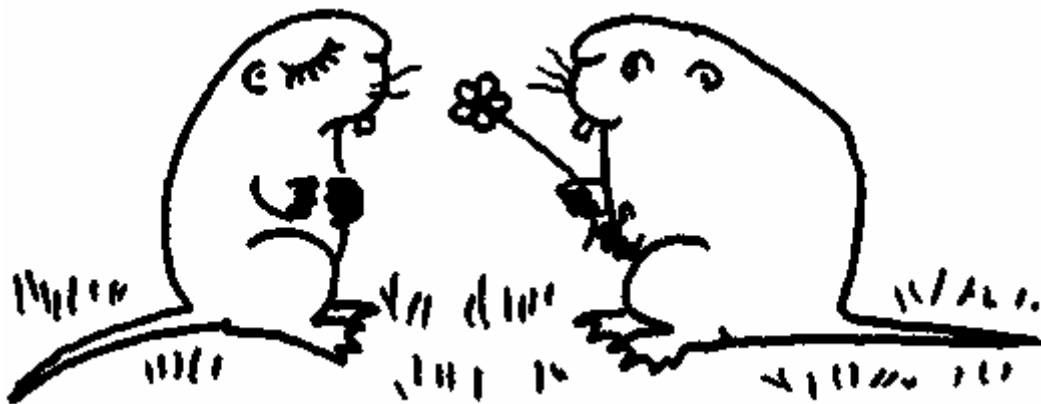
— Что ты такое говоришь? — воскликнул потрясенный Джонатан.

— Если ты сейчас же не прекратишь издеваться, я скажу еще что-нибудь похлеще. Я наверняка схватил двустороннее воспаление легких, а нос моей жены своим сине-фиолетовым оттенком напоминает цвет задницы мандрилла.

— Тогда еще разок — и можете выходить, — не унимался Джонатан.

В результате Ли и я действительно заработали простуду, и единственным утешением для нас стало прибытие Паулы, которая раздобыла несколько бутылок “гленморанжа” и потчевала нас этим божественным напитком до тех пор, пока мы вновь не почувствовали себя людьми.

ФИЛЬМ ВТОРОЙ

Славные Шетлендские острова, а особенно их северная часть, где мы снимали первый фильм нашей программы, с полным правом могут считаться царством ветров; поэтому наше следующее путешествие на юг Франции, в теплый, заросший пышной растительностью Камарг, внесло приятное разнообразие в наши кинематографические будни.

Камарг не похож ни на одно другое место во Франции и даже, пожалуй, во всей Европе. Здесь обитают не только всевозможные виды диких животных; Камарг — родина знаменитых белых камаргских лошадей и выращиваемых специально для корриды свирепых черных маленьких быков. На обширных пространствах болот и в камышовых зарослях, питаемых водами великой реки², в огромных количествах водятся дикие кабаны, бобры, южноамериканские нутрии, водяные крысы и олени; каждую весну, на пути из Африки в

---

² Рона.

Европу, останавливаются передохнуть десятки тысяч перелетных птиц; сотни видов птиц прилетают гнездиться именно сюда, в Камарг. Вся область является уникальным птичьим заповедником.

Во втором фильме мы хотели показать, сколь важны эти места не только для их постоянных обитателей, таких, как дикий кабан, но и для тех, кто находит здесь временное пристанище: краткосрочное — отдыхая от перелета или длительное — выращивая птенцов. По непонятной причине человек, где бы он ни жил, издавна считает болота вредным природным явлением. Стоит ему набрести на симпатичнейшее болотце, полное всякой живности, он не успокоится до тех пор, пока не опылит его пестицидами, не отстреляет всех съедобных животных, не осушит, не перепашет и не засеет всю территорию малопригодными культурами и, благодаря такому антибиологическому подходу к природе, не добьется наконец того, что на месте живописного природного ландшафта возникнет еще один унылый, бесплодный кусок земли. Столь нелепая и порочная, принятая повсеместно практика вредит в первую очередь нам самим. Места, подобные Камаргу, тысячелетиями кормили человека мясом, птицей, рыбой и другими созданиями, обитающими в солоноватых и пресных водоемах; давали тростник для крыш, изгородей и отопления жилищ; снабжали дикорастущими растениями для изготовления лекарств и приправ. Кроме того, этот район являлся заповедным и, если уж рассматривать проблему с такой утилитарной точки зрения, был поистине неиссякаемым продовольственным складом, где дикие животные жили и размножались без каких-либо усилий и материальных затрат со стороны человека. Единственное, что от нас требовалось, — это минимум вмешательства. Вот почему пока Камарг (носящий

пышное имя регионального природного парка) не исчез безвозвратно с лица Земли, а это непременно произойдет под неумолимым натиском того, что эвфемистически называется “прогрессом”, мы в нашем фильме постарались запечатлеть неповторимость этого девственного уголка Европы.

Ли и я любим Камарг особой любовью: ведь здесь, на окраине Нима, всего в двадцати пяти минутах езды от сердца великих болот, на двадцати пяти акрах плато Гарриг раскинулась наша маленькая вотчина — Ма Мишель. Сколько незабываемых часов провели мы в этом доме, трапезничая и отдыхая, загораая и купаясь, наблюдая за похожими на предзакатные облака малиново-розовыми фламинго, переливающимися, словно опалы, щурками и лососиново-розовыми удодами. На улицах Арля мы любовались парадом камаргских *gardiens*³ (местных ковбоев), гордо восседавших на своих белых лошадях вместе с разодетыми в старинные платья прекрасными дамами. По окончании торжественного выезда *gardiens*, уже одни, перестраивали лошадей, образуя угол, напоминавший наконечник стрелы, а в центре, стесненные лошадиным эскортом, находились черные, словно вороново крыло, быки, которых галопом гнали по улицам города в направлении арены. При этом толпа из всех сил пыталась пробить брешь в лошадиной линии, чтобы быки разбежались, покрыв *gardiens* несмываемым позором. К этому времени, влекомые толпой, мы оказывались перед миниатюрной, из светло-золотистого камня, римской ареной, до отказа забитой народом, отчего она походила на причудливую корзину с шевелящимися в ней цветами. Под увертюру к опере “Кармен” ворота распахивались настежь, и из темноты,

---

³ Gardien — пастух (*фр.*).

откуда в давние времена выпускали на арену диких животных и христианских мучеников, появлялся один-единственный бык — черный, сверкавший как гагат, небольшой, мускулистый, с острыми цвета слоновой кости рогами и короткими, сильными ногами, легкими, словно у балерины. Ворота захлопывались, и он оставался стоять на арене — маленькое чернильное пятнышко на светлом песчаном полу. Бык оглядывался, фыркал, трусил вперед, потом останавливался, наклонял голову и начинал с ожесточением бить копытом. Вызов брошен. Начинается бой быков.

Предвижу, что в этот момент негодующий читатель может отбросить книгу и взяться за перо, чтобы напомнить зарвавшемуся натуралисту о жестокости боя быков. Спешу сказать в свое оправдание, что существует два вида корриды, и в той, о которой пойдет речь, быку не угрожает никакая опасность. Напротив, у него есть блестящая возможность расправиться, и подчас беспощадно, со своими извечными противниками — *gazateurs*⁴. А уж если бык войдет во вкус борьбы, его от арены просто за уши не оттянешь, чему я сам неоднократно являлся свидетелем. Черные камаргские быки с удовольствием принимают участие в такой корриде и иногда входят в такой раж, что могут нечаянно убить партнеров.

Коррида происходит следующим образом. Перед выходом на арену к рогам быка с помощью резиновых жгутов прикручивают небольшие яркие султаны, так называемые кокарды. Цель корриды (которую уместнее было бы назвать состязанием в быстроте и ловкости) — сорвать кокарды с рогов быка за те двадцать минут, что он находится на арене. По сигналу на поле появляется группа одетых во все белое,

---

⁴ От французского глагола *raser* — срезать. Здесь — своеобразные “торeadоры”.

точно теннисисты, gazateurs. К правой руке у них привязаны похожие на щетки для чистки лошадей забавные приспособления, с помощью которых они пытаются срезать кокарду с бычьих рогов. За каждую кокарду назначено определенное вознаграждение. Чем дальше находится она на бычьих рогах, тем выше ее цена. Опытные gazateurs, имея дело с быками-дебютантами, нарочно оттягивают процедуру снятия кокард до конца корриды. Но такая игра возможна лишь с новичками. Опытный бык непременно оставит партнера в дураках. Тогда в конце боя в честь быка-победителя исполняется знаменитый марш из оперы “Кармен”, под звуки которого его торжественно уводят с арены, погружают в грузовик и отвозят на родину, в зеленые сверкающие доли и камышовые заросли Камарга. Несколько лет назад, снимая фильм о бое быков, я часто посещал такого рода зрелища и могу засвидетельствовать, что бывалые быки обожают выступать в корриде.

Выйдя на арену, бык-профессионал, точно актер на воскресном спектакле, молча оглядывает публику. Далее следует увертюра под названием “Ну, держитесь”, сопровождаемая громким всхрапыванием, мотанием головой и взрыванием копытами песка. При этом бык делает вид, будто вовсе не замечает осторожно приближающихся к нему gazateurs в белых костюмах. Неожиданно развернувшись и нагнув голову, бык молнией бросается на противников и начинает их преследовать. Словно подхваченные порывом ветра снежинки, они спасаются бегством и в мгновение ока перелетают через заграждение высотой в шесть футов с легкостью, которой позавидовал бы сам Нуриев. Иногда бык, чтобы доказать свою свирепость, вонзает рога в толстые доски, вдребезги разнося барьер. В редких случаях, увлекшись погоней, бык перемахивает через заграждение, и

тогда зрители первых трех рядов в панике разбегаются, возвращаясь на места после того, как быка вновь загонят на арену. Часто бык после звонка, возвещавшего о конце двадцатиминутных состязаний, ни под каким видом не желает уходить с арены и его приходится выдворять с помощью вожака стада с колокольчиком на шее. Никогда не забуду, как однажды вожак, посланный за собратом, так увлекся, что вместо того чтобы вывести упрянца с арены, сам бросился преследовать *razateurs*. Потребовалось вмешательство третьего быка, прежде чем был восстановлен порядок. Путешествие в Камарг не может считаться удачным, если вам не удалось побывать хотя бы на одном из этих потешных спектаклей. Многие быки снискали себе на этом поприще такую популярность, что публика приезжает издалека, чтобы посмотреть на своих любимцев, чья спортивная карьера волнует истинного провансальца ничуть не меньше, чем болельщиков судьба иного знаменитого футболиста или чемпиона по боксу либо борьбе.

Поскольку наш дом все еще ремонтировали, нам пришлось снять номер в прелестном загородном отеле на окраине Арля, с красивым тенистым садом, в котором было удобно отдыхать и обсуждать сценарий. Всего несколько минут езды и вы — в самом центре Камарга. Погода была прекрасной, что совершенно неудивительно для юга Франции, и наш режиссер пребывал в отличном настроении. Вначале мы решили посетить сооруженные в заповеднике многочисленные укрытия, откуда было удобно снимать места массового сосредоточения водоплавающей птицы — одни сооружали здесь гнезда, другие находились “проездом”.

Нашим проводником оказался некто Боб Бриттан, невысокий худощавый человек, похожий на озорного уличного мальчишку; он проработал в Камарге несколько лет

и знал его как свои пять пальцев. Мы, не сговариваясь, окрестили его Британникусом — это прозвище очень к нему шло.

Колоссальные скопления наземных и водоплавающих птиц впечатляли по-своему ничуть не меньше, чем птичьи базары на Шетлендских островах. Необозримая, сияющая водная гладь и ярко-зеленые просторы болот, сплошь покрытых шевелящимся птичьим ковром, — поразительное зрелище. Тучи зеленоголовых селезней и рыжеголовых свиязей, аккуратные зеленоглазые чирки, утки-пеганки в карнавальном черно-зелено-каштановом оперении, красноглазые нырки плавали или садились на воду, перелетая с одного конца болота на другое.

На мелководье охотились аисты. Время от времени то одна, то другая парочка поворачивалась друг к другу, закидывала назад головы и начинала щелкать красными клювами, издавая звуки, напоминавшие ружейную перестрелку лилипутской армии. Процеживая богатый планктоном ил лопатообразными, похожими на деформированные ракетки для пинг-понга клювами, степенно вышагивали белоснежные колпицы. Словно гигантские розовые лепестки, неподалеку бродили фламинго, издавая неприятные хрюкающие звуки, так не сочетавшиеся с их изысканной внешностью. Попадались желтые цапли светло-карамельного цвета, с черно-голубыми клювами и ярко-розовыми (в брачный сезон) ногами. Неброско одетые выпы, похожие на мрачных управляющих банков, обнаруживших превышение кредита, соседствовали в камышовых зарослях с разбойничьего вида кваквами с зоркими красными глазами, черными спинами и черными шапочками на головах, украшенными забавными белыми свисающими хохолками. Рядом расположились рыжие цапли с извивающимися

змееподобными телами и длинными, каштанового цвета шеями; их резкие крики напоминали выступления рок-группы “Юрайя Хип”. Попадались и другие виды болотных птиц: смешно ковылявшие в тине кулики, напоминающие впервые надевших высокие каблуки школьниц; травники и улиты большие; чернокрылые ходулочки с растущими как у очаровательных длинноногих американок, словно из подмышек, ногами.

И наконец эталон красоты — шилоклювка, грациозно скользящая на своих иссиня-черных ногах, в черно-белом одеянии, созданном, несомненно, одним из фешенебельных парижских домов моделей, с аристократически загнутым сверху кончиком носа, который она изредка окунает в воду и изящно раскачивает из стороны в сторону наподобие метронома. По краям болот из вырытых в земле гнезд выпархивали отливающие на солнце сине-зеленым шурки; а среди стоявших группами, словно сбившиеся в кучу мохнатые зеленые зонты, сосен гнездились подобные сияющим звездам на изумрудном небосклоне египетские цапли.

Вокруг кипела такая бурная жизнь, что мы растерялись, не зная, с чего начать. Легкие заигрывания и серьезные ухаживания; добывание корма и ссоры, доходящие до драк; полеты в поднебесье и приводнения в тучах брызг. Даже находясь в засаде, вы постоянно отвлекались — то паук-волк с похожими на драгоценные камни глазами заманивал в свои сети подёнку, то куколка превращалась в бабочку. В камышовых зарослях, со всех сторон обступавших укрытие и заполонивших дренажные рвы, обосновались блестящие, словно покрытые эмалью, упитанные цветастые лягушки, за которыми охотились змеи. На каждом из узких, мечеподобных листьев тростника маленькими черными

печатками проступали очертания древесных лягушек. Стоило осторожно перевернуть лист — и прямо перед вами, плотно приклеившись к нижней его стороне, сидел изумрудно-зеленый, влажный и липкий, как конфетка, крошечный пучеглазый лягушонок.

Трудности съемок заключались в том, что сценарий по ходу дела приходилось постоянно перекраивать. Например, я хотел показать бобров, обитающих, по весьма распространенному мнению, лишь в Канаде, а в Европе совсем не встречающихся. Но ограниченность съемочного времени не позволила нам этого сделать. Пришлось заменить бобров более доступными нутриями.

Начну с того, что нутрии тоже не исконные европейцы. У себя на родине, в Южной Америке, нутрия так же, как и норка, была сельскохозяйственным вредителем; ее вывезли в Европу для разведения в неволе из-за красивого меха. Как всегда происходит в таких случаях, несколько экземпляров благополучно удрали и, найдя европейские реки вполне для себя подходящими, обосновались и начали отчаянно плодиться. Новое местожительство стало для них настоящим раем: здесь у нутрий не нашлось естественных врагов, которые могли бы регулировать их популяцию. А так как нутрии довольно крупные зверьки (вес взрослого самца достигает двадцати семи фунтов), то они стали подлинным стихийным бедствием: роя норы по берегам рек и каналов, они вызывали эрозию и паводки.

При близком знакомстве нутрии оказались забавными и довольно симпатичными созданиями. Живут они по берегам прорытых в низинах небольших каналов, ширина которых редко достигает тридцати футов, глубина же всего два-три фута. Скорость течения здесь невелика, вода хорошо прогревается солнцем, а обилие сочной зеленой

растительности по берегам делает их идеальным местом обитания для этих исполинских грызунов. Вдоль каналов росли тамарисковые деревья с неопрятными шапками бледных грязно-розовых цветков; яркими пятнами выделялись группы желтых ирисов, издали напоминающих огромные куски сливочного масла. Мимо нас близко к земле проносились ласточки, собирая богатый урожай насекомых над лугами клевера, маргариток и вероники. Огромные бабочки-парусники в черно-желтую тигровую полосу, словно оторвавшиеся от стеблей цветки, порхали в ярком солнечном свете над зарослями камыша и цветочными склонами. Верной приметой того, что мы попали в царство нутрий, был их помет, который в огромных количествах медленно плыл в каналах и усеивал все берега в округе. Помет нутрий имеет ряд характерных особенностей: формой и цветом он напоминает короткие, закругленные сигары двух с половиной дюймов в длину, рифленные со всех сторон, вроде надкрыльев некоторых видов жуков.

По пути нам часто приходилось перебираться с одного берега канала на другой, пользуясь для этого довольно ненадежными приспособлениями — гнилыми бревнами или беспорядочно набросанными досками. Чтобы не упасть и не уронить дорогостоящую кино— и звукоаппаратуру, мы постоянно подстраховывали друг друга и сильно шумели. Поэтому, когда мы прибыли на место, нутрий, как следовало ожидать, и след простыл.

— Черт бы их побрал, — не выдержал Джонатан. — Что же теперь делать?

— Ждать, — коротко ответил я.

— Но мы теряем драгоценное время, — пожаловался Джонатан.

— Ты же снимаешь диких животных, дорогуша, — уже в который раз пытался втолковать я, — а не кинозвезд. Животным наплевать на твои проблемы.

— А как же Лесси и Рин-Тин-Тин? — возразил он.

— Плоды гнилого голливудского воспитания, — нашелся я. — Постарайся лучше отвлечься. Посмотри, какой оригинальной формы испражнения.

— Не могу же я посвятить этому всю получасовую программу, — вполне резонно заметил Джонатан.

— Терпение, мой друг, — успокаивал я. — Они непременно вернуться.

Но я ошибся. Они не вернулись. После нескольких часов бесплодного ожидания, в течение которых я пытался успокоить Джонатана всевозможными анекдотами, шуточными стихами и воспоминаниями об аналогичных случаях, происшедших на съемках фильмов о животных, что, естественно, не возымело никакого действия, мы решили последовать совету Британникуса и прийти сюда еще раз вечером, когда нутрии, как уверял наш гид, непременно соберутся на ужин.

Оставив на некоторое время нутрий, мы посвятили день съемкам птиц и возвратились назад лишь к вечеру. Дорога была уже знакома, и поэтому нам удалось добраться до места с большим успехом и меньшим шумом. Оказавшись под сенью тамарисков, росших так густо, что они образовывали естественное укрытие, мы договорились, что в случае появления нутрий снимем их сначала из засады, а потом мы с Ли подойдем к ним поближе, так как Джонатан горел желанием заснять главных героев вместе с животными.

— Лично мне до смерти надоели фильмы о животных, в которых главный герой с умным видом долго смотрит в бинокль, потом продирается сквозь кусты, а в следующем

кадре пингвин радостно отплясывает джигу, — доверительно сообщал он мне довольно громким шепотом, — и при этом всем ясно, что актер пингвина в глаза никогда не видел.

— Должен заметить, что актеру крупно бы повезло, застань он пингвина за таким занятием, — глубокомысленно заметил я, — но, кажется, я понял, что ты имеешь в виду.

— Я имел в виду... — начал Джонатан, но Ли на него зашикала.

— Мне кажется в воде, вон там, плывет что-то темное, — сказала она, показывая рукой.

— Наверное, очередная какашка, — мрачно проговорил Джонатан.

Мы с надеждой взглянули в указанном направлении и увидели тупую усатую морду с удивительно крупными желтыми зубами, медленно плывущую над поверхностью воды, оставляя за собой V-образный след мелкой ряби. Все принялись отчаянно жестикулировать, стараясь привлечь внимание находившегося в отдалении Криса, но он сам заметил зверя и занялся съемкой.

Голова подплыла к берегу, и животное с трудом вытасило на сушу свое жирное тело, похожее на обтянутый мехом воздушный шар. У него были большие голые перепончатые лапы и длинный толстый чешуйчатый, как у крысы, хвост. Усевшись на толстый зад, зверь подозрительно приюхивался; передние лапки были сложены в уморительные кулачки, а громадные желтые зубы торчали вперед, так что казалось, он все время скалится. Единственное, чего ему не хватало, — это монокля и узкого галстучка; тогда он сразу бы стал похож на типичного среднего англичанина в представлении среднего американца. Убедившись, что все спокойно, зверек начал обстоятельно чиститься передними лапками. У нутрии имеются сальные

железы, расположенные в углах рта и у анального отверстия. мех состоит из грубых, жестких остей и тонкого, нежного подшерстка. При выделке меха верхний грубый слой выщипывается, а подшерсток остается. Все мы с улыбкой наблюдали за тем, как тщательно животное чистило, расчесывало и смазывало свою шерстку, не замечая ничего вокруг. Пока первый зверь был всецело поглощен столь важной процедурой, над водой показались другие морды, и вскоре несколько разнокалиберных особей, от совсем еще юных отроков до пожилых матрон, начали грузно вылезать на берег. Вскоре уже пять-шесть нутрий сосредоточенно занимались своим туалетом, в то время как остальные продолжали плавать и нырять в канале. Приведя себя в порядок, нутрии отправились ужинать, медленно бредя вдоль берега и поедая сочную траву. Если бы не их ужасная манера подрывать все, что попадалось на пути, с эффективностью саперной роты, эти симпатичные добродушные создания могли бы стать украшением любой местности.

Вскоре Крис дал нам понять, что сделал все нужные ему кадры, и, пользуясь все тем же языком глухонемых, велел нам с Ли приблизиться к резвящимся зверькам, чтобы заснять задуманную Джонатаном сцену. О направлении ветра не стоило и беспокоиться, так как его не было и в помине. Опасаться следовало другого — наши головы не должны были виднеться на фоне освещенного горизонта, поэтому, согнувшись вдвое, словно пара краснокожих разведчиков, мы с Ли начали осторожно пробираться вдоль канала. Ориентиром нам служил тамариск с торчавшей сломанной ветвью, находившийся как раз напротив компании нутрий. Добравшись до дерева, мы начали медленно, дюйм за дюймом, выпрямляться и наконец встали во весь рост. Примерно в двадцати пяти футах от нас находились нутрии.

Мы стояли не шевелясь, а звери не замечая нашего присутствия, продолжали банные процедуры. Тогда мы начали осторожно продвигаться вперед. Это напоминало детскую игру “замри”, где водящий стоит спиной, а остальные приближаются к нему. Стоит ему повернуться — все замирают на месте. Тот, кто пошевелится, становится водящим. Мы с Ли, играя с нутриями в “замри”, так в этом преуспели, что Крису удалось сделать несколько очень удачных групповых кадров. И вдруг, когда мы стояли как вкопанные, тот самец, что появился первым, неожиданно повернулся и уставился прямо на нас; при этом ноздри его раздувались, усы зло топорщились и оранжевые зубы были направлены вперед, как ятаганы. Так как мы были абсолютно неподвижны, то не могли взять в толк, что могло его встревожить; впрочем, даже незначительное дуновение ветерка могло донести до него наш запах. Зверь с размаху шлепнулся на все четыре лапы, бросился вниз и вошел в воду без единого всплеска, что было удивительно для такого крупного животного. В следующую минуту паника охватила остальных; они галопом промчались по берегу и попрыгали в канал, глубоко ныряя для полной безопасности и поднимая со дна ил.

Поздним вечером, сидя за коктейлем в зеленом сумраке платанов в саду отеля, Джонатан, удовлетворенный удачными съемками, не без самодовольства произнес:

— Отличный выдался денек. Теперь нам остались только свиньи и быки. Кстати, что у нас со Свиной?

— Она прибудет завтра к вечеру, — ответил Британникус. — Советую запастись противомоскитными средствами.

— О боже, только не москиты, — ужаснулся Брайан, закотив глаза. — Эти твари меня сожрут.

— Я думаю, здесь самая высокая концентрация москитов во всей Европе, — коварно заметил Британникус.

Брайан застонал.

— Не понимаю, к чему такой шум из-за парочки комаров, — удивился Джонатан. — Лично меня они не трогают.

— Я бы на месте любого уважающего себя комара держался от тебя подальше, — елейно заметил Крис, демонстрируя обычные для оператора “любовь” и “уважение” к режиссеру.

— А кто такая Свинарка? — вмешалась Паула.

Поддавшись накануне гастрономическим искушениям прекрасной Франции и не имея столь луженого желудка, как остальные члены съемочной группы, она благоразумно провела весь день в постели и поэтому была не в курсе последних новостей.

— Свинарка, — со знанием дела принялся объяснять Джонатан, — молоденькая студентка-зоолог, изучающая жизнь диких кабанов Камарга. Она отлавливает их, вешает им радиофицированные ошейники, а потом разъезжает в своем фургоне по всей округе, составляя маршруты их передвижения. А мы будем все это снимать.

— А почему бы ей не поработать днем, когда москитов нет? — с надеждой спросил Брайан.

— Днем свиньи не бегают, — сказал Джонатан, — днем они отдыхают. Я прав, Британникус?

— Абсолютно, — подтвердил Британникус. — Большой частью *Sus scrofa*⁵ кормится ночью, особенно в тех местах, где днем на него охотятся. А сейчас охота на них объявлена практически повсеместно.

---

⁵ *Sus scrofa* — кабан (лат.).

— Бедные свинки, — пожалела Ли. — Чем же они провинились?

— Начнем с того, что своей привычкой подрывать корни растений они наносят огромный ущерб урожаю. К тому же, если корма будет много, они могут дать за год два помета, каждый до шести поросят. Вот фермеры и решили держать под контролем их численность, — пояснил Британникус.

— Не следует забывать и то, что мясо кабана — деликатес, — вставил я.

— Совершенно верно, — подмигнув, сказал Британникус. — Я уверен, что в некоторых местах Камарга вредоносность кабанов сильно преувеличена из-за желания поохотиться на них.

Поздним вечером мы отправились встречать Свинарку. Между полями розовато-лиловой лаванды, издали напоминающей стелющийся на высоте двух футов от земли бледный дымок, бежали ровные, словно вычерченные по линейке, белые от соляной корки проселочные дороги. Местами попадались группы диких олив — невысоких ветвистых деревьев с серебристо-зелеными листьями. Молодые деревья казались такими плотными и кудрявыми, словно кто-то сделал им новомодную стрижку. Чем дальше мы ехали, тем гуще становились оливковые заросли; наконец мы прибыли на белый, сверкающий посреди чащи перекресток. Голубое небо было слегка позолочено, а неподвижные, бледные, чуть заметные перистые облачка окрашивались гаснущим закатом в золотой, а потом в розовый цвета. Остановив машины, мы стали поджидать Свинарку. Вскоре появилась и она, подпрыгивая на ухабах в своем крошечном, разбитом фургончике с длинной, торчащей из крыши антенной, изгибающейся и трепещущей, словно удочка с пойманной рыбой. Заглушив мотор и выйдя из

машины, Свиарка направилась к нам. Не знаю почему, но прозвище Свиарка вызывало в моем воображении сцены из рассказов-ужасов о полуженщине-полусвинье, с громадными клыками, свиным рылом, капающей изо рта слюной и гнусными привычками, вроде поедания собственного потомства. Поэтому я испытал чувство облегчения при виде стройной интересной молодой особы, несколько не похожей на малопривлекательных представителей семейства Suidae⁶. Девушку звали Мариза, и пока Джонатан объяснял, что ей предстоит сделать, она рассматривала нас ясными, смеющимися глазами. Возможно, мы показались ей немного странными, но она и виду не подавала, а с радостью предложила свои услуги чудаковатым англичанам. Вначале Джонатан попросил ее прокатиться по лесу в своем фургончике с раскачивающейся во все стороны антенной, имитируя ночную езду по следу кабанов. Эти кадры пришлось снимать до захода солнца, но после специальной обработки пленки в лаборатории все выглядело так, как если бы снималось ночью. Когда эпизод был завершен, стало почти темно.

И тут, словно повинуюсь какому-то тайному сигналу, появились москиты и плотной стеной облепили нас со всех сторон. Я всегда утверждал, что по количеству москитов ни одно место на Земле не может сравниться с долиной Гран-Чако в местечке Мату-Гросу. Но после того, что нам пришлось испытать в Камарге, я не уверен, что безоговорочно отдам пальму первенства Парагваю. Стоило вам включить карманный фонарик, и вы уже не видели ничего за сплошной живой москитной массой. Дышать можно было только носом,

---

⁶ Suidae — семейство нежвачных парнокопытных животных, к которому относятся свиньи.

иначе через секунду легкие ваши были бы полны москитов. Руки, лицо и шея были покрыты толстым черным слоем насекомых. Москиты проникали в волосы и вгрызались в кожу головы; остальные части тела обглаживались прямо через тонкую летнюю одежду. Не прошло и минуты, а Брайан уже вертелся на одном месте, как дервиш, хлопая себя по всем местам и громко стелая. Хотя от него отчаянно несло противомоскитным средством, это не возымело должного эффекта. Напротив, резко пахнувший репеллент, вероятно, показался камаргским москитам чем-то вроде аперитива перед обильной кровавой трапезой. Мы с Ли понимали, что, если дорожим собственной жизнью, лучше не упоминать о том, что москиты нам, в общем-то, не особенно досаждали. Я, за время постоянных странствий, и Ли, благодаря двум годам, проведенным на Мадагаскаре, выработали шкуры, словно у носорогов. Поэтому хоть москиты и раздражали нас тем, что лезли то в глаза, то в нос, укусы их были почти безболезненны и даже не чесались. Но если, не дай бог, мы упомянули бы об этом вслух, нас сожрали бы с потрохами.

Пока остальные члены съемочной группы, ругаясь на чем свет стоит и колотя себя всюду, устанавливали аппаратуру для следующей сцены, мы с Ли и, по меньшей мере, двумя миллионами москитов, устроившись на заднем сидении фургончика, слушали, как Мариза рассказывала о своих исследованиях. Раньше, наблюдая за жизнью животных в естественных условиях, приходилось полагаться только на собственное зрение и способности следопыта. Теперь, с использованием радиослежения, результаты исследований стали более полными и точными. Маленький, встроенный в ошейник животного радиопередатчик посылает в эфир сигналы. Сигналы улавливаются радаром и подаются на экран.

Снимая показания с экрана и перенося их на карту местности, вы можете следить за перемещением животных, насколько им не мешая и даже не приближаясь к ним. Чувствовалось, что Мариза просто обожала своих кабанов и говорила о них с таким увлечением, что совершенно не замечала moskitov. Знаем ли мы, как разнообразен их стол? Кроме вегетарианской пищи — желудей, плодов бука, травы, составляющих большую часть их рациона, они с удовольствием угостятся “деликатесами” — падалью, гнездящимися в траве птицами, их яйцами и птенцами, ящерицами и змеями, насекомыми и крабами. Говорят, они даже большие знатоки по части ловли мышей. Во время гона, продолжала Мариза, хряки устраивают отчаянные поединки, часто сильно раня друг друга острыми как бритва клыками. Их излюбленный прием — удар соперника под лопатку; для защиты от клыков противника у самца кабана в этот период вырастает на плечах толстенный слой жира и мяса — что-то вроде железного панциря средневекового рыцаря. Незадолго до опороса самка кабана уединяется, отыскивает в зарослях тихое, укромное место, где строит уютное гнездо, иногда накрывая его сверху подобием крыши, и производит на свет поросят.

Тем временем установили прожекторы, осветив внутреннее устройство находящегося во власти moskitov фургончика, и мы приготовились снимать Маризу за работой. Она вытащила карты, включила радарное устройство и стала медленно поворачивать удочку-антенну на крыше. Вскоре на экране радара появился сигнал — маленькая зеленая точка, потом другая, третья, четвертая... получилось целое светящееся созвездие. Все это отдавало каким-то колдовством: мы, сидя в фургончике на расстоянии целой мили от кабанов, могли следить за всеми передвижениями

этих скрытных и осторожных животных, а они даже не подозревали о нашем существовании. Вконец искусанные, но довольные мы поблагодарили Маризу за помощь и, оставив ее продолжать работу, отправились в отель, предварительно договорившись наутро встретиться и посетить расставленные ею капканы.

Когда мы, проехав по белым, прямым, как стрела, дорогам, добрались до густых, темных, загадочных оливковых зарослей, небо на востоке начало постепенно светлеть, окрасившись в лимонно-желтый цвет. Слышалось пение птиц; темным пятном на фоне загорающегося неба выделялась стая спешащих на завтрак, в глубь болот, диких уток. Оставив машины и пройдя несколько сотен ярдов, мы вышли на поляну, где у Маризы была устроена западня — огромный ящик из железа, дерева и проволоки, набитый всевозможными кабаньими лакомствами. Ловушки необходимо было осматривать на рассвете, до восхода солнца, иначе попавших в них кабанов мог хватить солнечный удар. Посещение ловушек всегда таит в себе элемент неожиданности — вы ведь не знаете заранее, увенчалась ли ваша затея успехом. Я устанавливал ловушки по всему свету, но всякий раз, подходя по утрам к западне, не мог избавиться от радостного предвкушения встречи с неизвестным. На сей раз мы были вознаграждены сполна, так как в ловушку попало шестеро, размером со взрослого терьера, молодых кабанят с рыжеватым мехом и следами младенческих полосок на спинках. Увидев у одного из них на шее радиоошейник, Мариза пришла в восторг. Вероятно, этот кабанчик и привел своих братцев и сестричек к западне, в которую сам когда-то угодил.

Почувствовав наше приближение, малыши сбились в кучу, наступали друг другу на ноги, хрюкали и визжали.

Мариза с помощниками работала очень оперативно. Нужно было как можно скорее провести операцию, чтобы свести до минимума поросячий стресс. Каждый из кабанят по очереди попадал в воронкообразный раструб, из которого, под душераздирающие визги, его или ее аккуратно доставали и надевали радиоошейник; в следующую минуту страдалец уже мчался по лесу, выражая негодование яростно загнутым кверху хвостиком и унося с собой, сам того не подозревая, устройство, с помощью которого мы получим негласный доступ в его личную жизнь. Должен признать, что по отношению к этим существам мы поступали не совсем честно. Это было похоже на то, как если бы местное полицейское отделение установило аппаратуру для тайного наблюдения в вашей спальне. Но подходя со всей ответственностью к проблеме охраны природы, мы должны знать законы, по которым она живет, и вовремя помогать ей справляться с трудностями. А это — всего лишь способ достижения цели.

На следующее утро, набив рот хрустящей булочкой, Джонатан невнятно, но ликующе провозгласил:

— Быков я обеспечил.

— Угу, — рассеянно кивнул я. — Каких быков?

— Помнится, ты говорил, что Камарг без быков — это не Камарг. Вот я и постарался.

— Но в это время года бой быков обычно не устраивается, — уточнил я.

— При чем здесь бой быков? — сказал Джонатан. — Мы сами будем изображать ковбоев.

— Кого это ты имел в виду, говоря “мы сами”? — поинтересовался я. — Уж не меня ли с Ли?

— Конечно вас, а кого же еще, — в голосе Джонатана появились многообещающие нотки. — Вы отправитесь на болота, окружите стадо быков и прогоните их перед камерой.

— Что значит “прогоните их перед камерой”? — возмутился я. — Это же дикие быки, а не стадо коров!

— Да не волнуйся ты так. Вы будете сидеть верхом, — сообщил Джонатан.

— Ой, как здорово, — обрадовалась Ли.

— Ничего здорового тут нет, — заверил я ее. — Пойми, я не сидел на лошади лет тридцать, а мне предлагают скакать верхом, сгоняя стадо диких быков.

— Да что ты волнуешься, — повторил Джонатан. — Это же проще, чем...

— Не надо, — прервал я его. — Помнится, ты однажды уже употребил эту метафору при описании скал острова Анст, и не могу сказать, чтобы она пришлась очень кстати.

— Может быть, они найдут для нас каких-нибудь пожилых лошадок? — с надеждой спросила Ли.

— Что касается меня, я сяду только на клячу, годную разве что для живодерни, — пообещал я.

— Все будет в порядке, — успокоил Джонатан. — Они обещали подобрать самых смиренных лошадей.

— Не будь Паула так больна, она ни за что бы не позволила так измываться над главными героями, — сказал я. — Она-то знает, как обласкать кинозвезду.

Выбранные для нас лошади и в самом деле оказались кроткими, послушными скотинами, беспрекословно исполнявшими все команды, а седла, сделанные на манер ковбойских, были удобны и мягки, как кресла, и столь же безопасны. На краю болота, в зарослях тамариска установили

камеры, а мы в сопровождении десятка цыганского вида пастухов отправились на поиски быков.

Путешествие верхом, если вы занимаетесь этим регулярно, — одно из лучших средств передвижения для натуралиста. Скорость зависит исключительно от вашего желания, а наблюдения можно делать не сходя с седла; к тому же на лошади можно заехать в места, куда на другом транспорте не доберешься. И в качестве последнего довода — живая природа испытывает к всаднику гораздо больше доверия, чем к пешеходу.

Итак, мы отправились в путь. Солнце немилосердно жгло наши спины, небо синело, словно цветы вероники, розово-зеленые тамариски мелькали перед нашим взором, а ноги лошадей тонули в прозрачной воде, покрывавшей траву шестидюймовым слоем. То здесь, то там мелькали куртины ярко-желтых, отливавших золотом ирисов. По мере продвижения к центру болота вода поднималась все выше, и каждый раз, когда копыта лошадей шлепались о воду, в воздух взлетали фонтаны брызг; капельки сверкали и переливались на солнце всеми цветами радуги, точно алмазные. Блестящие, будто отполированные лягушки скользили под водой, пытаясь увернуться от чудовищных лошадиных копыт.

Мимо нас проносились громадные голубые и ярко-красные стрекозы. При нашем приближении с зарослей ирисов вспархивали стайки изящных стрекоз-красоток в изысканном сочетании бледно-голубого и лазурного.

Гудя и блестя на солнце крыльями, деловито пролетела исполинская алая стрекоза, зажав в мощных челюстях ярко-голубую красотку. Опаловые щурки и темные ласточки на лету подхватывали насекомых, а вдалеке, среди тамарисков,

вылавливали из воды лягушек и мелкую рыбешку желтые и белые цапли, выпы и кваквы.

Неожиданно впереди мы увидели быков. Их было около сотни, пасшихся в тени деревьев, — грозный черный риф на фоне безобидной болотной зелени. Пастухи велели нам отъехать в сторону, а сами, растянувшись в длинную цепочку, свистя и подбадривая друг друга, окружали недоверчивых, фыркающих зверюг. Через какое-то время им удалось стронуть стадо с места, мы пристроились позади и погнали его вперед. Вначале быки двигались неспеша, но, войдя в азарт, подхлестываемые громкими криками пастухов, перешли на рысь, а затем на галоп, яростно вспенивая воду и вынуждая нас следовать за ними в таком же темпе. Мы испытывали поистине пьянящее чувство, когда стадо, вздымая волны, несло впереди, а мы летели за ним, крича и улюлюкая, словно самые настоящие пастухи.

И вдруг, в одно мгновение, все переменялось.

Добежав до густых тамарисковых зарослей, стадо, словно испугавшись того, что в них скрывалось, разом остановилось, а затем, повернув, бросилось назад. Теперь уже не мы гнали быков, а они нас. Страшная черная масса, увенчанная лесом острых загнутых рогов, неумолимо катилась на нас, грозя растоптать и уничтожить. Те пять минут, что потребовались пастухам для того, чтобы остановить паническое бегство, обошлись нам дорого. Пока быки отдыхали и паслись, мы с трудом пришли в себя и через некоторое время, правда, уже с меньшим энтузиазмом снова погнали их к камерам.

Тут настал час моего отмщения Джонатану. Камеры, около которых находились Джонатан и оператор, располагались всего в сотне ярдов от нас, среди группы молодых тамарисков. На быков вдруг вновь напал страх. На

сей раз они твердо уверовали, что опасность кроется где-то позади, и потому, сломя голову, устремились к камерам. Мы-то намеревались прогнать их мимо камер, снимая со всех сторон, но куда там? Пастухи не успели опомниться, как громадная черная лавина, круша и сшибая попадавшие на пути деревья, в одно мгновение поглотила Джонатана, Криса и кинокамеры. К счастью, обуреваемые страхом быки промчались мимо, обогнув с двух сторон островок, на котором находились злополучные режиссер с оператором.

Я подъехал к насмерть перепуганным Джонатану и Крису.

— Эй, Харрис, — радостно окликнул я. — Хорошо повеселились?

— Повеселились? — прохрипел Джонатан. — Я думал, нам пришел конец. Это была самая страшная минута в моей жизни.

— Брось пороть ерунду, — беспечно отозвался я. — Подумаешь, каких-то несколько быков.

— Несколько? — взорвался Джонатан. — Их были сотни! Они могли нас убить.

— Не понимаю, что ты нервничаешь, — притворился я. — Все произошло так, как ты сказал.

— Что я сказал? — нахмутив брови, подозрительно спросил Джонатан.

— Ты сказал, что это проще, чем с бревна упасть, — мягко промолвил я. — Так оно и вышло.

Харрис смерил меня таким взглядом, что у меня кровь застыла в жилах; так смотрел только знаменитый, ныне покойный Борис Карлофф⁷.

---

⁷ Известный американский киноактер, сыгравший роль Франкенштейна в одноименном фильме по роману Мэри Шелли.

ФИЛЬМ ТРЕТИЙ

Как бы ни было порой жарко в Камарге, каким разнообразием ни поражал бы нас растительный и животный мир болот — все это не шло ни в какое сравнение с буйством тропической природы, с неисчерпаемым богатством флоры и фауны которой мы собирались познакомить наших телезрителей. Северная и южная части Американского континента сужены посередине, точно песочные часы, Панамским перешейком. По этой узкой полоске земли тропические леса попадают из Бразилии в Эквадор, Гондурас и Мексику и, по мере продвижения к северу, в более умеренные зоны США, постепенно исчезают.

Панама — фантастическая страна, страна-сказка, о которой только может мечтать натуралист. В один и тот же день можно с утра побывать в настоящем многоярусном тропическом лесу, а к вечеру попасть на живописный, полный разнообразной жизни остров кораллового рифа. Именно поэтому мы и выбрали Панаму — проклятый бюджет не позволял нам блуждать по свету в поисках лучшего места, а здесь, в этой крошечной стране, лес и море были у нас прямо под рукой. В фильме мы хотели также сравнить эти две,

кажущиеся очень разными экосистемы; ведь если принять кораллы и водоросли за деревья, а рыб, раков и других морских созданий за птиц, зверей и рептилий, то вы с удивлением обнаружите, что в жизни кораллового рифа и тропического леса очень много общего.

У Панама, на наш взгляд, было еще одно неоспоримое преимущество: со времени открытия канала и последовавшего за этим неизбежного затопления части суши возник остров под названием Барро-Колорадо, на котором вот уже многие годы находится тропическая научно-исследовательская станция Смитсоновского института. Другая станция института, но уже по исследованию коралловых рифов, расположена на островах Сан-Блас, лежащих вдоль побережья Карибского моря, в часе лета от столицы Панама. Стоит группе ученых обосноваться в каком-нибудь месте, можете быть уверены — от их внимания не ускользнет ни один листик, ни одна букашка; столь всеобъемлющее знание предмета, учитывая ограниченность нашего съемочного времени, принесло нам неоценимую пользу.

Прилетев в Панаму, Ли и я долго не могли приспособиться ко времени, так как по пути из Европы через Атлантику в Нью-Йорк, а потом в Панаму мы пересекли несколько часовых поясов. Но никакая усталость не могла погасить радости новой встречи со щедрой тропической природой. Видеть серьезных, одетых в черное, точь-в-точь как владельцы похоронного бюро, скворцов, важно шествующих по недостроенному многоэтажному дому напротив окон нашей спальни, и порхающих в саду отеля колибри и бабочек, величиной с ладонь, вдыхать влажный, ароматный, горячий воздух, напоминающий запах свежее испеченного сливового пирога, и знать, что ты снова

находишься в этом райском уголке Земли, называемом тропиками, — поистине ни с чем не сравнимое наслаждение.

На следующий день, после того как мы немного отдохнули, состоялась деловая встреча с Паулой и Аластером. Должен заметить, что Аластер отличался довольно своеобразной манерой общения с себе подобными; даже я, считавший свои способности в этой области практически безграничными, на сей раз зашел в тупик и был вынужден привлечь Паулу в качестве переводчицы. То, что говорил Аластер, не поддавалось никакому описанию. Он мимоходом бросал полфразы, а еще хуже — две полфразы, никак не связанные между собой, а вы вынуждены были сами дополнять их недостающими словами, чтобы получился хоть какой-то смысл. Все это напоминало попытки разгадать кроссворд из “Таймс” без помощи ключевых слов. На сей раз, одарив нас лучезарной улыбкой, он произнес:

— Пришли в себя? Ну и отлично. Думаю... вы понимаете... вначале Сан-Блас. Рифы похожи... нет, пожалуй, больше похожи на... леса, рыбы просто птицы без крыльев. А вы как думаете? Острова... красиво... поэтому никто не... знает, когда мы туда доберемся. Потом известно, что, ну, Барро-Колорадо, да?

Я сделал большой глоток. К счастью, я уже давно знал Аластера, еще со времени работы на Маврикии, и время несколько сгладило ужасающие подробности нашей первой встречи. Я обратил на Паулу безмолвный просительный взгляд.

— Аластер хотел сказать вот что, милый, — мягко сказала она. — Фильм о коралловом рифе, учитывая предстоящие подводные съемки, делать гораздо сложнее, чем фильм о тропическом лесе, поэтому он предлагает начать с островов Сан-Блас. Согласны?

— Конечно, — ответил я, — нам все равно.

— Вот и чудесно. Тогда отправляемся завтра. Возражений нет?

— Нет, — сказала Ли и тут же допустила тактическую ошибку, попытавшись извлечь дополнительную информацию из нашего режиссера. — А как выглядят эти острова?

— Покрыты... понимаете... такими красивыми штукаами, пальмами, вот... гм! многие из них индейцы, правительство не может справиться... женщины... золото в носу, ну и так далее. Рифы огромные, — сказал Аластер, возбужденно размахивая руками. — Вам понравится... уверяет... Конрад.

— А нет ли у вас путеводителя? — с надеждой спросила Ли у Паулы. В качестве гида Аластер вряд ли мог оказаться полезным, хотя энтузиазма у него было хоть отбавляй. Мне часто приходило в голову, доведись марсианам попасть на Землю и встретить первого представителя человеческой расы в лице добрейшего, великодушного, но в высшей степени невразумительного Аластера, они могли бы считать, что им повезло.

Ранним утром следующего дня мы собрались на маленьком аэродроме на краю города. Нашим оператором был назначен Роже Морид, статный красавец-француз, чей голос и внешность напоминали покойного Мориса Шевалье. Он оказался мастером рассказывать анекдоты и большим любителем прекрасного пола.

После того как мы втиснули наше разнокалиберное оборудование в небольшой двенадцатиместный самолет и заняли свои места, в салон вошли несколько коренастых, кофейно-коричневых, монголоидного вида, нарядно одетых индейцев. На мужчинах были рубашки, брюки и шляпы с мягкими полями, а на женщинах — яркие разноцветные

юбки, платки и блузки, оживленные выпуклой двусторонней аппликацией. У одной пожилой индианки спереди на блузке сидел огромный, огненного цвета тукан, у другой — две громадные красные рыбины обменивались радостными улыбками на фоне ультрамаринового моря; на груди третьей дамы можно было видеть полную драматизма сцену из рыбачьей жизни, где несколько маленьких черных человечков в каноэ тщетно пытались поймать удочкой косяк рыбы размером с кашалота. У всех без исключения индианок, напоминавших своими красочными нарядами разноцветных, ярких попугаев, в качестве дополнительного украшения в носы были вдеты золотые, размером с обручальные, кольца, а на щеки нанесен солидный слой цикламеново-розовых румян. Это были аборигены островов Сан-Блас, выглядевшие, на мой взгляд, просто бесподобно.

Пока мы находились над сушей, полет наш проходил относительно спокойно. Вскоре мы достигли побережья Карибского моря и полетели над голубой, почти прозрачной водой с высывающимися из нее, точно странные морские чудовища, рифами, словно вправленными в голубой янтарь. Повсюду были разбросаны тысячи мелких островков Сан-Блас, таких аккуратных и миниатюрных, с кольцом коралловых рифов вокруг белых песчаных пляжей и лохматыми париками пальм, что они походили на выставленные в витрине магазина игрушечные “Острова Южных Морей”. Вскоре, к моему ужасу, пилот начал резко снижаться, направляясь к такому крошечному островку, что, казалось, сесть на него просто невозможно, разве только в случае крайней необходимости. Мы летели, почти касаясь воды, и бедняга Аластер, который боялся маленьких самолетов ничуть не меньше, чем я высоты, выглядел довольно бледно.

Но в тот момент, когда мы решили, что нам не избежать падения в море, самолет, миновав кусочек снежно-белого песчаного пляжа, вылетел на черную взлетно-посадочную полосу. Подпрыгнув несколько раз в воздухе, самолет понесся по дорожке, жутко визжа тормозами. Когда он наконец остановился, мы поняли, почему приземление было столь стремительным. Взлетная полоса рассчитана точно по диаметру острова, ни одного лишнего дюйма. Если самолет не приземлится в самом ее начале, он рискует, не успев затормозить, въехать в море. Поэтому все, не говоря уже об Аластере, были рады, что воздушное путешествие завершилось.

Пока мы сидели в самолете, огромную грудку нашего нагретого солнцем багажа со всех сторон любовно облепила коричневая и зеленая саранча. Все наши попутчики были встречены родственниками; их каноэ, превратившись в маленькие черные точки в сверкающем море, направлялись к многочисленным, разбросанным в необозримом пространстве островкам. Вскоре показалась большая, с низкой посадкой лодка; когда она подплыла к причалу, из нее выбрался коренастый кривоногий человек, до того похожий на тибетца, что, казалось, он прибыл прямо из Лхасы. На самом деле его звали Израил и он был владельцем отеля, в котором мы должны были жить.

Море на мелководье было почти горячим, температуры человеческого тела, и прозрачным, словно слеза, с маленькими стайками порхающих вблизи песчаного дна пугливых разноцветных рыбешек. Оттолкнувшись от берега, мы медленно поплыли по спокойной воде к небольшому острову, четырех-пяти акров в длину, скрывавшемуся в густых пальмовых листьях. Обогнув остров, мы направились к крошечному бетонному причалу, за которым находился

отель — сооружение до того великолепное, что у меня захватило дух.

— Посмотри, — в восторге воскликнула Ли. — Это просто чудо! Я никогда не видела ничего подобного.

— Самый необычный отель, который я где-либо встречал, — сказал я. — Пять с плюсом, Аластер. Вот это подарок.

— Забавный, правда? — спросил Аластер, сияя. Короткие фразы давались ему куда лучше.

Отель и правда был замечательный. Двухэтажное в форме латинской буквы L здание было сделано из связанных между собой рафией стволов бамбука, с крышей из пальмовых листьев. По всему периметру отель опоясывала двухэтажная веранда, на которую выходили, как мы догадались, двери спален. Здание нависало над глубоким бетонным бассейном, где сновали мириады разноцветных рыбок и жили две огромные морские черепахи. Рядом с отелем располагалось убогое строение из бамбука и пальмовых листьев с выцветшей от времени вывеской “Бар”. Пейзаж украшали высокие, изогнутые, словно луки, пальмы, чьи темно-зеленые вайи шелестели на ветру, будто перешептываясь друг с другом; пышно цвели растущие в изобилии гибискус и другие тропические кустарники. В ослепительном сиянии солнечных лучей все вокруг казалось ненатуральным, походило на роскошные декорации для грандиозного голливудского фильма из колониальной жизни. Казалось, вот-вот на шаткой бамбуковой лестнице в безупречных белых парусиновых брюках возникнет желчный Сомерсет Моэм. Но вместо него, почти столь же высокомерно, взирали на нас из бассейна две черепахи.

Наша спальня представляла собой, мягко говоря, нечто совершенно невиданное. В окнах не было никакой

необходимости, так как свет проникал в комнату сквозь многочисленные щели в стенах; некоторые были до того велики, что через них открывался великолепный обзор бескрайних морских просторов с разбросанными там и сям островками. Гигантских размеров кровати провисали посередине — не вызывало сомнения, что в давние времена из них выпали какие-то очень важные детали. Песок на полу приятно хрустел под ногами, привнося в жилище свежий уличный колорит. Наш роскошный двухместный номер начинался с малюсенького, размером с прямостоящий гроб, закутка, сделанного из искореженных пустых банок из-под керосина, накрытых облезлой, невообразимо яркой, клетчатой клеенкой. Посреди этого “шотландского ансамбля” торчала узкая трубка, из которой (мы это проверили на собственном опыте, когда открывали кран) вылетала струя морской воды и била прямо вам в глаз. Что и говорить, это был не “Риц”, но в столь идиллическом окружении мы на это и не рассчитывали.

Едва мы успели распаковать вещи и аккуратно развесить их на единственном имевшемся в номере стуле, как, взглянув через перила веранды, увидели подплывающих к отелю в каноэ юношу, бронзового от загара, и светловолосую девушку. Юношу звали Марк. Он оказался ихтиологом с научно-исследовательской станции Смитсоновского института, расположенной на одном из рифов, в четверти мили от нас. На время нашего пребывания на островах Марк согласился исполнять обязанности консультанта и проводника. Он был очень хорош собой, с легким оттенком чего-то восточного в чертах, позже я выяснил, что его мать была японкой. Умница, превосходный знаток своего дела, он сразу сделался нашим наставником и другом, как и работавшая под руководством студентка Кэти. В тот же день

Марк повел нас на коралловый риф, примерно в миле от нашего жилья; здесь он проводил свои исследования и поэтому был коротко знаком почти со всеми рыбами в округе.

Мы бросили якорь на песчаное дно у края рифа, где глубина достигала всего шести футов, и, надев маски, нырнули в теплую воду.

Погружаясь в ослепительно сияющую воду тропического моря, испытываешь поистине непередаваемые ощущения. Маска — это своего рода волшебная дверь, ее стекло, предохраняя глаза от раздражающего действия морской воды, открывает путь в сказочный мир чудес. Вначале мы скользили над золотистым песчаным дном, которое было расцвечено ярким, созданным из солнечного света, постоянно менявшимся узором, напоминавшим кольчугу; похожие на необычные пятнистые сковороды морские коты стремглав удирали с нашего пути. То здесь, то там в убранстве из разноцветных водорослей, губок и ярких асцидий драгоценными камнями вспыхивали крошечные коралловые островки; каждый островок находился словно в кортеже рыбок: оранжевых, алых, синих, как полуночное летнее небо, желтых, будто одуванчики, полосатых, в крапинку ребристых, игольчатых и таких невообразимых форм, которые вовсе не поддавались описанию. Мы плыли все дальше, и вскоре впереди замаячил риф — страна причудливых гротов и каналов, прячущихся зарослей губок и замысловатых коралловых дебрей, а также огромных коралловых замков с развевающимися на губчатых стенах флагами-водорослями. Попадались кораллы-мозговики, похожие на черепа сраженных в битве и упавших в море великанов, чьи скелеты стали частью рифа. Отовсюду доносилось шелканье, урчание, скрежет и писк рыбьих разговоров, споров, кормов.

Выберем один из каналов и проследуем по его извилистому, словно угорь, руслу. Вот с обоих берегов канала к вашим плечам, будто пытаясь их обнять, протянулись водоросли; к разноцветным стенам прилипли похожие на плод конского каштана морские ежи; впереди, маня за собой, весело мчится рыбка. За поворотом канал неожиданно расширяется, и вы оказываетесь на небольшой поляне с мельчайшим песком, усеянным жирными черными голожаберными моллюсками — такое впечатление, словно морской фургон по доставке деликатесов случайно потерял партию колбас. Чуть дальше узкий канал превращается в огромную долину рыб, и вы, плывя вдоль края рифа, начинаете чувствовать пульс моря, как оно набегаёт и откатывается. Еще мгновение — риф, резко обрываясь, уходит вниз, теряясь в густой черноте, а под вами ничего нет, кроме таинственной пугающей морской бездны.

Марк знал тот или иной риф столь же досконально, как люди знают свой приусадебный участок. Он всегда мог с уверенностью сказать, по какому каналу следует плыть, где сделать левый, а где правый поворот, куда повернуть у большого коралла-мозговика и сколько проплыть футов, чтобы найти именно ту губку, коралл или рыбу, которые вам нужны. Он ориентировался среди рифов так, как человек ориентируется в своем родном городе, и если бы не его помощь и советы, мы пропустили бы или не смогли понять массу интересного. Язык животных, птиц и до некоторой степени пресмыкающихся состоит большей частью из едва уловимых движений и поз, каждая из которых что-то значит; чтобы постичь их, можно потратить много времени — тогда для вас не будет загадкой, что говорит, например, своим хвостом волк. То же относится и к подводной жизни. Нам пришлось изучать новый незнакомый язык и мы задавали

массу вопросов. Почему эта рыба все время лежит на боку? А та стоит на голове? Что так отчаянно защищает та рыба и почему другая, словно уличная женщина, пристаёт ко всем подряд? Если бы не помощь Марка, мы, бесспорно, не смогли бы понять и тысячной доли того, что происходило вокруг нас.

Взять, например, рыб семейства помацентровых. Эти маленькие, бархатисто-черные маленькие создания — страстные садоводы. Каждая из рыбешек выбирает отдельный участок коралла, на котором растут тщательно охраняемые ею водоросли; причем это не только место для житья, но и кладовая. Свой маленький садик рыбка защищает от всех пришельцев, и храбрость ее удивительна. У той, за которой мы наблюдали, сад размером шесть на двенадцать футов располагался на громадном коралле-мозговике. Поначалу она привлекла наше внимание тем, что без всякой видимой причины очень решительно атаковала черного и колючего, словно подушка для иголок, морского ежа, мирно катившегося мимо.

Разобравшись, мы поняли, что морской еж намеревался протопать прямо по находившейся перед домом лужайке, проявив тем самым свою зловредность. Как-то утром мы застали нашу маленькую подружку в совершенном отчаянии из-за того, что на ее драгоценный садик напала банда рыб-попугаев. Эти крупные, кричащей зелено-синекрасной расцветки рыбы со ртами, напоминающими клюв попугая, словно стая жадных разноцветных индийских крокодилов нагло слоняются вдоль рифа; когда они, срывая водоросли с кораллов, острыми клювами царапают риф, раздаётся очень громкий неприятный скрежет. Рыб было так много, что наша малышка растерялась, не зная, с какой начать атаку.

К тому же у разбойников была четко выработанная стратегия. Один из них, на полной скорости подлетев к саду, начинал рвать водоросли на глазах хозяйки, а та, хотя и была раз в двадцать меньше, тут же бросалась на обидчика и выдворяла его со своей территории.

Но пока рыбка была занята одним непрошеным гостем, другие члены шайки дружно опустошали сад. Возвратившаяся хозяйка снова кидалась в бой, и все повторялось сначала. К счастью, прибыв на место, мы спугнули рыб-попугаев до того, как им удалось нанести саду значительный урон. Но, несмотря на оказанную поддержку, наша знакомая так и не прониклась к нам доверием. Где-то втайне она подозревала, что Ли сидит на особой, состоящей в основном из водорослей, диете и потому имеет виды на ее собственность; вот почему, стоило Ли подплыть слишком близко к ее сокровищу, рыбка тут же бросалась яростно его защищать.

Среди множества достойных всяческого внимания сторон жизни кораллового рифа не было ни одной, столь интригующей и озадачивающей, как половая жизнь синеголового губана. Если Фрейд полагал, что половая жизнь средней человеческой особи очень сложна, то он получил бы нервное расстройство, доведись ему подвергнуть психоанализу эту рыбу. Уже одно то, что определить пол губана практически невозможно, заставило бы призадуматься известного психоаналитика.

В ранней юности синеголовые губаны вовсе не синеголовые. Сколько бы вы ни пытались выяснить почему, вам так и не удастся докопаться до истины. Молодые губаны желтые и совсем непохожи на своих родителей.

Однако не следует отчаиваться. Когда они подрастают, их окраска резко меняется, и они становятся густо-синего

цвета с светло-синей головой. Затем самец облюбовывает среди кораллов участок и в ожидании дам защищает его от всех пришельцев. Огромный сексапильный губан способен ежедневно “спариваться” с сотней самок — факт, на фоне которого все сногшибательные подвиги легендарных героев-любовников выглядят просто детским лепетом. Совершенно потерявшие голову дамы находят его неотразимым и толпами валят в его апартаменты. Вот здесь-то и начинаются сложности. Молодые самцы, слишком юные и неопытные для того, чтобы обзавестись собственным гаремом, болтаются вблизи дома взрослого самца, поджидая самок.

Группы юных самцов заставляют самку резко всплывать вверх, так что она выметывает икру, которую они тут же оплодотворяют. Естественно, ничего хорошего из этого не получается, и это с полным правом можно назвать стрельбой из пушки по воробьям. Чтобы иметь право приглашать к себе дам, молодой губан должен выбрать себе участок и уметь его защищать, а для этого нужно вначале подрасти, сменить цвет и получить собственную жилплощадь.

А теперь посмотрим, как ведет себя самка губана. Несомненно, количество икринок и соответственно полученных из этих икринок мальков довольно мало по сравнению с тем, которое в состоянии оплодотворить взрослый самец. Что же делает самка? Нечто, на наш взгляд, фантастическое и совершенно обычное для губанов: она меняет пол, то есть из желтой самки превращается в огромного, мощного синего самца, способного захватить и защищать собственный участок. Все это она проделывает необычайно ловко и вскоре ежедневно “спаривается” с десятками других самок. Это, на мой взгляд, полная и неоспоримая победа обитателей подводного царства в борьбе

за женское равноправие. В общем, любовь в мире губанов — это некое магическое действо, разобраться в котором натуралисту-любителю поначалу очень сложно.

Мы отсняли для нашей программы и защиту приусадебного участка помацентровыми, и невероятную половую жизнь синеголовых губанов, и многое-многое другое. Однажды Аластер так увлекся, что начал руководить подводными съемками, забыв, что трубка акваланга — не мегафон; в результате он чуть не утонул. В целом же съемки этой серии прошли без особых происшествий и фильм получился удачным.

Нашей следующей съемочной площадкой должен был стать остров Барро-Колорадо, а так как мы с Ли знали, что для сбора группы потребуется несколько дней, то решили провести их на островах Сан-Блас. Редко где в наши дни встретишь столь первозданную идиллию. Одно лишь омрачало жизнь — предстоящий разговор с хозяином отеля, Израилом. Мне не часто приходилось выяснять отношения с хозяевами отелей, но на сей раз я имел достаточно оснований. В конце концов, мы не возражали против песка на полу и того, что сами стелили себе постели — в том случае, когда удавалось найти белье; мы не сетовали, когда в душе вдруг резко прекращалась подача морской воды из-за того, что трубы были наглухо забиты креветками; мы не возмущались, когда из-за отсутствия двух шурупов наш унитаз взбрыкивал, словно необъезженная лошадь, грозя сломать тонкую бамбуковую перегородку и низвергнуть нас прямо в морскую пучину. Напротив, мы готовы были закрыть глаза на все эти мелкие неудобства, очарованные прелестью острова. То, что не укладывалось ни в какие рамки, было наше питание. К завтраку, состоящему из кофе, тостов, джема и кукурузных хлопьев, у нас не было никаких претензий, зато остальные

трапезы наполняли нас отчаянием. Решив быть твердым, но справедливым, я отправился к Израилу.

— Израил, — с приветливой улыбкой обратился я к нашему хозяину, — я хотел бы поговорить с вами о нашем питании.

— А? — спросил Израил. В разговоре с ним приходилось соблюдать большую осторожность, так как его знания и навыки английского языка были на самом примитивном уровне, и поэтому всякое привнесенное в его жизнь новое понятие могло сделать его речь столь же невразумительной, как у Аластера.

— Пища, — сказал я. — Завтрак очень хорош.

Он расцвел.

— Завтрак хорошо, а?

— Очень хорош. Но мы находимся здесь уже две недели, Израил, вы понимаете? Две недели.

— Да, две недели, — согласился он.

— А что мы едим каждый день во время ленча и обеда? — спросил я.

Он подумал.

— Омар, — ответил он.

— Вот именно, — сказал я. — Омар, каждый день омар. Омар на ленч, омар на обед.

— Вы любите омар, — обиженно проговорил он.

— Раньше любил, — поправил я его. — Но теперь мне хотелось бы попробовать что-нибудь другое.

— Вы хотите что-нибудь другое? — переспросил он, чтобы убедиться.

— Ну конечно. Например, осьминога.

— Вы хотите осьминог?

— Да.

— Слушаюсь. Я давать вам осьминог, — пожав плечами, сказал он.

И в течение следующих пяти дней дважды в сутки нам подавали осьминога.

В день нашего отъезда, когда мы сидели в саду отеля за прощальной трапезой, перед нами неожиданно возник Израил. Обычно невозмутимый, он казался необычайно взволнованным и обрушил на меня потоки малопонятных английских фраз, все время показывая на только что прибывшее каноэ, где сидели несколько ярких и красочных, словно ворох орхидей, женщин и детей, с которыми он оживленно переругивался. Сообразив, что не мы были причиной столь бурного гнева, я попросил его говорить помедленнее и только тогда смог уловить смысл рассказа.

Вчера с соседнего острова, лежащего примерно в миле от нас, приплыл на своем каноэ индеец, чтобы отметить какое-то событие. Поздно вечером, где-то около десяти, он, изрядно выпив, с трудом отправился восвояси. Дома он так и не появился. На рассвете его жена, посадив в каноэ свою мать и детей, отправилась на поиски мужа. Все, что они нашли, — плывущее вдоль рифа пустое каноэ. Тогда они прибыли сюда, чтобы сказать Израилу, что он и есть истинный убийца, потому что продал тому спиртное, и что его святая обязанность отправиться вместе с ними на поиски трупа. Вполне понятно, Израил желал знать, не поможем ли мы ему в этом малоприятном деле.

Большинство женщин от такой просьбы тут же упали бы в обморок, но моя жена была не робкого десятка.

— Как интересно! — сказала она. — Давай поедем. У нас ведь есть время.

— В общем, да, — ответил я. — К тому же для разнообразия будет приятно напоследок поплавать с утопленником.

Когда мы садились в каноэ, в отеле появилась еще одна гостья и подошла к нам. Это была томная пышная дама с блестящими черными волосами, лоснящимся загорелым телом и полным ртом ослепительно-белых зубов. От нее на целую милю разносился запах лосьона для загара, а при ходьбе она мелодично позвякивала висевшими на ней в умопомрачительном количестве золотыми украшениями. Было непонятно, каким ветром занесло эту особу в столь дикие места. Она выглядела бы куда более к месту на Лазурном берегу или на пляже Копакабаны. Белое бикини, в котором она выступала, было столь крошечным, что она вполне могла обойтись без него.

— Извините, пожалуйста, — начала она, продемонстрировав в улыбке великолепный ряд зубов, — вы собираетесь ехать купаться?

— М-м... в некотором смысле да, — ответил я.

— А вы не будете возражать, если я к вам присоединюсь? — игриво спросила она.

— Ну что вы, — с жаром ответил я, — но должен вас предупредить, что мы отправляемся на поиски трупа.

— Так, значит, вы не против, — склонив голову набок, уточнила она.

— Если вы не против, то мы и подавно, — галантно ответил я.

Она вошла в лодку, звеня словно музыкальная шкатулка, и мы чуть не задохнулись от аромата “Шанель № 5”, помноженного на запах лосьона для загара.

Израил направил лодку к малоизвестной нам части рифа, где было найдено каноэ. Семья погибшего была уже

там; они плавали вдоль берега, с надеждой вглядываясь в прозрачную глубину. Израил предложил разделиться — нам с Ли обследовать одну сторону рифа, а ему другую. Мисс Копакабана, элегантно скользнув в воду, уже плавала поблизости, выходя на удивление не к месту.

— Поможете Израилу или останетесь с нами? — спросил я.

— Я поплыву с вами, — ответила она, одарив меня многообещающим взглядом.

Итак, мы отправились втроем. Через десять минут все встретились у коралловых зарослей. Ли ничего не нашла, я тоже. Встав в воде вертикально, я обратился к мисс Копакабана.

— А вы что-нибудь видели? — спросил я.

— А что я должна была видеть? — поинтересовалась она.

— Труп, — ответил я.

— Что?

— Труп. Ну, мертвое тело.

— Мертвое тело? — взвизгнула она. — Какое мертвое тело?

— То, которое мы ищем, — раздраженно сказал я. — Я ведь вам говорил.

— О, Madre de Dios⁸! Мертвец? Здесь, на рифе?

— Да.

— И вы позволили мне плавать с мертвецами? — возмущенно воскликнула она. — С отвратительными мертвыми трупами?

— Но вы же сами захотели, — попытался напомнить я.

— Ноги моей здесь не будет, — выпалила она.

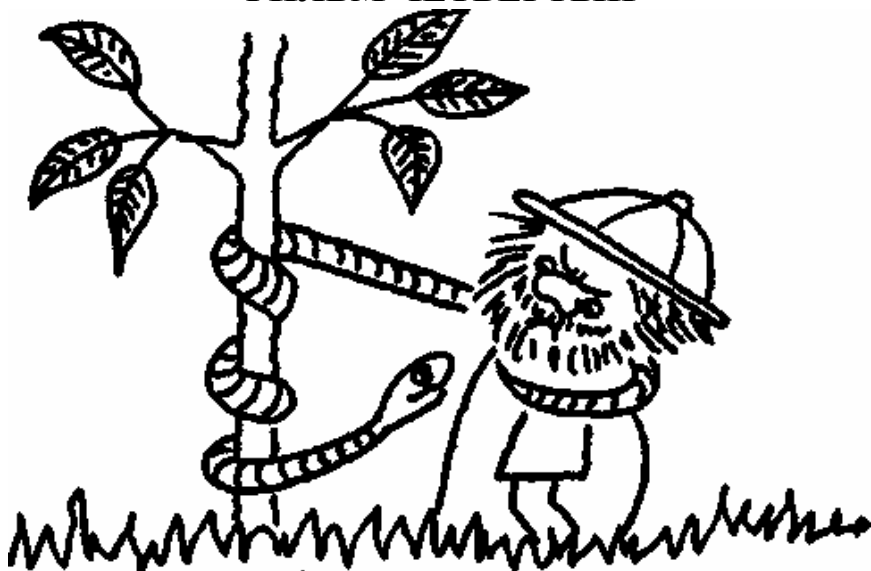
⁸ Madre de Dios — мать божья (*исп.*).

Долетев до каноэ, она в считанные секунды взобралась на борт.

— Ну и слава богу, — философски заметила Ли, — представляю, какую бы она закатила истерику, если бы мы нашли труп.

Время поджимало, нам нужно было торопиться, чтобы успеть на самолет. Утопленника мы так и не нашли и к тому же смертельно обидели мисс Копакабана. Позднее, вспоминая об этом, я думаю, мы поступили тогда по меньшей мере глупо. Что может быть лучшей приманкой для акул, чем плавающее в море упитанное тело мертвого индейца?

ФИЛЬМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Наше путешествие на катере к лежащему в Панамском канале острову Борро-Колорадо заняло полчаса, дав возможность сделать беглый обзор места, в котором мы собирались работать. С пытением разрезая желтовато-коричневую воду, катер плыл мимо плотной стены разноцветных деревьев. Лиственный шатер, густой и узорчатый, словно старинное вязанье, был расплывчатых зеленовато-красно-коричневых тонов; то здесь, то там верхнюю кромку леса нарушали ажурные бледно-зеленые деревья, серебристо-белые ветви которых были усеяны звездами алых и изумрудных эпифитов и спутанными кистями пурпурно-розовых орхидей. В одном месте наш путь тяжело и лениво пересекла пара туканов, поблескивая огромными бананово-желтыми клювами, а когда катер

вынужден был прижаться к берегу, чтобы не сесть на мель, мы увидели порхающих среди цветущих деревьев, похожих на пригоршни опалов колибри. Небо было густо-синего цвета, и, хотя утро еще только начиналось, солнце палило так, что по спине под рубашкой струйками стекал пот. Дивный, пряный, сладостный лесной запах обволакивал нас; едва уловимое благоуханье миллионов цветов, сотен тысяч грибов и плодов, аромат квадриллиона гниющих листьев перемешивались в горячем, вечно меняющемся, вечно умирающем и вечно возрождающемся лесном котле.

Вскоре показался остров. Холмы походили на заросшие лесом до самых вершин равнобедренные треугольники; их неясные, отражавшиеся в бурой воде очертания казались рисунками пастелью. Когда мы причаливали, подлетела размером с ласточку бабочка-морфина, похожая на оживший кусочек неба; сделав над нами пируэт, она унеслась прочь, в глубь темно-зеленой лесной чащи. Выгрузив оборудование, мы очутились перед бесконечным, уходящим ввысь лестничным маршем, вызвавшим в моей памяти неприятные ассоциации с крутым и утомительным подъемом на ацтекские пирамиды в Мексике, который я и Ли предприняли несколько лет назад. Рядом с лестницей была проложена монорельсовая дорога, по которой ходил похожий на поезд с плоской крышей фуникулер. Погрузив на него наши вещи, мы устремили взгляды на прятавшиеся где-то высоко среди деревьев домики.

— Так и быть, — мрачно заметил я, — на сей раз я поднимусь пешком, хотя бы для того чтобы унять злые языки, но уж в следующий раз, будьте любезны, — только Восточный экспресс.

Пожалуй, никогда мне не приходилось так жалеть о своем решении. Не пройдя и полпути, я смертельно устал и

был мокрым как мышь. Когда же я добрался до вершины, у меня только и хватило сил, чтобы дотащить до стула и одним махом осушить кружку пива, заботливо предложенную Паулой. Следует добавить, что, к моей большой досаде, Ли прекрасно справилась с восхождением и даже ничуть не запыхалась.

Прибыв на место, наша кинематографическая группа тут же занялась просмотром и отбором подходящих съемочных площадок. Большинство животных на острове примирилось с постоянным присутствием спящих по лесу от зари до зари ученых, поэтому появление еще одной группы чужаков вряд ли произвело на них большое впечатление.

— Материал у нас отменный. Говоря “отменный”, пожалуй... режут пол, хотя... а вообще-то недурно, сойдет вполне, да, а если сюда же этих, как их... ну режут еще... обезьян, вспомнил, ревунов и много-много таких огромных деревьев, покрытых эпитетами, — делился Аластер.

— Эпитетами? — удивился я, думая, что, возможно, он имеет в виду новый вид растения-паразита, произрастающего на Барро-Колорадо, о котором я ничего не слышал.

— Да, — ответил Аластер, — знаешь, такие гроздьи, как у орхидей.

— Может быть, ты имел в виду эпифиты? — спросил я.

— Ну, конечно, именно о них я и говорил, — с неописуемым апломбом произнес Аластер. — А потом там были еще такие с длинными... носами, смешно называются.

— Тапиры?

— Нет, длинные носы, свистят, забавные, — уточнил Аластер, дивясь моей тупости: уж он ли не дал подробное биологическое описание.

— Муравьеды?

— Да нет же, ходят по земле.

— А муравьеды тоже ходят.

— Они называются что-то вроде “носля”, — сказал Аластер.

Я глубоко задумался. Общение с Аластером всегда было делом непростым, но если он, паче чаяния, забывал какое-то название или сообщал неверное, то вы начинали чувствовать себя в роли человека, пытающегося прочесть “Рукописи Мертвого моря” с помощью португалозскимосского словаря.

— Может, ты имел в виду носуху? — спросил я, осененный внезапной догадкой.

— Наконец-то, — ликующе воскликнул Аластер. — Длинный нос, свистит, лазает по деревьям.

Вскоре мы совершили первый набег в глубь острова для осмотра выбранных Аластером съемочных площадок и знакомства с будущими героями картины. Сколько бы вам ни приходилось бывать в тропическом лесу, каждый раз, когда вы вновь попадаете в неясный полумрак гигантских деревьев, душа ваша наполняется трепетом. После яркого солнечного света вы вначале ничего не видите. Первое, что вы ощущаете, — это прохлада, освежающая влажность масленки в жаркий день; но вскоре вы понимаете, что прохлада весьма относительна, так как потеете ничуть не меньше. Глаза, привыкнув к лесному сумраку, начинают разбегаться от обилия древесной и травянистой растительности. Всюду, куда ни брось взгляд, вы не найдете ни одного похожего растения, и, хотя это впечатление обманчиво, вам кажется, будто вся зеленая масса вокруг вас постоянно шевелится. Великаны-деревья, сотни футов высотой, опирающиеся на воздушные корни (похожие на контрфорсы средневековых соборов), так оплетены со всех сторон густой сетью ползучих растений и

лиан, что напоминают гигантские мачты потерпевших кораблекрушение шхун с изорванными в клочья зелеными парусами; кажется, только плотно окутавший их саван лиан не дает им упасть.

В некоторых местах лесная подстилка казалась живым, шевелящимся зеленым ковром. Эффект создавался за счет полчищ спешащих к своим гнездам муравьев-листорезов, несущих на спинах трофеи — маленькие, величиной с ноготь, треугольные кусочки зеленых листьев. Иногда от гнезда до облюбованного ими дерева (которое они деловито анатомировали) насчитывалось несколько сотен ярдов, и на всем расстоянии зеленая колонна прокладывала себе путь по темной лесной подстилке, под кустами и через упавшие бревна; при близком рассмотрении этот непрерывный поток казался лилипутской регатой, — только все паруса у яхт были зелеными.

Углубившись в чащу, мы услышали раздававшийся прямо над головами низкий раскатистый рев, означавший приближение черных обезьян ревунов. Звук, издаваемый ими, совершенно особенный — нечто среднее между воем, ревом и громким бульканьем, сотрясающим и наполняющим собой весь лес. Вскоре мы увидели самих возмутителей спокойствия — маленькую семейную группу черных, как смоль, созданий; одни беззаботно раскачивались на деревьях, другие грелись в пробивавшихся сквозь лесной полог лучах солнца, не забывая при этом запихивать в рот листья и почки, третьи, уцепившись хвостом за ветви, висели вниз головой, созерцая свой висячий сад. Увидев людей, они насторожились и начали подозрительно нас разглядывать, а когда мы, свернув с тропинки, направились в лес и оказались прямо под ними, обезьяны пришли в еще большее волнение и

агрессивность и стали обстреливать нас ветками, листьями и другими, более серьезными боеприпасами.

— По-моему, это уж слишком, — заметил Аластер, когда солидная порция экскрементов просвистела всего в нескольких футах от его головы.

— Не кипятись так, Аластер, — сказала Паула. — Они всего-навсего делают то, что любой с удовольствием позволил бы себе в отношении режиссера.

Обезьяны, удостоверившись, что шквал летящих в противника веток и экскрементов оказался малоэффективным, принялись оглушительно скандировать, вынуждая нас убраться с их территории.

— Мне кажется они страшно рассердились, — возвысила голос Паула, пытаясь перекрычать сумасшедший гам.

— Я тоже так думаю, знаешь... рев, да... где-то выше... деревьев, — сказал Аластер.

— Ты, наверное, хотел сказать вышка, — тут же перевела Паула. — Да, мне говорили, что она находится где-то в лесу. Они используют ее для изучения лесного полога.

— Вот это я и имел в виду, — подтвердил Аластер.

— Между прочим, сто пятьдесят футов в высоту, — радостно сообщила Паула.

— Как мило, — ответил я. — С большим удовольствием посмотрю, как Аластер будет на нее взбираться.

— Прости, дорогой, я и забыла, что ты боишься высоты, — сказала Паула. — Но не беда. Мы отправим наверх оператора, а вы с Ли останетесь внизу.

— Ты не продюсер, а просто чудо, — заключил я.

Мы шли по лесу, осторожно переступая через вереницы спешащих муравьев-листорезов. Их было так

много, что мы удивлялись, как они до сих пор не уничтожили всю растительность. На самом деле сбор листьев — это особая форма огородничества; так как муравьи переносят листья в свои обширные подземные жилища (достигающие по площади четверти акра) и здесь листья перегнивают, превращаясь в мульчу: на ней насекомые выращивают грибницу, которой питаются. Чувствуя где-то подсознательно, что, уничтожив все листья в округе, они умрут с голоду, муравьи обращаются с деревьями крайне аккуратно, собирая лишь небольшую дань с каждого дерева.

На второй день нашего пребывания в лесу мы наткнулись на одно из упавших исполинов-деревьев. Росшее на склоне холма дерево цеплялось корнями за тонкий верхний почвенный слой, который размыли тропические ливни; работу довершил ветер, вырвавший дерево из земли так же просто, как дантист вырывает зуб. На примере этого поверженного колосса можно понять, сколь хрупка структура тропического леса. Верхний слой почвы такой тонкий, что деревьям приходится обзаводиться дополнительными воздушными корнями, чтобы поддерживать ствол в вертикальном положении. Эти гигантские деревья сами себя кормят, так как опадающие листья тут же сгнивают, образуя перегной, благодаря которому и живет растение. Процесс этот настолько быстрый, что успевает образоваться лишь незначительный слой почвы. Поэтому происходящая повсеместно катастрофическая вырубка тропических лесов для использования “освободившихся” земель под пастбища или пашни влечет за собой уничтожение верхнего почвенного слоя и как следствие — эрозию земель. Правда, естественное падение деревьев (чему мы были свидетелями) оказывает лесу только благо. Когда рушится такой исполин, он увлекает за собой растущие поблизости более мелкие деревья, тем самым

пробивая брешь в густом лесном пологе. Солнечные лучи получают доступ к нижним ярусам, и кустарники, ползучие растения и молодая поросль, до того произраставшие в лесном сумраке, с радостью устремляются вверх. Семена, долгие годы в ожидании такого события дремавшие в почве, пробуждаются и, дав ростки, начинают быстро тянуться ввысь, к голубому небу, пока “окно” не закроется другими растениями. Так смерть одного древесного великана служит своеобразным сигналом к зарождению новой жизни вокруг его гигантских останков.

С росших на склоне холма выше упавшего гиганта деревьев доносились писк, трескотня и возня. Решив выяснить в чем дело, мы свернули с тропы и обнаружили группу паукообразных обезьян, забавлявшихся тем, что они срывали и поглощали росшие на нижних ветвях деревьев какие-то розовые почки. На мой взгляд, названы эти обезьяны удивительно точно, так как своими длинными, мохнатыми, темными конечностями и длинными хвостами (столь цепкими, что они управляются с ними так же ловко, будто это еще одна рука) животные и в самом деле похожи на необычных, плетущих паутину среди ветвей гигантских пауков. Не в пример негостеприимным ревунам паукообразные обезьяны, напротив, были совершенно нами очарованы и, раскачиваясь на своих удивительных хвостах, спускались все ниже и ниже. Одна из них была просто без ума от Ли, которая, чтобы утолить жажду, ела апельсин. Обезьяна перебиралась с ветки на ветку и, наконец оказавшись в каких-нибудь пятнадцати футах от предмета своих вожделений, начала заглядывать Ли в рот с таким интересом, с каким антрополог изучает вкусовые привычки аборигенов. Ли отделила дольку и положила ее на вытянутую руку; к нашему удивлению, обезьяна, ничуть не задумавшись, слетела вниз,

схватила дольку и тут же засунула ее в рот. После этого вся стая долго следовала за нами, выжидательно на нас взирая, и отстала только тогда, когда стало совершенно ясно, что апельсинов больше нет.

Аластер договорился с одним из работавших на станции охотников, чтобы тот прочесал лес в поисках подходящих для съемок животных. На следующее утро охотник явился к нам с первым экземпляром, одним из моих любимых животных — двупалым ленивцем. Это на редкость очаровательное создание с маленькой головкой, длинной пушистой шерстью, круглыми, слегка навывороте золотистыми глазами и с не сходящей с физиономии доброй мечтательной улыбкой. Кроткие, медлительные ленивцы позволят вам пристроить их где угодно, словно старое ненужное пальто, и только после получасового размышления они продвинутся футов на шесть, да и то в замедленном темпе. Они поистине фантастические существа. Из-за того что вся их необычная жизнь на вершинах деревьев протекает шиворот-навыворот, в прямом смысле вверх дном, а рацион состоит главным образом из трудноперевариваемых листьев, внутренние органы ленивца сильно отличаются от внутренних органов других млекопитающих. Обмен веществ у этих животных такой же замедленный, как их движения, и неторопливый, как бюрократическая волокита. Достаточно сказать, что ленивцы могут целую неделю не опорожнять мочевой пузырь.

Мех у ленивца лежит иначе, чем у других животных. У всех млекопитающих шерсть растет от позвоночника к животу, поэтому пробор, если можно так выразиться, находится на хребте. У ленивца мех на животе как бы причесан на косой пробор, а остальная шерсть растет в направлении спины, и поэтому, когда ленивец висит вверх животом, капли дождя легко скатываются по шерсти вниз. В

волосяном покрове животного имеются необычные приспособления — диагонально расположенные ряды клеток, образующие складки, в которых произрастают два вида синезеленых водорослей. Это придает шерсти ленивцев зеленоватый оттенок, помогающий отлично прятаться среди листвы, и, таким образом, животное можно уподобить своеобразному висячему саду.

Еще более любопытным является тот факт, что в шерсти ленивца селятся некоторые виды жуков, клещей и бабочки-огнёвки. Известно около двенадцати тысяч видов этой встречающейся повсеместно бабочки, и многие из них довольно необычны. Например, на конце брюшка у них имеется так называемый тимпанальный орган, с помощью которого они улавливают эхо ультразвуковых сигналов, издаваемых летучими мышами для поимки жертвы, что помогает бабочкам избежать зубов хищника. Гусеницы некоторых видов огнёвок, живущих на водных растениях, превратились в настоящих водных животных; у одного из видов гусениц даже развились жабры. У огнёвок довольно занятные взаимоотношения с ленивцем. Бабочки откладывают в его шерсть яйца; когда же из яиц выводятся личинки, они кормятся растущими в складках меха водорослями, а возможно, и самим мехом. Поэтому ленивец является не только висячим садом, но и передвижным меховым отелем для всех этих насекомых.

Следующей представшей перед кинокамерой лесной кинозвездой оказалось маленькое обворожительное существо, с которым мне не приходилось встречаться уже много лет, с тех пор как я приобрел несколько экземпляров в Гайане. Это был карликовый муравьед, самый крошечный из всех видов муравьедов; взрослая особь прекрасно умещается на ладони, оставляя достаточно свободного места. Как и ленивец, этот

малыш отлично приспособился к древесному образу жизни. У него густая, короткая, шелковистая янтарно-коричневого цвета шерсть. Цепкий хвост на конце голый, что помогает животному крепче держаться за ветви деревьев. У муравьеда короткий, трубкообразный хоботок, слегка изогнутый на конце; миниатюрные глазки и ушки прячутся в густой шерсти. Особый интерес представляет необычная задняя ступня маленького зверька. Передние конечности оканчиваются толстыми, розовыми подушечками, вооруженными тремя длинными, тонкими, острыми когтями, средний коготь самый большой. Когти могут убираться в подушечки, словно лезвие перочинного ножа. На подошве задней ноги (на пятке, если можно так выразиться) имеется мускулистая чашевидная присоска, позволяющая ступне плотно прижиматься к ветке дерева. Пальцы на концах ступней оканчиваются острыми когтями с подушечками у основания; все это, вместе с присоской на пятке, образует такую мертвую хватку, что когти даже особенно и не нужны. Если муравьеда угрожает опасность, он плотно обвивает хвостом ветвь, крепко упирается в дерево задними ногами (образуя треножник с помощью хвоста и двух задних конечностей), поднимает передние лапы над головой, и, когда противник оказывается в пределах досягаемости, делает выпад вперед, нанося сверху удар острыми как бритва передними когтями. В отличие от затупленных, почти без эмали, редких зубов ленивца, которые растут на протяжении всей его жизни, у муравьеда зубов вообще нет, а вместо них — длинный клейкий язык и особый мускульный желудок, перемалывающий древесных муравьев, которыми муравьед питается.

Во время съемок наш киногерой продемонстрировал огромную силу духа и вскоре настолько привязался к нам, что

в перерывах между дублями спокойно восседал на ладони Ли, держась за ее указательный палец; при этом хвост его любовно обвивал большой палец или запястье партнерши. Когда пришло время расставаться, он ни за что не хотел слезать с рук Ли и еще долго сидел в кустах, грустно глядя на нас, а потом исчез в лесу.

Хотя у нас имелись километры пленки о разнообразной деятельности муравьев-листорезов, включая уничтожение листвы, перенос листьев к гнезду, уборку гнезда и создание гигантских мусорных свалок, нам приходилось расставаться с муравьями в момент, когда они исчезали под землей. Это раздражало Аластера.

— Пожалуй... знаете... я думаю... ну, садики, — сказал он, склонив голову набок и медленно поворачиваясь, словно сияющий, довольный, висящий на веревке труп. — Грибницы, знаете... подземные.

— Единственный способ до них добраться, милый, это выкопать этих друзей наружу, — заметила практичная Паула.

— Да, — задумчиво проговорил Аластер, вертясь, словно волчок, на муравьином гнезде, занимавшем площадь небольшого танцевального зала.

— А что? — спросил Роже. — Если это неглубоко...

— Грибницы иногда находятся совсем близко от поверхности, — сказал я, — но не думаю, чтобы муравьям понравилась ваша затея.

— Паула раздобудет лопаты и мы выкопаем их, а? — с энтузиазмом предложил Роже. — Выкопаем эти маленькие *jardins des champignons*⁹, да?

— Так... лопаты, — проговорил Аластер, воодушевленный новой идеей. — Достаньте нам лопаты.

---

⁹ *Jardins des champignons* — здесь грибные плантации (*фр.*).

Паула поплелась через лес обратно на станцию и в конце концов появилась со связкой лопат. Основное назначение продюсера — уметь в нужный момент произвести любую вещь: от грузовика с четырьмя ведущими колесами до пристойной трапезы, от моторной лодки до бутылки виски.

— Отлично, — сказал Аластер.

Схватив лопаты, они с Роже принялись копать. Поскольку у меня уже был в прошлом некоторый опыт общения с муравьями-листорезами, я, взяв под руки Паулу и Ли, увел их с места боевых действий. Листорезы — создания необычайно высокоорганизованные. Колония образуется самкой, называемой царицей, которая, совершая брачный вылет, несет с собой кусочек грибницы; последняя послужит кормовой базой всей будущей колонии. (Так первые поселенцы Америки везли с собой мешки с пшеницей, чтобы посеять ее в том месте, где они решат обосноваться.) По окончании брачного полета царица высаживает грибницу на детской половине и начинает ухаживать за ней с неистовостью увлеченного садовода, удобряя ее своими экскрементами. Если грибница погибает, колония муравьев умирает вместе с ней; если же грибница приживается, колония начинает быстро увеличиваться, разрастаясь пропорционально росту грибных плантаций, доходя по численности до миллиона особей. Только я успел объяснить все это Пауле, как с полмиллиона муравьев, решив, что деятельность Роже и Аластера может оказаться губительной для их здоровья и благополучия, толпами устремились выразить свой протест. Всего минуту назад Аластер и Роже были похожи на двух добросовестных огородников, перекапывающих грядки со спаржей под новый урожай, а в следующий момент они выделывали невообразимые скачки, фуэте и па-де-де, которым позавидовали бы солисты балета

Большого театра. Все это сопровождалось дикими, душераздирающими криками вперемешку с отчаянными ругательствами и богохульствами.

— Господи, — пронзительно кричал Аластер, вертясь на одном месте, — о-о, как больно. Вот проклятые твари!

— О-о, *merde alors*¹⁰! — вопил Роже, крутясь и хлопая себя по брюкам. — Ой, как кусается!

Весь ужас заключался в том, что Аластер был в шортах и старых бейсбольных ботинках, и потому ноги его были совершенно не защищены; полчища муравьев ползли по ним вверх, как по деревьям, намереваясь разгрызть бедолагу на мелкие кусочки. Роже не повезло еще больше. На нем были элегантные, плотно облегающие брюки, по которым муравьи взбирались быстро и без всякого труда. Те из них, что карабкались по внешней стороне брюк, вгрызались в тело прямо через тонкую ткань; другие, находившиеся внутри брюк, стремились забраться повыше, пытаясь впиться в самые нежные части тела. Мощным муравьиным челюстями, привыкшим перемалывать грубые листья, не составляло особого труда прокусить тонкую брючную ткань, поэтому брюки Роже, как и ноги Аластера, были в пятнах крови. Мы вынесли их с поля боя и сделали противомуравьиную обработку. Затем Паула оказала им медицинскую помощь, введя антибиотики, но еще долгое время спустя мы продолжали снимать с них муравьев.

— Нет, вы только посмотрите, — задыхаясь, говорил Аластер, очки которого запотели от волнения. — Эти типы пытались лишить меня растительности!

---

¹⁰ *Merde alors* — черт побери (*фр.*).

— А что они сделали со мной, — жаловался Роже, — просто страшно сказать. Они пытались сделать из меня внуха.

Позже, натянув на себя невообразимое количество всякой одежды и став похожими на экипированных к битве Труляля и Траляля, Роже с Аластером, к ярости муравьев, успешно выкопали часть подземной грибницы и сняли ее на пленку.

К одним из наиболее причудливых аспектов жизни тропического леса, столь же трудных для съемки, как и подземные грибные плантации, относится история необычайных взаимоотношений гигантского фигового дерева и крошечной бластофаги. Их удивительное содружество нашло объяснение совсем недавно, подтвердив еще раз, сколь непроста, полна всяческих хитросплетений жизнь тропического леса, в котором каждое растение или животное являются лишь частью единой, сложной экосистемы. Ведь маленькая бластофага погибла бы без гигантского фигового дерева, а без крошечного насекомого фиговое дерево не смогло бы размножиться, численность его постепенно сокращалась бы и в конце концов оно исчезло бы с лица Земли.

У фиговых деревьев довольно необычная форма соцветий, напоминающая скорее плод, нежели цветок.

Множество мелких цветочков расположено внутри фиги, прикрепляющейся к ветке с помощью цветоножки; на противоположном конце плода-соцветия находится небольшое отверстие, почти полностью закрытое чешуйками. У фигового дерева имеются женские и мужские цветки, и способ, которым пыльца переносится из одного цветка в другой, не только удивляет, но и восхищает.

А происходит следующее.

Первыми созревают женские цветки, их аромат привлекает самок-бластофаг, несущих на себе пыльцу с других фиговых деревьев. Чтобы попасть внутрь, самке приходится в полном смысле слова пробиваться сквозь чешуйчатую “дверь”. Процедура эта довольно сложная, так как чешуйки прилегают друг к другу довольно плотно; поэтому хрупкая самка-бластофага нередко ломает крылья и усики.

Как только одной самке (а вслед за ней и другим) удастся попасть внутрь соцветия, она, наподобие бурильщика нефтяных скважин, запускает свой длинный яйцеклад в пестики женского цветка. Женские пестичные цветки бывают двух видов: короткостолбиковые и длинностолбиковые. Яйцеклад устроен так, что может достигнуть дна только короткостолбикового цветка. Длинностолбиковые цветки лишь “пробуются”, но на стенках пестиков остается пыльца. Таким образом, в короткостолбиковых фигах бластофага проходит личиночную стадию, а в длинностолбиковых развиваются семена. Даже на этом этапе история достаточно запутана, но послушайте, какие чудеса происходят дальше. Личинки растут и затем окукливаются. Вероятно, в это время они начинают выделять вещество, которое замедляет созревание плода, потому что если плод созреет, его могут сорвать и съесть вместе с находящимся в нем “детским садом”. Но вот куколка созревает. Первыми выводятся самцы бластофага; они начинают обходить всех по очереди невылупившихся самок и оплодотворяют их. В соответствии с поставленными задачами фига до этого момента остается плотно запечатанной, так что воздух внутри плода содержит около 10 процентов углекислого газа (в отличие от 0,3 процента двуокиси углерода, содержащейся снаружи); правда, самцам такой переизбыток углекислого газа совершенно не

мешает. После оплодотворения самцы пробуравливают ходы в коже фига, и уровень углекислоты резко падает. Это в свою очередь ускоряет процесс выведения из личинок женских особей и способствует появлению мужских цветков; они образуют пыльцу, покрывающую самок-бластофаг. Самцы и самки объединенными усилиями прогрызают чешуйки на входе плода, и самки покидают родное гнездо, унося с собой пыльцу и запас спермы, для того чтобы, когда придет пора, основать новую колонию на другом фиговом дереве. Бескрылые самцы не могут покинуть плод и, выполнив свою миссию, погибают.

Когда задумаешься над тем, что история бластофаги — только одна из множества удивительных вещей, происходящих в тропическом лесу, начинаешь осознавать сколь сложен мир, в котором мы живем, и как подчас наше наплевательское отношение может нарушить хрупкий природный баланс.

Тропические леса — щедрый дар природы; мы же обращаемся с ними так, будто они представляют для нас какую-то опасность, тогда как в действительности являются колоссальным самовосполняющимся складом лекарств, продовольствия, древесины, красителей, пряностей и массы других полезных вещей. Мы даже до конца не осознаем всей пользы, приносимой человечеству тропическим лесом, но уже уничтожаем его с такой быстротой, что многие виды растений и животных исчезают до того, как ученые успевают их описать. Подсчитано, что дикое, самоубийственное наступление на тропические леса планеты выражается ежегодно страшной цифрой в сорок три тысячи квадратных миль (сто десять тысяч квадратных километров) вырубленных и сожженных лесов. Бесстрастный прогноз сообщает нам, что при таких темпах через восемьдесят пять

лет тропический лес полностью исчезнет с лица Земли. Если это случится — а пока не видно никаких признаков, свидетельствующих о том, что человечество вдруг опомнилось и взялось за ум, — могут произойти необратимые катастрофические изменения климата, так как леса влияют на погоду. Без лесов богатейшие уголки планеты за короткое время превратятся в пустыни. Не буду говорить о всем известной приносимой лесами пользе и о той, которую они еще могут принести. Мы лишь слегка коснулись неисчерпаемой области знаний, относящихся к огромной экосистеме, именуемой влажным тропическим лесом, или джунглями. Мы пока не знаем, какие неоценимые блага скрываются в лесной чаще, но уже с маниакальной расточительностью губим то, что никогда не может быть воссоздано, что составляет огромную ценность для всех, живущих на Земле, и более того, что при бережном и разумном отношении способно самовосстанавливаться. Однако если мы будем продолжать двигаться теми же темпами, что сейчас, то, возможно, менее чем через сто лет, с миллионами новых жителей, которых нужно будет кормить, нам придется выращивать хлеб в пустынях. А произойдет все это лишь потому, что все мы, независимо от цвета кожи, религиозных и политических убеждений, ведем себя одинаково алчно, преступно и эгоистично, и, если мы не переменимся, причем в самое ближайшее время, у наших детей никогда не будет возможности ни увидеть этот на редкость чарующий, биологически важный регион планеты — тропический лес, ни тем более воспользоваться его благами.

ФИЛЬМ ПЯТЫЙ

Пожалуй, это только к лучшему, что мы не сразу попали из почти сорокаградусной жары острова Барро-Колорадо в место наших следующих съемок — таежный зимний лес у горы Райдинг-Маунтин в Канаде, где мороз достигал -17°C . Сказать, что было холодно, значило бы ввести читателей в заблуждение. Как только мы вышли из машины, мои борода и усы примерзли друг к другу, а длинные, с полдюйма, ресницы Паулы покрылись таким толстым слоем инея, что она с трудом открывала глаза.

— Г-господи, — сказала она, озирая утонувшие в снегу окрестности, серое замерзшее небо и необъятных размеров бревенчатую хижину, к порогу которой нас привезли. — А что, мальчики, отличное местечко. Никто не хочет здесь поселиться?

— Так... снег, я надеюсь... хотя света не много. И как только звери живут в снегу? — склонив голову набок, вопрошал Аластер, пытаясь повернуться на месте, но глубокий снег помешал ему совершить маневр. В этот момент Ли бросила в него снежком, но, к сожалению, промахнулась.

Хозяевами хижины были Боб и Луиза Сопак, удивительно приятная пара, предложившая нам не только жилье, но и вместе со своими соседями — Черил и Доном Макдональдами — всяческую помощь. Говоря о том, что дом представлял собой бревенчатую хижину; я ни в коей мере не хочу сравнить его с одним из тех узких и длинных, наподобие коробки из-под ботинок, строений, которые так часто встречаются в фильмах о Диком Западе. Единственное, что их роднило, — это материал, из которого они были построены, — громадные сосновые бревна. Войдя внутрь, вы попадали в огромное единое помещение, практически лишенное перегородок. Где-то на высоте тридцати футов виднелась крыша. На первом этаже располагались гостиная, столовая и кухня. Одна лестница вела наверх, где под крышей находились спальни, а другая — вниз, где были другие спальни и погреба. Это одно из самых необычных жилищ, в котором мне когда-либо доводилось бывать. Чтобы отогреть нас, насквозь промерзших после четырехчасовой езды из Виннипега, Боб и Луиза, превосходные кулинары, приготовили королевский обед: умопомрачительный суп, домашней выпечки хлеб и столько оленины, что я поинтересовался, не истребили ли они в честь нашего приезда все поголовье оленей Канады. Но это, конечно, была всего лишь шутка. Боб — прекрасный хозяин, и каждый год заготавливает впрок ровно столько оленины, сколько требуется на зиму (обычно двух животных). Такая охота, наряду с обеспечением семьи вкусным мясом, является

одновременно лучшим способом благотельной отбраковки слабых особей.

Обильная пища, сопровождаемая некоторым количеством предусмотрительно захваченного с собой с медицинскими целями виски, способствовала постепенному размораживанию моих бороды и усов, а также ресниц Паулы. Тут же за столом было решено, что Паула вместе с Родни (нашим канадским оператором) и Аластером отправятся на разведку, в то время как нас с Ли будут посвящать в таинства катания на лыжах и хождения в снегоступах.

Очень скоро я обнаружил, что мое телосложение, моя, как очаровательно выражаются французы, *en bon point*¹¹, для катания на лыжах отнюдь не приспособлена. Стоило мне наклониться вперед, и я падал вниз лицом; если же наклонялся назад, то падал на спину, а когда старался держаться прямо, то все равно падал вперед или назад в зависимости от направления ветра. Хождение в снегоступах — это, как говорится, совсем другое дело, и я освоил его вполне успешно. Есть что-то волшебное в том, когда ты ходишь по глубокому снегу и не проваливаешься в него. Мысленно начинаешь даже сравнивать себя с чудесной птицей — яканой, которая, не отличаясь большой хрупкостью, бежит по листьям водяных лилий, словно по асфальту. В ботинках, напоминающих теннисные ракетки, вы плавно передвигаетесь по такому глубокому снегу, в котором без снегоступов увязли бы по уши через пару шагов. Единственную сложность представляет поворот на месте, и если вы действуете не по правилам, то ваши башмаки непременно запутываются и вы падаете в снег, подняться с которого довольно трудно. Но стоит только овладеть

---

¹¹ *En bon point* — здесь конституция (*фр.*).

техникой поворота, и вы начинаете чувствовать себя бравым гвардейцем, безупречно выполняющим на параде команду “кругом”.

Немного потренировавшись в снегоступах, мы с Ли отправились осматривать ближайшие окрестности. Небо было беспросветно серым и казалось до того твердым, что если бросить в него снежком, то тот отскочит от него со звоном, словно от чего-то металлического. Сверху сыпались тучи снежинок размером с пенсовую марку, невесомые и мягкие, точно промокательная бумага. Снег скрипел и урчал под ногами, но больше не было слышно ни звука — весь мир словно утонул в снегу. Сосны выглядели так, будто какой-то великан-кондитер облил их сверху глазурью, а их темно-зеленые ветви клонились вниз под ее тяжестью. Местами огромные деревья настолько сгибались от белого груза, что, надо думать, жить им оставалось только до следующего снегопада. Мы подошли к небольшому озеру, круглому и ровному под покровом снега и льда, словно блюдце с молоком. По краям виднелись покрытые снегом холмики с торчащими в разные стороны черными, будто древесный уголь, ветвями, пробивавшимися сквозь ледяную корку. Это были бобровые хатки; в их уютной глубине животные спали до прихода весны, которая должна была растопить пятифутовый слой снега и льда, освободив бобрам их жизненное пространство.

(Возвратившись в Канаду летом, мы вновь попали к этому озеру на рассвете. Контраст оказался разительным. Золотисто-зеленая вода была окаймлена, как викторианская скатерть бахромой, густыми зарослями тростника; поверхность озера во многих местах украшали вкрапления белых водяных линий. Только-только над кромкой шелестящего зеленого леса показалось солнце; оно

рассеивало плотную пелену тумана, отдельные клочки которого пытались зацепиться за камыши и водяные лилии, скользя меж ними, словно тончайшая свадебная фата.

Забравшись в лодку, мы медленно плыли к торчащему из воды коричневому горбу, похожему на гигантский неудавшийся рождественский пудинг. Здесь жили бобры. На полпути к жилищу из золотисто-зеленой воды неожиданно высунулась большущая коричневая морда, и в обрамлении бегущих по воде кругов на нас подозрительно уставился бобр. Мы бросили грести и начали наблюдать, как он медленно и с достоинством, словно дворцовый стражник, плывал взад-вперед перед своим домом. Когда же мы попытались подобраться поближе, он заволновался и, подняв похожий на весло хвост, с такой силой ударил им по воде, что по озеру раскатилось эхо, напоминавшее ружейный выстрел. Потом он нырнул. Вынырнув через некоторое время в другом месте и удостоверившись, что мы и не подумали отступить, он снова ударил хвостом и исчез под водой. Все время, пока мы не причалили к берегу, он продолжал выныривать в разных местах и колотить по воде хвостом, стараясь нас прогнать. Он оказался единственным встреченным нами в Канаде бобром, и поведение его вряд ли можно было назвать гостеприимным.)

Вернувшись в хижину, мы обнаружили Аластера, пребывавшего в радостном возбуждении: ему удалось найти и заснять большое стадо белохвостых оленей и даже гордого упрянца американского лося; это доказывало (по его мнению), что в этом царстве снега все же теплится какая-то жизнь. Встретившиеся нам по пути из Виннипега две вороны вряд ли могли убедить нашего режиссера в том, что на замершем Севере может жить кто-нибудь кроме людей.

— Завтра мы попытаемся снять тебя и Ли в компании белохвостых оленей и американского лося, — важно изрекла Паула. Она вполне освоилась в новой должности, позабыв те дни на Мадагаскаре, когда она была всего-навсего помощником продюсера и именовалась просто “помпрод”. — А вечером, — продолжала она, — мы спустимся к озеру, где Аластер хочет, чтобы ты половил сов.

— Не понял, — сказал я.

— Половил сов — на мышь, — объяснила Паула.

— Куиггерс, по-моему тыхватила лишнего, — сказал я.

— Ну что ты, милый, я не шучу. Аластер где-то вычитал, что ученые, когда им нужно окольцевать сов или еще для чего-нибудь, ловят их, используя в качестве приманки дохлых мышей.

— В жизни не слышал подобного бреда, — сказал я. — А почему именно на озере? Я и не знал, что в Канаде обитают водяные совы.

— Конечно нет. Просто на озере больше свободного места, а в лесу леска непременно запутается в ветвях деревьев.

— Даже не знаю, что и сказать. Чушь какая-то. А может, ты отговоришь Аластера?

— Не удастся, — твердо сказала Паула.

Этой ночью Ли и я впервые увидели северное сияние. Для Боба и Луизы это было обычным явлением, поэтому они даже забыли о нем упомянуть. Они любезно уступили нам свою спальню, и когда мы забрались в большую, удобную двуспальную кровать и подняли вверх глаза, прямо над собой мы увидели сверкающий небосвод. Я быстро выключил свет и замер от удивления. Огромная часть неба над нашими головами была живой. На фоне бархатной черноты

разворачивались свитки, раздвигались занавеси, развивались ленты и переплетались струи бледно-пурпурных, зеленых, голубых, розовых и белоснежных ветвей, похожих на необычное облако, живущее своей особой жизнью. Каждую секунду все это перемещалось, разделялось, сливалось, вновь распадалось и соединялось уже в других комбинациях; вся экспозиция была подсвечена откуда-то с боков, причем цвета тоже все время менялись. Мне пришел на память подаренный в детстве калейдоскоп — треугольная трубка вроде микроскопа. Под увеличительное стекло клали разноцветную бумагу, особенно ценились яркие, блестящие обертки из-под шоколадок; когда вы поворачивали трубку, кусочки бумаги смещались, образуя самые невообразимые сочетания. Сейчас, когда я смотрел на небо, оно казалось мне гигантским калейдоскопом, который без каких-либо усилий с моей стороны создавал эти фантастические эффекты, более изощренные и загадочные, чем самая яркая обертка из-под шоколада. Мы молча любовались этим невероятным зрелищем в течение часа, пока оно постепенно не начало затухать и не погасло совсем, оставив бархатно-черное, как кротовая шубка, небо усыпанным звездочками. Хорошо, что северное сияние все-таки погасло, иначе мы всю ночь были бы не в состоянии от него оторваться и не смогли бы наутро начать работу. Это было одно из самых мистических, изысканных и прекрасных явлений природы, которые мне когда-либо доводилось видеть.

На следующее утро, чуть свет, после плотной трапезы, не уступавшей завтраку Гаргантюа, мы отправились в лес, предварительно нацепив на себя такое количество всякой одежды, что наши неуклюжие движения напоминали прогулку астронавтов по Луне в отсутствие привычной силы тяжести. Встретившая нас вчера неприветливая серая мгла за

ночь рассеялась, и небо было голубым, словно цветы льна, а слабое тепло, исходившее от бледного зимнего солнца, помогало деревьям сбрасывать с ветвей огромные шапки снега, которые с тихим вздохом падали на пушистый снежный ковер.

В одном из эпизодов этой серии мы хотели показать необычную, происходящую зимой под снегом жизнь. Не так давно было обнаружено, что падающий на землю первый снег, на который затем ложатся другие слои снега, меняет свой состав. Снежинки как бы сплавляются друг с другом и окристаллизовываются, превращаясь попросту в сосульки; внутри этого слоя образуются туннели и ледяные дворцы, сверкающие изысканными кристаллами. Слой этот у канадских индейцев называется “пакак”. Температура внутри ледяных коридоров и дворцов на несколько градусов выше наружной, так как внешний слой снега действует как изолятор. Поэтому мыши и другие мелкие грызуны преспокойно живут в “пакак”, выкапывая из-под него корни растений для пропитания; другие, более хрупкие существа, вроде насекомых и пауков, отлично перезимовывают в ледяных коридорах, впадая в полуспячку. Для того чтобы наглядно продемонстрировать теплоизолирующие свойства снега, Аластер решил построить ледяной дом, который у североамериканских индейцев носит название куинзи, а у эскимосов — иглу. Наша группа разделилась на две половины: одни отправились на поиски животных, другие под предводительством Аластера занялись постройкой куинзи.

Не успели мы проехать и несколько миль, как обнаружили стоявшего неподалеку от дороги американского лося с чудовищными шоколадными рогами. Лоси — странного вида неуклюжие создания с нескладными ногами и

распухшим, словно у пьяницы, носом. Когда я на них смотрю, меня не покидает ощущение, будто их собирали по частям от разных животных. Зверь, шевеля ушами, печально смотрел на нас некоторое время, а затем, выпустив из шарообразного носа два огромных облака пара, тяжело ступая удалился в чашу. Взрослый самец американского лося — величественное животное, не уступающее по размерам тяжеловозу, с громадными лапчатыми рогами, напоминающими увеличенный во много раз лист остролиста. Позже, весной, мы наблюдали за тем, как они пасутся по берегам рек и озер, отыскивая корни водяных лилий. Головы с рогами на какое-то время уходят под воду, а затем выныривают, украшенные спутанными стеблями и цветками лилий.

Проехав по дороге около десяти минут, мы увидели двух крупных, застывших в величественных позах на обочине самцов оленей вапители с ветвистыми, похожими на великолепные костяные канделябры рогами. Они взирали на нас с царственным пренебрежением, а затем грациозно и неспеша удалились легкой рысью, прокладывая себе путь через густые заросли столь искусно, что их массивные рога ничуть не запутывались в ветвях. Стоило им исчезнуть, как появилось целое стадо ржаво-коричневых белохвостых оленей: уши настороженно приподняты, ноздри широко раздуваются, большие влажные глаза боязливо поглядывают по сторонам. Увидев нас, они остановились как вкопанные, сбились в кучу и подозрительно принюхались. Секунду-другую мне казалось, что олени решатся перебежать нам дорогу, но вдруг один, наиболее слабонервный, не выдержал, и тут же все стадо развернулось и, подняв тучу снега, унеслось прочь; их забавные, в форме сердечек, белые пятна под хвостиками мелькали среди угольно-черных деревьев.

Мы ехали под ярко-голубым небом мимо сверкающих замерзших пейзажей, и через полчаса нашим взорам открылась стиснутая по бокам голыми черными деревьями белая долина, по которой катилась каштаново-коричневая лавина. Подъехав ближе, мы к своему восторгу обнаружили небольшое стадо из шести бизонов — горбатых, косматых, сбитых в плотную кучу, утопающих по лопатки в снегу, за которыми вился шлейф горячего дыхания. Взрывая безупречно белую, нетронутую целину, они оставляли позади снежное месиво и тянущиеся длинные синие тени; все это и впрямь походило на мохнатую, состоящую словно бы из одних мышц лавину, утыканную блестящими рогами.

Мы любовались ими до тех пор, пока они не скрылись из виду, и были уже готовы завести мотор, когда из чащи темных деревьев степенно вышел громадный старый бизон и направился в белое, словно праздничная скатерть, поле. Борода его раскачивалась в такт шагам, острые рога походили на изогнутые луки, необъятный лоб и мощный загривок были покрыты тугими завитками темной шерсти, а вырывавшееся из ноздрей дыхание образовывало два густых облака пара. Медленно, словно солидный человек, с достоинством несущий дородное тело, он грузно шествовал по белой пустыне.

Снег в этом месте был не очень глубокий и доходил ему только до колен. Приблизительно в двухстах ярдах от опушки леса он становился и задумался; образовавшееся от дыхания облако пара окутывало его лоб и загривок. Вдруг, словно в замедленной съемке, он подогнул ноги и лег на снег. Полежав так минуту-другую, он брыкнул ногами и перекатился на спину, затем еще несколько рывков — и он опять на животе. В течение следующих десяти минут мы были удостоены чести присутствовать при церемонии принятия бизоном

снежных ванн, состоявших из перекатываний со спины на живот и обратно, хрюканья и сопения, выбрасывания в воздух серебряных клубов пара и летевших во все стороны ошметков снега. Наконец, утомленный процедурой омовения, он завалился на одну сторону; при этом он часто дышал и бока его резко вздымались. Отлежавшись, он тяжело поднялся и встряхнулся изо всех сил так, что с его густого меха тучей посыпались снежинки, а затем гордо и уверенно проследовал за своим стадом, в котором, вне всякого сомнения, был вожаком. Медленно, весь погруженный в самосозерцание, похожий на большущее темное облако, он пересек долину и исчез в лесу.

Вернувшись, мы застали Аластера порозовевшим от трудов праведных, самодовольно расхаживающим вокруг отроверхого сугроба пяти футов высотой.

— Куинзи, — с гордостью пояснил он, держа голову набок и любовно оглядывая кучу снега. — Дальше... сами знаете... снегоступы и копать.

Надев снегоступы, мы утрамбовали снежный холм, а затем с одной стороны сделали углубление, похожее на церковный портал. Через это углубление, вгрызаясь все дальше в холм, мы выгребали снег, пока внутри не образовалось большое пространство. Причем сразу же стала видна разница между снегом, покрывавшим холм, и теми его слоями, что находились внутри. Сверху снег был как снег, в то время как изнутри он стал постепенно превращаться в лед, образуя изоляционный слой. Снаружи температура воздуха была -17°C , но забравшись в куинзи на четвереньках, Ли обнаружила, что внутри снежного домика она была нулевой; конечно, не бог весть какая жара, но и этого достаточно, чтобы не замерзнуть, если вас зимой в открытом поле застала ночь.

Стоило нам закончить постройку куинзи, как начали слетаться любопытные птички, чтобы посмотреть, чем мы занимаемся. Первыми прилетела стайка гаичек — таких нежных и хрупких, что было непонятно, как им удается пережить столь суровую зиму. Они порхали меж ветвей, повисали вниз головой и весело чирикали, но вскоре мы им наскучили и они улетели прочь. Следом за ними появилась группа американских вечерниц, красивых с крупными клювами птиц в сияющем золотом и черно-зеленом оперении, похожих на вспыхивающие среди темных сосновых ветвей золотистые огоньки. Они оказались пугливее, чем гаички, и поспешили укрыться в более глухих уголках леса. Наша следующая гостя оказалась, напротив, довольно нахальной. Это была канадская кукша, средних размеров птица в прелестном светло-серо-черном оперении. Стремительно вылетев из леса, она уселась на ближайшем к нам дереве. Кукша скакала с ветки на ветку, время от времени останавливаясь и посматривая на нас, склонив голову набок, чем страшно походила на Аластера. Беспремерная храбрость этих птиц объясняется тем, что в их сознании появление людей неразрывно связано с кормежкой. Пошарив в карманах, мы обнаружили несколько печений и горсть арахисовых орехов. Мы любезно предложили наши припасы кукше, и, к нашему восторгу, она доверчиво слетела вниз и, усевшись прямо на ладонь, стала старательно запихивать в клюв столько лакомых кусочков, сколько туда могло войти. Набив полный клюв, она улетела и проделывала совершенно необыкновенные вещи: найдя подходящую ветку, птица с помощью своей клейкой слюны прикрепляла к ней пищу. Таким образом она собрала все, что мы могли ей предложить, сделав на различных деревьях семь или восемь тайных продовольственных складов на будущее. Мне кажется, она

даже слегка рассердилась, когда у нас иссяк запас съестного, но к этому времени, по нашим подсчетам, она накопила его столько, сколько хватило бы десяти кукушкам на неделю.

Когда мы вернулись, день клонился к вечеру и Аластер торопил всех, чтобы успеть снять сцену ловли сов на удочку. Боб снабдил нас спиннингом и двумя чучелами мышек в качестве приманки. Торжественная процессия направилась к озеру и спустилась на лед. Здесь Боб торопливо преподал мне урок по забрасыванию спиннинга. Он несколько раз показал, в каком положении должно находиться запястье, причем мышка легко, словно перышко, каждый раз приземлялась в одно и то же место футах в тридцати от него. Со стороны вся процедура казалась мне проще простого, и было непонятно, почему рыбаки, пользующиеся спиннингом, так много об этом говорят. Я уверенно схватил удилище, одним концом смотревшее в небо, и сделал, как мне казалось, мастерский заброс.

К сожалению, проклятая леска повела себя не так, как следовало. Вместо того чтобы развернуться и перенести мышку в положенное место, она превратилась в розгу; в результате мышка разделась на две половинки, одна из которых перелетела через озеро и упала в сугроб, а вторая, с головой и передними лапками, осталась болтаться на удилище.

— Милый, — сказала Паула, вдоволь насмеявшись, — боюсь, как бы мыши не пробили брешь в нашем бюджете.

— К счастью, у нас есть запасная, — включился Аластер.

— Пожалуй, я потренируюсь сначала с оставшейся половинкой, — сказал я. — Было бы жаль испортить еще одну мышку.

— Если бы зрители могли увидеть этот эпизод, они сказали бы, что роль оказалась мышке не по силам, — пошутил Аластер и залился хохотом по поводу собственного остроумия.

Посчитав ниже своего достоинства отвечать на столь грубый выпад в мой адрес, я отправился в дальний конец озера поупражняться с полумышкой. Когда я приобрел достаточный навык, мы насадили в качестве приманки целую мышку и сняли весь эпизод. Бессмысленно добавлять, что ни одна сова и не подумала появиться.

В эту ночь, нашу последнюю в Райдинг-Маунтин, северное сияние преподнесло нам прощальный подарок: в течение двух или трех часов, лежа в кровати, мы наблюдали за тем, как в небе разворачивались ленты, свитки, гофрированные занавеси, переливавшиеся всеми оттенками пастельных цветов — создавалось впечатление, что внутри них бушевал огонь; языки пламени сливались, расходились, пропадали и вновь возникали в нескончаемом и неповторимом красочном карнавале. Это было так удивительно и прекрасно, что хотелось немедленно все зарисовать, хотя мы понимали, что ни одно полотно не в состоянии передать волшебного изящества выгравированных на небе узоров. Не говоря ни о чем другом, одно только северное сияние стоило того, чтобы ради него мерзнуть суровой канадской зимой.

В следующий раз мы попали в Канаду летом, когда пейзаж был совершенно другим — с деревьями, одетыми листвой, и растущими повсюду цветами. Мы направлялись в Банф — расположенный в самом сердце Скалистых гор живописнейший уголок нашей планеты, являющийся одним из крупнейших национальных парков Канады. Череда сменяющих друг друга горных хребтов напоминала

гигантские, застывшие в камне морские волны. Похожие на зеленый мех сосновые леса карабкались вверх по крутым склонам гор, на вершинах которых сияли вечные снега; кое-где на отвесных скалах, словно нагар на свече, лепился висячий ледник. Парк обладал удивительным свойством — возникавший за каждым поворотом дороги новый пейзаж настолько пленял ваш взор, что вы готовы были признать его самым живописным местом заповедника; но стоило только так подумать, как открывающийся за следующим поворотом вид ошеломлял вас еще больше, затмевая собой все виденное ранее. Местами горы вставали столь отвесно, что лес размещался только у их подножия, зато все долины и складки коричневых и красновато-коричневых гор были так тщательно укрыты снегом, что создавалось впечатление, будто кто-то очень аккуратно разложил на склонах свежевystиранные и накрахмаленные салфетки.

Остановившись передохнуть на обочине, мы обнаружили под деревьями сверкавшие, точно яркие фонарики среди темных листьев, россыпи земляники, на которую с вожделением набросились. Населяющие парк черный медведь (барibal) и гризли не меньше нашего любят землянику. Поэтому, забредя в чашу, надо все время быть начеку, чтобы не очутиться на одной земляничной полянке нос к носу с медведем.

Над нами вздымались две огромные, с гребнями, похожими на острие топора, горы, между которыми в форме овальной чаши лежала покрытая нефритово-зеленой растительностью долина. Зеленую гармонию в нескольких местах нарушали белые пятна, которые я вначале принял за снег; когда же пятнышки зашевелились, я понял, что передо мной предмет моих давних мечтаний — снежная коза. Спешу

предупредить, что не следует обольщаться столь поэтическим названием.

Снежные козы — существа незаурядные; с шелковистой белой шерстью, мягче, чем кашмирская, черными копытами, рогами, выразительными мордой и глазами, они настоящие денди животного царства. В отличие от других живущих в горах копытных они не суетливы и не пугливы, а, напротив, степенны, важны и уверены в себе.

Уверены до такой степени, что рассказывают, как однажды коза, прыгая с одного узкого уступа высокой скалы на другой, где-то в середине полета поняла, что цель слишком далека и до нее не добраться; вместо того чтобы рухнуть в пропасть (что сделали бы на ее месте все другие копытные), она развернулась в полете, с силой оттолкнулась от скалы всеми четырьмя копытами, сделала сальто назад и благополучно приземлилась на том уступе, с которого прыгала. У этого вида коз почти нет естественных врагов, но даже с теми, которые имеются, они расправляются очень успешно. Однажды преследуемая охотничьими собаками снежная коза проткнула рогами двух нападавших, а третью столкнула в пропасть (так что та разбилась насмерть). Остальные собаки испугались и пустились наутек, а коза как ни в чем не бывало отправилась восвояси. В другой раз нашли убитую гризли снежную козу. Но рядом с жертвой лежал труп убийцы — медведя гризли с продырявленной в двух местах на груди, рядом с сердцем, шкурой. Скорее всего смертельно раненный медведь нашел в себе силы убить козу, прежде чем умер от ран, нанесенных острыми как кинжал рогами. Некоторое время мы наблюдали в бинокль за мирно пасущимися на зеленом лугу козами, но ничего сверхъестественного, вроде эпизода с гризли, так и не произошло. Время от времени животные останавливались и,

подняв головы, устремляли задумчивый взор куда-то вдаль; их удлинённые, невозмутимые, бледные физиономии придавали им серьёзный и уважаемый вид, делая похожими на группу викариев в белых меховых шубах.

В одном из эпизодов этого фильма мы хотели показать летнюю активность пищухи (или сеноставки) — удивительных небольших грызунов, живущих в альпийских лугах. Эти маленькие существа не впадают зимой в спячку, как большинство живущих в горах животных, таких, например, как толстый сурок. Пищухи превратились в усердных фермеров: все лето они лихорадочно собирают траву и листья, складывая их в стога для просушки. Когда верхний слой сена подсохнет, пищуха осторожно переворачивает его, чтобы высохла и нижняя часть стога. Сухие стога пищуха стаскивает в укромное место. Так образуются зимние кладовые; без них животные погибли бы, так как долины покрываются толстым слоем снега. При первых признаках начинающегося дождя пищухи перемещают стожки в укрытие, а после дождя вновь выставляют их на солнце.

По словам Джеффа Холройда, нашего местного проводника, лучше всего наблюдать сеноставок во время страды на альпийском лугу, что в двадцати милях от отеля, где мы остановились. Итак, рано утром мы тронулись в путь. Прибыв к подножию горы, мы оставили машину и начали двухмильное восхождение по крутому, поросшему сосной и лиственницей склону. Как только мы начали подъем, отовсюду послышался свист; мы приняли его поначалу за голоса какого-то вида птиц, судя по всему, в изобилии населяющего эту местность. Позже, попав на небольшую лужайку, мы увидели перед собой певца, издававшего эти звенящие, похожие на пение флейты звуки, — жирного

суслика в элегантной серо-рыжей меховой шубке. Он сидел у входа в нору прямо, точно стражник, а грудка его вздымалась и опадала, когда он издавал столь мелодичные сигналы опасности. Огромные, влажные глаза разглядывали нас со свойственным всем сусликам пристальным, слегка глуповатым выражением, а маленькие лапки дрожали от усердия. От почти совсем нас не боялся. Позволив Ли подойти к нему на четыре-пять футов, он спокойно удалился к себе в норку. Этот вид суслика называется колумбийским. Как объяснил нам Джефф, в горах на разных уровнях живут различные виды сусликов; по тому виду, который обитает в данной местности, всегда можно определить, как высоко в горах вы находитесь.

По мере того как мы забирались все выше, лиственницы и сосны попадались все реже и реже, уступая место невысоким полярным растениям; пронизывающие северные ветры, несущие в себе острые как нож льдинки, обрушивались на сосны и лиственницы, коверкая их, превращая великаны-деревья в крошечных пигмеев, словно из миниатюрных японских садилов в стиле бонсай. То здесь, то там среди мини-деревьев яркими пятнами желтого, оранжево-розового и ярко-красного выделялась ястребинка золотистая — красивое изящное растение со стеблями и листьями, покрытыми облачком тонких, едва заметных волосков. Такое волосяное покрытие типично для многих альпийских растений и, хотите верьте — хотите нет, защищает их в течение девятимесячного ледяного ненастья не хуже, чем толстая шуба медведя гризли.

Вскоре деревья закончились совсем, уступив место раскинувшейся перед нами долине со столь сочной, ярко-зеленой травой, что цвету ее позавидовали бы отборнейшие изумруды. На окружавших долину горных склонах виднелись

заросшие шрамы — следы старых обвалов, но сами луга были безупречны. Изумрудная трава пестрела разноцветными заплатками крошечных альпийских растений — ярко-желтой лапчатки, желтого вереска, изящного лилового астрагала, белой песчанки и ярко-розовых подушек смолёвки бесстебельной. В центре долины, журча и поблескивая среди нагромождения серых валунов, набросанных столь живописно, что казалось, это дело рук некой альпийской Кейпабилити Браун, бежал ручей.

Внезапно наше внимание привлёк пронзительный свист, эхом раскатившийся по соседним холмам. На вершине груды камней, лениво развалиясь на солнце, сидел жирный коричневый, похожий на гигантскую морскую свинку, сурок с длинным пушистым хвостом.

Думаю, он подал сигнал тревоги больше по привычке — казалось, он вовсе не имел ничего против нашего присутствия. И действительно, когда мы постояли рядом с ним некоторое время, он, немного привыкнув, позволил мне подойти, потрепать его по шее и пощекотать усы.

Находиться в стране непуганых зверей, где братья наши меньшие смотрят на тебя как на друга и позволяют, пусть ненадолго, насладиться прелестью общения, — исключительное, ни с чем не сравнимое чувство.

Впереди долина была разделена на две части — верхнюю и нижнюю, отгороженные одна от другой высокой грядой наваленных друг на друга валунов. Вдали возвышался голый горный склон, заваленный обломками скал — следами старых обвалов. Огромные валуны были украшены окаменелыми раковинами и кораллами — знак того, что в незапамятные времена эти скалы были ложем древнего моря, которое благодаря давным-давно произошедшему катаклизму

вознеслось высоко вверх и превратилось в горную долину. Именно здесь, под шаткой стеной, созданной из облепленных ископаемыми ракушками обломков скал, мы увидели первую пищуху. Должно быть, она давно сидела среди камней, наблюдая за нами, но так как ее серая шерстка полностью сливается с цветом скал, то, будучи неподвижной, она оставалась совершенно невидимой. Размерами пищуха была с морскую свинку, мордочка чем-то похожа на кроличью, но с более крупными и темными глазами, маленькими, круглыми ушками, крошечным, едва различимым хвостиком и блестящей, шелковистой шерсткой. При виде нас она издала резкий, тревожный крик и, запрыгав по камням, скрылась из виду. Оглядевшись, мы обнаружили неподалеку несколько стожков сена диаметром фута два и высотой около двенадцати дюймов. Поверх каждого стога были накиданы свежие трава и листья, из чего можно было сделать вывод, что уборочная страда пищух находилась в полном разгаре. Любопытно, что в нижней долине сенокосы были очень пугливы, появляясь ненадолго во время коротких перебежек из одной расщелины в другую. Когда же мы поднялись в верхнюю долину, то наткнулись на необычайно добродушную и милую пищуху, которая была так поглощена своей работой, что не обратила на нас никакого внимания. В этом месте ручей проложил себе путь в жирном, рыхлом, зеленом, разукрашенном цветами дерне; он вился по поляне, словно сплетенная из травы коса. В самом центре гладкого, будто бильярдный стол, лужка сидела маленькая упитанная сенокоска и деловито перекусывала зубами стебельки растений. Когда рот до отказа набивался травой, животное мчалось к дому и расположенным по соседству стожкам, напоминая моржа своими огромными торчавшими зелеными усами. Мы последовали за ним по каменистой осыпи и

обнаружили его норку под гигантской, размером с легковой автомобиль скалой; рядом находились два сметанных стога сена и один, сложенный лишь наполовину. Пищуха была так увлечена хозяйственной деятельностью, что, когда я уселся на камень в трех футах от ее стогов, даже не посмотрела в мою сторону. Уложив принесенную во рту траву на стог, она помчалась назад, подскакивая на бегу, словно резиновый мячик. Добравшись до луга, она вновь набила рот травой и возвратилась к тому месту, где я сидел. В нескольких футах от меня она остановилась и, подняв мордочку с чудовищными зелеными усами, пристально посмотрела на меня темными глазами, затем, решив, что беспокоиться нечего, как ни в чем не бывало подошла к стогу и, вынув изо рта траву, любовно уложила ее сверху. Интересно, что когда пищухи нижней долины издавали резкий тревожный свист, наша останавливалась и отвечала им тем же, несмотря на то, что она в это время находилась так близко от меня и я спокойно мог до нее дотронуться. Тот факт, что вокруг крутилось несколько человек, которые снимали и записывали каждый ее звук, каждое движение, вероятно, совершенно ее не трогал: она продолжала трудиться, не обращая на нас внимания, как будто от этого зависела ее жизнь — что, если разобраться, в действительности так и было. Единственное, от чего она немного разволновалась, были взмывшие в небо воздушные змеи; правда, это же событие повергло ее сородичей в нижней долине в настоящую истерику.

Как-то, изучая нужные ему книги, Аластер напал на описание эксперимента, проведенного Конрадом Лоренцом над цыплятами. Ученый соорудил из картона большой силуэт летящего гуся и запустил его в небо над цыплятами, что не произвело на них никакого впечатления. Когда же он протянул этого же гуся в обратном направлении, реакция

цыплят была прямо противоположной — они впали в панику. Силуэт напомнил им летящего ястреба: длинная гусиная шея и голова превратились в ястребиный хвост, а хвост гуся — в короткую круглую голову хищника. Аластеру пришла в голову мысль испробовать этот эксперимент на пищухах; с этой целью он отправился в магазинчик, расположенный в китайском квартале Торонто, и раздобыл два элегантнейших, в виде ястребов, воздушных змеев. Стоило нам запустить в небо красавцев-ястребов, как в долине началось настоящее столпотворение. Сурки осыпали их отборнейшей бранью, у пищух нижней долины случилось коллективное нервное расстройство, а четверо куропаток, степенно шествовавших по своим куропаточьим делам, со всех ног бросились к скалам и, присев слились с камнями, посчитав, что так будет безопаснее. Лишь наша сенокоска, будучи рачительной хозяйкой, не бросила своих сельскохозяйственных работ и только время от времени с опаской поглядывала наверх. Изредка останавливаясь, она издавала приглушенный висящими зелеными усами свист. Однажды, когда на нее упала тень от ястреба, она бросилась в укрытие, но вскоре появилась вновь и продолжала работу. Думаю, что среди многих замечательных канадских впечатлений дни, проведенные за запуском воздушных змеев в альпийских лугах Камаски, останутся в моей памяти как самые незабываемые. Пьянящий как вино воздух, ослепительное солнце, набрасывающее голубые тени на горы со следами старых обвалов, яркость красок, кристальная прозрачность горных ручьев и удивительная, нисходящая на вас умиротворенность. Это, несомненно, одно из тех заколдованных мест, куда вас постоянно влечет и где очень хочется поселиться навеки.

ФИЛЬМ ШЕСТОЙ

Спору нет, канадские леса чрезвычайно живописны, но английские лесные просторы не менее интересны, чарующи и столь же полны жизни. Для съемок лиственного леса зимой и в весеннюю пору мы выбрали обширный лесной массив Нью-Форест в Хэмпшире. Определение “ню” (новый) здесь не очень подходит — лес был посажен еще во времена Вильгельма Завоевателя в 1079 году, так что этому огромному шелестящему лесному поясу на самом деле уже почти тысяча лет. На мой взгляд, выбор оказался необычайно удачным — в течение нескольких лет я жил невдалеке от этого леса, и он, с его богатой флорой и фауной, стал для меня местом многих удивительных открытий.

Сейчас лес занимает площадь в 38 000 гектаров, в основном это редколесье. Иногда встречаются участки реликтовых и декоративных деревьев, луга, вересковые пустоши и заросли кустарников. Когда-то лес служил королевскими охотничьими угодьями. Местным жителям было даровано право, сохранившееся и по сей день, пасти свиней, коров, лошадей и другую домашнюю живность по всей округе за исключением специально огороженных участков, где молодая поросль была защищена от слишком

назойливых знаков внимания, оказываемых оленями и домашней скотиной. Хотя в наши дни лес перестал быть местом королевских охот, он приобрел статус национального заповедника благодаря большому количеству редких обитающих в нем видов животных и растений. Нашим проводником в этом восхитительном лесном уголке, одном из красивейших в Европе, стал Саймон Дэви, высокий, симпатичный юноша, большой энтузиаст и тонкий знаток природы этой местности.

Желание Джонатана разместиться как можно ближе к лесу представлялось вполне уместным, поскольку ничто так не выматывает и не раздражает человека, как необходимость ежеутренней часовой поездки к месту назначения. Тут нам повезло, так как Джонатан обнаружил в самой чаще леса небольшую гостиницу “Брэмбл Хилл”. А вот счел ли добрый, но незадачливый ее хозяин капитан Проуз своей удачей наше пребывание у него, так и осталось невыясненным. Боюсь, мы стали для него настоящим испытанием. Ко времени нашего отъезда он наверняка пришел к выводу, что все участники съемочных групп если и не полностью неменяемы, то немногим уступают деревенским дурачкам. С самого приезда мы взяли явно неудачный старт, причиной которого стал пустячный инцидент с покрывалом.

Непонятно почему, но на сей раз Джонатан проявил несвойственную ему трогательную заботу о кинозвездах. Перед нашим прибытием он счел своим долгом подняться в будущее обиталище главных героев, чтобы лично убедиться, вполне ли подходит для нас его обстановка. Учитывая царивший в гостинице безупречный порядок, я не представляю, как мысль о том, что что-то может быть не так, вообще пришла ему в голову. Обнаружив двуспальную кровать, покрытую немного безвкусным, но вполне

безобидным покрывалом, Джонатан вдруг решил, что созерцание подобной аляповатой вещицы вызовет столь бурный протест наших артистических натур, который можно было бы сравнить разве что с гневом покойного лорда Кларка при виде непотребных надписей на стенах Шартрского собора. Не колеблясь, он сдернул несчастное покрывало с кровати и запихнул его в шкаф. В полной уверенности, что отныне наши утонченные эстетические чувства не будут подвергнуты испытанию, он отправился нас встречать.

Пока Джонатан был занят этим ответственным делом капитан Проуз, чей всевидящий взор проникал везде и всюду, самолично обошел наши апартаменты. Обнаружив кровать, так сказать, обнаженной, он не успокоился до тех пор, пока не нашел злополучное покрывало и не возложил его на законное место. Когда мы добрались до гостиницы, Джонатан, все еще терзаемый приступом заботы об актерах (к сожалению, редкой у режиссеров), опередил нас с нашим багажом. Первое, что бросилось ему в глаза, было лежащее на кровати покрывало. Издав мучительный стон, он схватил покрывало и снова схоронил его в шкафу. Не успел он покончить с этим, как мы с Ли в сопровождении капитана Проуза вошли в комнату. Орлиный взгляд капитана остановился на кровати. Лицо его выражало полное недоумение.

— Позвольте, где же покрывало? — поинтересовался он.

Вопрос был, конечно, риторическим, но Джонатан почувствовал, что должен на него ответить.

— Покрывало? — внезапно охрипшим голосом переспросил он.

— Да, — уточнил капитан Проуз, — на этой кровати лежало покрывало. Я сам положил его сюда. Но кто-то, неизвестно зачем, убрал его в шкаф. Интересно, где же оно?

— В шкафу, — чуть слышно сказал Джонатан.

— В шкафу? — спросил капитан. — Опять?

— Да, — подтвердил Джонатан.

— А откуда вам это известно? — спросил капитан. — Я сам его туда положил, — ответил Джонатан тоном человека, признающегося в детоубийстве.

— Вы положили его туда? — изумился капитан.

— Да, — обреченно вымолвил Джонатан.

— И в прошлый раз это сделали вы? — Будучи человеком военным, капитан Проуз во всем любил полную ясность.

— Да, — ответил Джонатан.

— А с какой целью? — с подозрительным спокойствием спросил капитан.

В течение последовавшей долгой паузы все смотрели на Джонатана, залившегося таким пунцовым румянцем, ответу которого позавидовал бы любой уважающий себя гелиотроп.

— Потому что я думал, что им оно не понравится, — извернулся он наконец, свалив таким образом всю вину на ни в чем не повинных приезжих. Подобное лукавство могло бы сбить с толку кого угодно, только не капитана, имевшего за плечами солидный опыт общения с новобранцами, которые, будучи пойманными в самоволке, плели всякие небылицы.

— Я абсолютно уверен, — ледяным тоном начал он, — что, если мистеру и миссис Даррелл не понравились бы покрывало или накидка, они сами сообщили бы мне об этом. Прятать же покрывало в шкафу не входит, насколько мне известно, в обязанности режиссера. Более того, я несколько

не сомневаюсь в том, что, решив подходит им покрывало или нет, мистер и миссис Даррелл выскажут свое суждение непосредственно мне, без вмешательства третьих лиц.

Засим он с достоинством поклонился и покинул помещение — как раз вовремя, ибо мы с Ли в припадке безудержного веселья, повалились прямо на непокрытую постель.

Стояла середина осени, и утренний лес, где мы начали съемки, был великолепен. В одних местах листва все еще была живой, переливаясь зеленовато-золотистым, в других — листья медленно умирали и огромные деревья — лимонно-желтые, цвета леденцов, коричневато-золотистые, цвета хереса и огненно-рыжие — застыли в неярком свете раннего осеннего утра. Среди ветвей, словно хвосты бумажных змеев, струились тонкие прядки тумана. Воздух был так холоден, что можно было видеть собственное дыхание; все вокруг было пронизано хрупким сиянием чистоты. Тонкие ручейки, поблескивая и лепеча, прокладывали извилистый путь в черной и благоуханной, словно рождественский пирог, земле, под пологом соборных нефов гигантских дубов и буков.

Вместе с сыростью пришла и пора грибов. Они виднелись повсюду в изобилии, появляясь то здесь, то там из-под толстого, влажного слоя опавших листьев. Их причудливые очертания напоминали какой-то фантастический, неземной мир. Казалось, не будет конца разнообразию форм и цветов. Грибы розовые, как сахарная глазурь, серые и шелковистые, как шкурка котика, грибы со шляпками, загнутыми кверху и выставившими напоказ свои пластинки, словно страницы книги, или похожие на вывернутые ветром наизнанку зонты; одни были похожи на элегантные зонтики от солнца, другие — на китайские шляпы; некоторые теснились группами, как столики у входа в

парижское кафе, или струились вниз с коры деревьев, подобно пенистому водопаду. Попадались и такие, которые напоминали сложные коралловые образования или срезанную лентой кожуру апельсина; опята — желтые, как канарейки, огненно-рыжие, как прически гризеток; грибы-зонтики нежных карамельных оттенков с чешуйками на шляпках, чем-то похожими на замысловатую кровельную черепицу.

А какие названия встречались в этом удивительном царстве! Должно быть, ученые, занимавшиеся сбором и классификацией грибов, все до одного — поэты в душе; ничем другим не объяснить возникновение таких великолепных названий, как Лохматый Чернильный Колпак, Парик Судьи, Плачущая Вдова, Грошова Булочка, Скользящий Джек и Седло Дэйрада. В гуще деревьев вы замечаете прячущийся Лаковый Колпак Смерти, а чуть дальше — Ангела Смерти цвета слоновой кости, чья шляпка напоминает сложенные крылья надгробного ангела. Попадались также огромные плоские, как тарелки, печеночные грибы, настолько крепко приросшие к стволам деревьев, что можно было, не сомневаясь в их прочности, спокойно сидеть на них как на походных стульчиках. Были также круглые и мягкие грибы-дождевики, выпускавшие клубы мельчайших спор при легком прикосновении. Их бесшумное извержение походило на прозрачное облачко, рассеивавшее по лесному ковру тонкие струйки будущей жизни. На одной полянке, затерянной в чаще леса, мы наткнулись на останки необъятного дуба, прожившего, надо думать, не одно столетие, — ствол его достигал десяти футов в диаметре.

Этот мертвый колосс, должно быть, гнил очень долго и с течением времени оброс снаружи экзотическим грибным садом. Все эти скопления, консорциумы, колонны, батальоны, гроздья и караван-сарай представляли собой самую большую

коллекцию разнообразных грибов, увиденную мною со времен посещения леса в Йююю в Северной Аргентине много лет назад. Причем в своем невежестве я полагал, что только в тропических лесах может произрастать такое изобилие видов на столь маленькой площади.

Но из всех встреченных нами грибов особенно поразил меня мухомор размером с чайное блюдце, чей алый цвет раздвигал лесной сумрак. Этот пронзительно яркий, словно звук трубы, гриб известен своей ядовитостью еще со времен средневековья, когда хозяйки травили мух на кухне или маслобойне, кроша гриб в блюдце с молоком. Его ядовитые свойства вызывают каталепсию, сопровождающуюся своеобразным опьянением и конвульсиями. Любопытно, что северные олени испытывают к этим грибам явное пристрастие, обходясь с ними так же, как кое-кто из нас с неожиданно найденной в лесу бутылкой джина или виски, и не упускают случая, должен с сожалением констатировать это, ими полакомиться. Саамы, наблюдавшие за чудачествами оленей, наевшихся мухоморов, и, возможно, завидуя столь недостойному состоянию, эмпирическим путем выявили две интересные особенности. Для желаемого опьянения достаточно лишь проглотить мухомор не разжевывая. Они также узнали (лучше не пытаться представить, каким способом), что моча человека, захмелевшего от мухомора, обладает пьянящим действием, и того же эффекта можно достичь с помощью продукта этой своеобразной перегонки. Однако же когда саамы страдают от похмелья, они, естественно, во всем обвиняют оленей.

Для нас лес был полон очарования. Но Джонатану он казался непримиримым врагом, который своими извечными капризами все время обманывал его надежды. Если ему нужно было солнце, на небе было полно облаков; если он

ждал облаков, светило солнце; если же ему требовался дождь, стояла совершенно ясная погода и так далее. Бедняжка лес старался изо всех сил доставить нам удовольствие. Джонатану же он представлялся жестокой, ветреной кокеткой в одеждах из разноцветных листьев. Кстати, именно листья чуть было не довели его до апоплексического удара. Джонатана не удовлетворяло огромное количество лежавших на земле и висевших на деревьях (в ожидании своей очереди упасть) сухих листьев — ему требовались кадры листопада. Но лес опять проявил свою капризную женскую натуру. Он предоставил в распоряжение Джонатана кучи опавшей листвы и по-прежнему висящие на верхушках деревьев шелестящие зеленовато-золотистые, красновато-коричневые, каштанового цвета листья, не желавшие падать — во всяком случае, перед объективом кинокамеры. Как только камеру упаковывали, словно в насмешку начинался яростный листопад, но стоило опять ее расчехлить, как листья прекращали падение, словно приклеиваясь к ветвям. Мы уже начинали понемногу опасаться за рассудок Джонатана, и наконец настал день, когда мы были готовы признать его сумасшедшим.

— Я нашел, — рявкнул он Пауле, — нашел!

— Что нашел, дорогой? — спросила Паула, подметив нездоровый блеск в его глазах.

— Полиэтиленовые мешки, — ликующе провозгласил Джонатан. — Ты должна отправиться в город и купить мне несколько больших, огромных, гигантских полиэтиленовых мешков.

— Конечно, дорогой, — мягко сказала Паула, — все, что ты хочешь, но зачем?

— Листья, — ответил Джонатан.

Мы все посмотрели на него. Поскольку пена на губах у него еще не показалась, мы решили все обратить в шутку.

— Какое отношение имеют листья к полиэтиленовым мешкам? — спросил я, ничуть не надеясь на разумный ответ, в чем, увы, не ошибся.

— Мы соберем листья в мешки и принесем их в гостиницу, — сказал Джонатан.

— А что мы будем там с ними делать? — спросила заинтригованная Ли.

— Высушим.

— Высушим?

— Ну конечно же, а потом достанем лестницу, заберемся на дерево и будем сыпать их вниз, — изрек Джонатан. — И я, наконец, сумею снять листопад.

Естественно, этот наполеоновский план неизбежно вызвал новый конфликт с многострадальным капитаном Проузом. Паулу командировали в ближайшую деревню, откуда она вернулась с четырьмя огромными траурно-черными полиэтиленовыми мешками. Подгоняемые вошедшим в раж Джонатаном, мы набили мешки сырыми листьями и возвратились в гостиницу “Брэмбл Хилл” с таким количеством потенциального перегноя, которого вполне хватило бы на нужды крупнейших ботанических садов мира. Мы сложили наши сокровища в вестибюле, и Джонатан отправился на поиски капитана Проуза. Когда они вернулись, он представил капитану четыре огромных мешка, которые благодаря своему содержимому напоминали прилетевших из космической бездны гнусных слизнеобразных тварей.

— Я хочу, чтобы вы мне помогли вот с этим, — просто сказал Джонатан.

Капитан с опаской осмотрел мешки.

— С этим? — после некоторого замешательства спросил он. — Вам нужна моя помощь?

— Да, — подтвердил Джонатан.

— А что это? — осведомился капитан.

— Листья, — ответил Джонатан.

— Листья? Что за листья? — растерялся капитан. Такого с ним еще не случалось.

— Осенние листья, — победно сообщил Джонатан. — Мы набрали их в лесу.

Капитан Проуз молчал. Ничто из его предыдущего опыта не подсказывало ему, как вести себя с постояльцем, неожиданно предложившим вниманию четыре доверху набитых осенними листьями полиэтиленовых мешка да еще требующим его помощи.

— Понятно, — промолвил он, облизнув губы. — И что же вы намереваетесь с ними делать?

— Сушить! — ответил Джонатан, пораженный тем, что капитан не может сам догадаться.

— Сушить? — удивился капитан. — Их?

— Ну да, они же мокрые, — объяснил Джонатан.

— Зачем же вам нужно их сушить? — помимо собственной воли заинтересовался капитан.

— Да ведь они не будут падать, пока мокрые, — ответил Джонатан, теряя терпение от бестолковости капитана.

— Но они уже упали, — уточнил капитан.

— Знаю, — окончательно вышел из себя Джонатан. — Поэтому-то они и намокли. А теперь их надо сушить.

К счастью, именно в этот момент вернулась Паула, которая отсутствовала из-за своих постоянных телефонных переговоров. Она мгновенно оценила ситуацию.

— Капитан Проуз, сейчас я все объясню. Уверена, что тогда вы сможете нам помочь, если это вообще возможно, — проговорила она, очаровательно улыбаясь и призвав на помощь все свое обаяние.

— О, я был бы чрезвычайно признателен...

Просто и доходчиво Паула поведала всю драматическую историю с листопадом. Когда мы только приехали в гостиницу, капитан Проуз был настолько любезен, что помимо наших номеров предоставил нам еще одну комнату, где мы могли обсуждать сценарий и размещать съемочную аппаратуру. Это была странная комната на втором этаже, больше всего напоминая оранжерею в викторианском стиле. И вот теперь Паула спросила разрешения заодно высушить в ней добрую половину леса. Капитан все же обладал чувством юмора и твердой хваткой хозяина, иначе он выставил бы нас из отеля в тот же момент. Он, напротив, отдал нам кипу старых номеров “Таймс”, чтобы мы могли разложить на них наши драгоценные листья, а также солидную электрическую печь образца примерно 1935 года. Вскоре печь, словно могучая домна, уже выбрасывала мощные потоки тепла. Листья, разложенные на старых номерах “Тайме”, заняли полкомнаты, и Джонатан, тихонько напевая, любовно перебирал их руками. Мы все собрались в дружеском кругу выпить по стаканчику виски и понаблюдать за ним.

— Это похоже на сценку из спектакля в сельском клубе, — промолвил Крис. — Не находите? Например, “Дети в лесу”.

— Вот уж нет, — принялся рассуждать я. — Харрис слишком стар для дитяти. Это скорее “Буря”. Там есть спятивший старина Калибан, мечущийся в своем обиталище.

— Смейтесь, смейтесь, — холодно прервал наши разглагольствования Джонатан. — Посмотрим, что вы скажете, когда настоящие осенние листья дождем посыплются с деревьев.

Два дня спустя, когда листья высохли, мы благоговейно отнесли их назад в лес. Вместе с ними была торжественно доставлена лестница, которую под руководством Джонатана приставили к стволу могучего дуба.

Брайану, не занятому звукозаписью в этом эпизоде, было поручено подняться с мешком листьев по лестнице, забраться на ветви подальше от ствола и начать сыпать листья, имитируя матушку-природу, что он послушно исполнил.

— Разбрасывай их как можно более естественно, — то и дело взывал Джонатан.

— Как я могу разбрасывать их “естественно” из полиэтиленового мешка? — обиженно отзывался Брайан со своего ненадежного насеста.

— Рассыпай их, — поучал Джонатан, — а не швыряй кучами.

— Ох, и намучаетесь вы с этим делом, братцы, — заметил Саймон.

— Подумаешь, — сказал я. — Однажды Эрик фон Штрохейм во время съемок одного из своих фильмов (а дело было зимой, и деревья стояли голые) велел прикрепить к ветвям 35 тысяч цветков миндаля.

— Вот это да! Должно быть, влетело ему в копеечку? — спросил Саймон.

— Еще бы, — ответил я, — да еще какую. Кстати, благодаря этой лиственной эпопее, они с Харрисом и породнились.

— Серьезно? — заинтересовался Саймон.

— Вполне, ведь его настоящее имя — Харрис фон Штрохейм, но он его скрывает.

— Так вот почему Джонатан так заикнулся на листьях? — спросил Саймон.

— Ну да, да только куда уж нам с нашим бюджетом до цветков миндаля, — ответил я.

Как я уже говорил, Джонатан пребывал в твердом убеждении, что лес не желает с ним сотрудничать: он умышленно растил грибы в тенистых местах, где не хватало света для съежек, он отказывался сбрасывать листья, в нем постоянно шел дождь, он покрывался туманом, в общем, был большим упрямцем. И наконец последним испытанием стал эпизод с галлами.

Вряд ли нужно говорить, что каждое дерево в лесу является центром экосистемы. Дерево, регулируя режим тепла и влаги, а тем самым формируя особый микроклимат, создает среду обитания для целого сонма существ, живущих на нем, в нем или по соседству с ним или же посещающих его по деловым соображениям, например для гнездования. Подсчитано, что один дуб в состоянии обеспечить условия жизни более чем тремстам различным видам (и бог знает, скольким особям каждого вида), начиная с птиц и заканчивая мотыльками, гусеницами и пауками. К числу созданий, живущих в этой обособленной экосистеме, принадлежат многие виды галлов. Галлы — одни из наиболее причудливых украшений, которые можно встретить в лесу, и мое описание галлов в книге “Натуралист-любитель” сильно поразило воображение Джонатана. Помнится, я писал:

“Галлы служат обиталищем для развивающихся личинок. Из одних летом выходят взрослые насекомые; другие галлы бурют, и в них личинки перезимовывают. Но это еще не все, поскольку внутри каждого галла вы почти

наверняка обнаружите и другие существа, которые являются либо паразитами хозяина-галла, либо его непрошеными гостями. Обычный дубовый галл, который очень легко найти в лесу, помимо своего законного хозяина, орехотворки, дает пристанище еще 75 различным видам насекомых”.

Вот из-за этой-то фразы: “Обычный дубовый галл, который очень легко найти в лесу” все и началось. Джонатан намеревался найти несколько дубовых галлов и заснять меня и Ли за их сбором, а затем передать их Лондонской студии научных фильмов (осуществлявшей все съемки крупного плана для нашего фильма) для того, чтобы с помощью микросъемки они смогли бы показать появление на свет всех 75 видов насекомых. Вообще-то в любом приличном лесу из-за галлов не видно деревьев, но здесь все было совсем наоборот. Ранним утром мы отправились за галлами, причем Джонатан прихватил с собой пару громадных черных полиэтиленовых мешков, только что освободившихся от листьев.

— Ты думаешь, двух мешков нам хватит? — спросил я.

— Ты же сам сказал, что они обычные и их легко найти, — ответил он. — Мне их нужно очень много.

— Отлично, в один мешок, даже при самом скромном подсчете, войдет тысячи две, а в двух разместятся четыре — четыре с половиной тысячи.

— Плевать, — упрямылся Джонатан. — Я не хочу искушать судьбу, мне нужен солидный запас.

Итак, мы устремились в лес, подобно стаду свиней — охотников за трюфелями.

Начать решили с дубовой поросли на опушке леса. Эти малыши пользовались особой любовью орехотворок, и их малый рост, как нам представлялось должен был облегчить

наши поиски. Тщательно обследовав несколько сотен деревьев, мы обнаружили полное отсутствие не только дубовых, но и любых других галлов. Джонатан начал нервничать, как бывало с ним всякий раз, когда природа отказывалась ему повиноваться.

— Эй, мальчики, — вопль Паулы, находившейся в четверти мили от нас, ударил по нашим барабанным перепонкам, — скажите, как хоть они выглядят.

— Как крошечные сморщенные гнилые яблоки, — прокричал я в ответ.

Мы продолжали поиски. Оставив в покое маленькие деревца с глянцевыми листьями, на которых не было и следов галлов, мы вошли в лес, где росли деревья повыше. Мы начали поиски в восемь. Уже к одиннадцати я начал приходить к убеждению, что лес заколдован и виновен в этом не кто иной, как Джонатан. Со мной такого еще не случалось. Я никогда не видел ни одной дубравы, в которой не было бы галлов. Это было похоже на то, как если бы из Сахары исчез сразу весь песок. И вдруг в половине двенадцатого раздались восторженные возгласы Ли.

— Я нашла его, я нашла! — кричала она.

Мы бросились к ней.

— Где, где он? — прорычал Джонатан. Ли показала. Она держала ветку дуба, на которой сидел галл. Это был несомненно он, но такой маленький, сморщенный и жалкий, что более походил на засохшую какашку лилипутского слоника.

— И это дубовый галл? — с подозрением спросил Джонатан.

— Да, — ответил я, — но, должен признаться, мне попадались более жизнеспособные экземпляры.

— К сожалению, он единственный, имеющийся пока в нашем распоряжении, — заметил Джонатан, осторожно снимая галл с дерева. — Придется взять его с собой.

Как выяснилось впоследствии, это был вообще единственный найденный нами экземпляр. Его препроводили в Лондон с таким почтением, как если бы то были королевские драгоценности (точнее, Главное Сокровище Короны), и люди сидели возле него неделями с камерами наготове, наподобие ученых, ожидающих появления пришельца из летающей тарелки. Все было напрасно. Когда стало совершенно очевидно, что из галла ничего не вылупится, Джонатан вскрыл его перочинным ножом. Внутри находилась одна-единственная, очень маленькая, давно почившая личинка орехотворки. Снимать природу непросто, особенно второпях.

Следующими, кто озадачил нас, были барсуки, эти замечательные создания с древнейшей родословной, чьи предки вперевалочку бродили по лесам Англии еще в те времена, когда сами люди одевались в шкуры. Это важное, очаровательное, красивое существо, на редкость смышленное и обаятельное, приносит огромную пользу, будучи одним из самых активных хищников сельской местности и наводя ужас на все живое от мокрицы до зайчонка, от фазаненка до лягушки, не брезгуя также червями, улитками, жуками, змеями и ежами. Слово “всеядный” означает “поедающий все”, и барсук превосходно оправдывает это название. Он умудряется видеть еду буквально во всем. Но несмотря на такой беспорядочно плотоядный подход к жизни, большая часть его рациона состоит из корешков, грибов, ягод и семян. В целом этот красивый и полезный зверек является неотъемлемой частью сельской местности, а если он иногда и устроит маленький беспорядок на кукурузном поле или

плантации хмеля или же разорит курятник, мы, учитывая приносимую им пользу, не должны придавать слишком большого значения этим отступлениям от хороших манер.

Жилище барсука, или барсучья нора, — это сложный комплекс бесконечных подземных ходов и залов. А так как нора (равно как и английский загородный дом) передается из поколения в поколение и каждое поколение стремится расширить и улучшить ее, то сеть подземных жилищ постоянно растет. Нора состоит из спален, альковов, детских и даже специально выкопанных туалетов. Барсуки влюбляются однажды и на всю жизнь и, будучи исключительно цивилизованными зверями, дружат семьями со всеми окрестными сородичами.

И вот совсем недавно барсук, который целое тысячелетие брел в зеленом сумраке английского леса, подвергся внезапному нападению со стороны двух отдельных групп так называемых цивилизованных людей. Группа ветеринаров, привлеченных для работы министерством сельского хозяйства, объявила барсуков переносчиками бычьего туберкулеза (каковыми они, возможно, и являются). Решение проблемы было простым: “истребить”. И началась кампания окуривания барсучьих нор при крайне несимпатичных обстоятельствах. Мне кажется, что у ветеринаров, работающих в этом министерстве, всегда наготове только один ответ на поставленную проблему: “уничтожить” вместо “решить”. К счастью, общественность восстала против такого подхода, и варварское разрушение родовых жилищ и уничтожение животных было приостановлено. Вы, должно быть, подумали, что официальной кампании окуривания (достойной по жестокости временам Тевтонского ордена) с лихвой хватило для бедняги барсука, но ничуть не бывало. Потерпев

поражение с одной стороны, бюрократическая машина стала угрожать животным с другой. Ведущим видом спорта среди тех представителей человеческой расы, чье развитие все еще находится где-то на уровне неандертальца, стала травля барсука терьерами. Барсуки, приносящие, вероятно, большую пользу, чем все эти варварские омерзительные человеческие личности, выгонялись из нор и преследовались собаками. В подобной травле как нельзя лучше отражены две стороны нашего радужного общества: бюрократия, безжалостно уничтожающая все на своем пути, и озверевшая толпа, готовая (словно Римский плебс) не только лицезреть публичную казнь, но и принять в ней непосредственное участие.

В нашем распоряжении уже имелись превосходные кадры подземной барсучьей жизни, отснятые Эриком Эшби, позволившим барсукам вырыть норы под его домом. С помощью своеобразного перископа он может наблюдать и снимать своих барсуков под землей. Для завершения эпизода Джонатан хотел сделать несколько кадров со мной и Ли у входа в барсучью нору, встречающих выскакивающего нам навстречу животного.

— Вы укроетесь в засаде у барсучьей норы на другой стороне долины, — пояснял Джонатан, — а затем, когда стемнеет, барсуки выйдут наружу.

— А ты что, их об этом попросил? — съязвил я.

— Да, они обязательно выйдут, — без тени сомнения ответил Джонатан. — Они выйдут на сандвич.

— Сандвич? Какой сандвич? — удивилась Ли.

— Сандвич с арахисовым маслом, — сказал Джонатан.

— Объясни, что ты имеешь в виду, — попросила Ли.

— Барсуки, — авторитетно заявил Джонатан, — так вот, барсуки находят сандвичи с арахисовым маслом

совершенно неотразимыми. Они пройдут много миль, чтобы получить хоть один. Протащи через лес sandwich с арахисовым маслом, и барсуки со всей округи последуют за тобой.

— Где это тебе удалось раздобыть такую ценную информацию? — поинтересовался я.

— Я вычитал это в одной книге о барсуках, — поделился Джонатан. — Там говорится, что это самый верный способ.

— По мне, это звучит довольно странно, — сказал я. — Мне никогда не приходилось слышать о приманивании барсуков арахисовым маслом.

— Бурундучки любят арахисовое масло, — неожиданно вспомнила Ли. — Мне приходилось кормить их так в Мемфисском зоопарке, поэтому вполне вероятно, что барсукам оно тоже понравится.

— Они находят его неотразимым, — повторил Джонатан, — и все на свете отдадут за sandwich с арахисовым маслом.

Вооружившись достаточным запасом sandwich с арахисовым маслом, мы отправились в лес, где было много барсучьих нор. К несчастью, местность была густо населена и повсюду виднелись следы недавнего пребывания человека.

— Боюсь показаться пессимистом, — сказал я Джонатану, — но что будет, если барсуки все же не выйдут на приманку?

— Я и это предусмотрел, — сказал он, взглянув на часы. — С минуты на минуту прибудет барсучье подкрепление.

— Какое подкрепление? — переспросила Ли.

— Один малый по имени Дэвид Чэфф, — ответил Джонатан. — У него живут два ручных барсука. Вот он и

прибудет с ними с минуты на минуту и если дикие барсуки все-таки не покажутся, у нас по крайней мере будут ручные.

Итак, камеры были наготове, и мы с Ли заняли свой наблюдательный пост. Как и следовало ожидать, барсуки так и не появились. И это нисколько не удивительно, так как, несмотря на все предосторожности, проявляемые съемочной группой фильма, мы не могли быть абсолютно бесшумны, а у барсуков очень тонкий слух.

Как раз в это время прибыл огромный бородач Дэвид Чейф с парой симпатичных молодых барсуков. Нетерпеливых и фыркающих от возбуждения животных достали из клеток и выпустили у барсучьей норы.

— А теперь, — скомандовал Джонатан, — все, что от тебя требуется, — это чтобы ты сказал прямо в камеру: “Существует единственно верный способ выманить барсука из норы. Он так же, как и мы, люди, обожает сэндвичи с арахисовым маслом. Используя их как приманку, вы можете заставить выйти из норы любого, даже наиболее упрямого”. Далее ты бросаешь сэндвич у самого входа в нору, и барсуки с восторгом набрасываются на него.

Послушно проговорив свои слова в камеру, я бросил сэндвич перед входом в нору. Как по команде, оба барсука приблизились к нему, понюхали, а затем поспешно бросились прочь, яростно чихая и всем своим видом выражая явное неудовольствие. Не вызвало сомнений, что этой паре барсуков сэндвич с арахисовым маслом пришелся совсем не по вкусу. И конечно же, этот случай еще раз укрепил Джонатана в его уверенности, что матушка-природа абсолютно не желает с ним сотрудничать.

ФИЛЬМ СЕДЬМОЙ

Исколесив весь свет в поисках различных животных, я часто поражался, какое разнообразие живых существ можно найти в английской сельской местности.

Уже более тысячелетия поля и пастбища в Англии традиционно огораживают густой живой изгородью. Впервые вторгшись в Британию, саксы начали валить лес, или Уайлд Вуд¹², как они его называли, с тем чтобы расчистить землю под луга и пашни. Тогда и возникла идея живой изгороди, которая должна была служить границей пахотных угодий и своеобразным “пастухом” скота. Вскоре саксы нашли идеальное для этой цели растение — боярышник. Хорошо размножающийся с помощью отводков и черенков, боярышник быстро разрастался в густую, непроницаемую, колючую изгородь, прекрасно защищавшую от ветров, непроходимую для скота. Возвращенная на месте сведенного

---

¹² Уайлд Вуд — дикий лес (англ.).

строевого леса, она взяла на себя заботу о жившем там зверье. Подсчитано, что протяженность живой изгороди, превратившей сельский пейзаж Англии в некое подобие шахматной доски, составляет около полумиллиона миль. Это гениальное изобретение средневековья служило не только убежищем для диких животных, помогало следить за пасущимся скотом и спасать урожай; оно было настоящей аптекой, полной целебных трав, способных вылечить человека от любой болезни, начиная от головной боли и кончая грыжей; а некоторые растения обладали свойствами совершенно иного рода и могли отводить колдовские чары, что по тем временам играло немаловажную роль. Прелестная белая, словно снег, звездчатка лечила от прострела в пояснице; прохладные мясистые листья конского шавеля помогали при укусах насекомых и крапивных ожогах; для быстрого заживления рекомендовали прикладывать к ранам Черноголовку обыкновенную; при лихорадках и воспалении слизистой оболочки идеальным средством считалась лапчатка гусиная. В средние века люди с большим почтением относились к живым изгородям, веря, что их населяют эльфы, феи и прочие духи. С живой изгородью было связано множество примет — дурных и добрых. Считалось, что если сорвать сердечник луговой, тебя непременно укусит гадюка, а если невинную голубую веронику — случится гроза или, того хуже, птица выклюет тебе глаз. Среди добрых примет можно назвать такие: стоит протереть коровье вымя лютиками, и удои молока резко возрастут, а если повесить в коровнике пучок крапивы, то сколько бы ни старались потом ведьмы, молоко все равно не прокиснет.

В те времена живая изгородь была жизненной необходимостью, и поэтому относились к ней очень бережно; в результате выигрывали и человек, и природа. Современные

же фермеры считают живую изгородь досадным анахронизмом и спешат от нее избавиться, безжалостно выкорчевывая древнюю реликвию, чтобы дать место все новым и новым участкам земли, которые будут отданы во власть разрушительной деятельности дождя и ветра.

Нам хотелось заснять один из нетронутых уголков прежней живой изгороди, отразив ее эстетическую и экономическую ценность. Пройдет еще немного времени, и живая изгородь, эта прекрасная и такая важная страница британской истории, канет в Лету. Поэтому мы торопились увидеть и запечатлеть ее такой, какой она была на протяжении тысячелетия. В нашем путешествии было решено воспользоваться тремя старинными видами транспорта. Джонатан отыскал в Суссексе великолепный участок живой изгороди, идущей вдоль проложенной в траве настоящей проселочной дороги, к слову сказать, не испорченной гравием и асфальтом, разукрашенной по обочинам полевыми цветами, под сенью высокого, в белом, словно снег, цвету боярышника. Такой же точно дорогой ходил когда-то Шекспир, брели на богомолье в Кентерберийское аббатство пилигримы. Доставить нас в этот зачарованный уголок Англии, к моему неопишуемому восторгу, должен был самый настоящий паровоз.

Горячие поклонники этого вида транспорта, облизав всю Великобританию, нашли несколько старинных паровозов и, любовно их отреставрировав, добились разрешения пользоваться ими на специально отведенных для этого участках пути. Бригада, обслуживающая поезд, включая машиниста, проводника, кондуктора и другой персонал, — не профессионалы, а любители. В обычной жизни это учителя, профессора, владельцы магазинов, химики или просто пенсионеры, работающие совершенно безвозмездно с той

лишь целью, чтобы молодое поколение могло наяву ощутить всю прелесть поездки на паровозе, вдохнуть едкий, дурманящий запах угля, копоти и пара, вздрогнуть от пронзительного, словно крик совы, паровозного гудка, почувствовать что-то невероятно ностальгическое, когда паровоз, грохоча, скрежеща и шипя, трогается с места, а потом отдаться во власть ритмичного, как удары сердца, перестука колес. Поэтому мы с радостью предвкушали поездку по железной дороге с поэтическим названием “Колокольчик”.

Ли, дожив до тридцати трех лет, ни разу в жизни не ездила на паровозе. Меня, страстного любителя паровозной езды, это открытие потрясло до глубины души. Когда мы прибыли на станцию, паровоз уже ждал нас, чистенький, сияющий, с вьющимся над составом щегольским шлейфом пара; позади паровоза размещались нарядные вагончики первого, второго и третьего классов (причем разница между ними была хорошо заметна). Тяжелые двери мягко захлопнулись; при желании можно было опустить державшееся с помощью толстых кожаных ремней окно. Правда, при этом в глаз вам могла попасть искра от паровоза или вы могли испачкать в саже нос, — зато такого рода ощущения были непременно атрибутом настоящего путешествия на настоящем паровозе. Махнув рукой на бюджет, Джонатан королевским жестом зарезервировал для нас места в первом классе с широкими диванами, богато украшенными вдавленными крупными пуговицами, похожими на грибные шляпки. На стенах были развешаны яркие картинки с изображением морских курортов года эдак 1920-го; море на них было такой невероятной синевы, что приходилось только удивляться, как после этого люди вообще отдыхали на Средиземноморье. Багажные полки были

так широки и прочны, что преспокойно выдержали бы бессчетное количество глэдстоновских чемоданов, шляпных коробок, корзин с провизией и прочего скарба. Мы с Ли заняли места у окна, а Крис с Брайаном, магнитофоном и камерой расположились в дальнем конце купе; в начале серии предполагалось дать мой голос за кадром на фоне мелькающего за окнами сельского пейзажа. По техническим причинам сцену снимали несколько раз, из-за чего нам пришлось кататься по одному и тому же маршруту взад-вперед. Правда, на сей раз я не возражал против пересъемки, так как езда на паровозе доставляла мне большое удовольствие.

Но вот, наконец, начальная сцена была снята, и мы неохотно покинули поезд, остановившийся у маленькой деревянной платформы с надписью крупными белыми буквами: “Остановка “Чистое поле”. По требованию”. Выбравшись на шаткий настил, мы извлекли из купе проводника следующий вид транспорта, на котором нам предстояло прокатиться, — большой, сверкающий металлом велосипедный тандем.

Это была еще одна гениальная затея нашего режиссера. Я, правда, пытался слабо протестовать, говоря, что не сидел на велосипеде лет тридцать пять, но Джонатан, как всегда, был непоколебим, уверяя (в который раз!), что это проще простого. Велосипед прибыл к нам в отель накануне вечером, и наутро мы с Ли решили его опробовать, выбрав для этого дворик перед входом в отель. Вначале наш экипаж двигался довольно неровно, так как Ли заявила, что лучше меня знает, как на нем ездить. К тому же велосипед был очень легким и приходилось все время быть начеку, особенно на поворотах, когда переднее колесо неожиданно складывалось, наподобие птичьего крыла, и вы оказывались в придорожной

канаве. Но вскоре мы овладели техникой велосипедной езды и начали носиться по дворику, со свистом рассекая воздух. На наше несчастье, из отеля неожиданно выпорхнули три пожилые дамы, сопровождаемые джентльменом, своим внешним видом напоминавшим бригадного генерала старой закалки, и пересекли путь прямо перед носом нашей машины. Я с силой нажал на тормоз, tandem занесло, переднее колесо сложилось, и мы с Ли очутились на земле, изобразив кучу малу, а сверху нас придавил велосипед. Старушки взвизгнули, бригадный генерал пробормотал что-то вроде “черт побери”, а Ли и я, покатавшись по земле, с трудом выбрались из-под велосипеда и поднялись на ноги. Бригадный генерал вставил в глаз монокль и оглядел нас с головы до ног. Мы были одеты по-походному, а если к тому же учесть, что за день до описываемых событий наши костюмы попали под дождь, то вид у нас был, прямо скажем, не парадный.

— Бродяги, — после недолгого молчания заключил бригадный генерал, вложив в это слово все презрение, которое испытывает средний англичанин к представителям пролетариата. Затем, растопырив руки, как бы пытаясь оградить божьих одуванчиков от могущей пристать к ним заразы, он пропустил их вперед, и вся четверка удалилась. Начало было довольно обескураживающим.

Тем не менее когда мы вышли на перрон в “Чистом поле” и “Блэк Найт”¹³, окутанный клубами пара, подарив пронзительный прощальный свисток, удалился, звуки и запахи солнечного майского дня нахлынули на нас со всех сторон. С голубого неба лилось пение жаворонков. Громко, без передышки, куковали в полях кукушки; воздух был напоен ароматом сотен весенних цветов. По деревянному

---

¹³ “Блэк Найт” — “Черный Рыцарь” (название паровоза) (англ.).

настилу мы скатили “Дейзи”¹⁴ (так окрестили наш тандем) на гаревую дорожку, а потом по узкому скользкому проходу спустились к неширокой тропе; ее высокие откосы были покрыты россыпями желтых, точно шафран, калужниц, а на самом верху стояла живая изгородь из боярышника с соцветиями, похожими на кучевые облака. Оседлав “Дейзи”, под лучами жаркого солнца, в сопровождении птичьего гомона мы отправились на поиски старой доброй Англии.

Место, выбранное Джонатаном (учитывая время года), оказалось выше всяческих похвал. Высокие откосы и сама живая изгородь напоминали красочное цветочное панно: канареечно-желтые лютики, красные первоцветы, белые цветы звездчатки, голубоватая дымка колокольчиков, сиреневые фиалки и плоские, похожие на бледный туман соцветия бутня одуряющего. Между изгородями раскинулись огромные и пышные луга, пестреющие кляксами цветов, с островками одиночных живописных дубов и берез; их только-только распутившаяся листва отбрасывала на землю узорчатую тень. Коттеджи и небольшие виллы прятались между деревьями так, что их совсем не было видно, и создавалось полное впечатление, что местность необитаема. В конце концов мы добрались до проселочной дороги, охраняемой с одной стороны живой изгородью — густой, почти непроходимой стеной боярышника с вплетенным в нее странного вида дубом, чьи корни были скрыты под плотной сетью плюща. Здесь нас поджидал Дэйв Стритер, назначенный нашим проводником по зеленой изгороди. Дэйв оказался для нас настоящей находкой. Стройный, темноволосый, с быстрым взглядом карих глаз и носом с горбинкой, похожим на клюв, он чем-то неуловимо

---

¹⁴ Дейзи — маргаритка (англ.).

напоминал птицу. Дэйв гордился живой изгородью так, словно она была посажена его руками, и не было ни одного местного растения, птицы или насекомого, которых бы он не знал. Он помогал нам проникать в тайны древней живой стены.

История большинства живых изгородей насчитывает несколько веков, но натуралистам удалось довольно точно определять их возраст. Технология достаточно проста. Отмерив тридцать шагов от определенного места, вы возвращаетесь назад и подсчитываете число видов деревьев, растущих на данном участке. Каждый вид дерева соответствует одному столетию. На первый взгляд такое утверждение может показаться маловероятным, но ученые подкрепили его целым рядом убедительных доказательств. При закладке изгороди фермеры обычно использовали одно, реже два вида растений. С течением времени в посадки проникали и другие виды деревьев, занесенные в виде семян с птичьим пометом или грызунами, которые закапывали орехи и семена про запас, а потом о них забывали. Проверив предположения на лесополосах, возраст которых был хорошо известен, ученые установили, что новый вид древесного растения появляется раз в столетие.

Отмерив положенное число шагов, мы с Ли занялись подсчетом росших на нашем участке видов деревьев. Обнаружив более десяти образцов различной древесной растительности, пришли к выводу, что наша живая изгородь существовала уже тогда, когда Лондонского Тауэра и Вестминстерского аббатства и в помине не было! Приходится только удивляться тому, с каким благоговением чтят память этих каменных реликвий, совершенно не заботясь о другой, не один век приносящей неисчислимую пользу не только человеку, но и всему живому, а ныне методически

уничтожаемой прямо на глазах. Слабые голоса энтузиастов-биологов в защиту природной реликвии, которая безжалостно выкорчевывается бульдозерами, тонут в море полного равнодушия. Если бы можно было хоть на минуту представить, что кому-то пришло в голову разобрать Вестминстерское аббатство, чтобы построить на его месте административное здание, или взорвать Тауэр, чтобы возвести еще один Хилтон, — да этого наглеца стерли бы в порошок, хотя оба знаменитых здания, вместе взятые, за все время своего существования принесли человечеству неизмеримо меньше пользы, чем скромные живые изгороди.

Живая изгородь (помимо разнообразных травянистых растений, скрывающихся под сенью ее колючего полога) дает пристанище многим видам пресмыкающихся, птиц и млекопитающих, часть из которых нам удалось заснять. Одной из самых симпатичных, на мой взгляд, является мышь-малютка — самое крошечное млекопитающее Британских островов, которой принадлежит честь быть открытой и описанной не кем иным, как одним из известнейших натуралистов-любителей, — самим Гилбертом Уайтом. В его несравненной “Естественной истории Селбурна” первое научное описание мыши-малютки звучит так:

“Мне удалось раздобыть нескольких мышей, о которых я упоминал в предыдущих письмах. Это молодой самец и беременная самка, которых я заспиртовал. По окраске, форме тела и размерам, а также способу устройства гнезда это, несомненно, доселе не известный науке вид. Они гораздо мельче и тоньше, чем *Mus domesticus medius*, описанная Реем; по расцветке ближе к белке или соне; живот белый; сбоку по шерстке проходит четкая линия, отделяющая по цвету живот от спины. Эти

мыши никогда не живут в доме, их заносят в амбары и сараи в снопах. Место их обитания — поле, гнезда они строят над землей, на стеблях злаковых, иногда в чертополохе. В помете бывает до восьми мышат в крошечном круглом гнезде, свитом из стебельков и листьев трав и пшеницы.

Одно из таких гнезд я раздобыл этой осенью: очень искусно сработанное, состоящее из листьев пшеницы, совершенно круглое, размером в крикетный шар. Отверстие было так ловко закрыто, что было невозможно его обнаружить. Само гнездо было плотным и столь туго набитым, что его спокойно можно было катать по столу, и оно несколько не развалилось бы, несмотря на то, что в нем находилось восемь голых и слепых мышат. Я задавал себе вопрос, как в условиях такой тесноты мать могла навещать и кормить своих крошек, учитывая, что им надо было ее сосать? Может быть, она проделывала в разных местах небольшие отверстия и просовывала туда сосок, а после кормления заделывала отверстие? Ясно одно: она ни за что не могла бы поместиться в гнезде сама, к тому же мышата с каждым днем становились все больше. Эту замечательную колыбельку, изящнейший образчик дани инстинкту, я нашел на пшеничном поле подвешенной к головке чертополоха”.

Мышь-малютка приспособилась к такому полувоздушному образу жизни не хуже многих приматов Нового Света. У нее очень цепкие лапки, которыми она крепко обхватывает стебли растений, и удивительно сильный хвост, на котором она висит, обмотав его вокруг стебля, когда строит гнездо. Круглые, размером с теннисный мяч, гнезда сплетены из неоторванных от стеблей травинки, иногда, для

большей прочности, сцементированных между собой размочаленными листьями. Такие “ясли”, в которых мать выращивает свое потомство, для удобства малышей выложены изнутри мелко пережеванными листьями и имеют два входа. При рождении мышата весят около грамма; по определению Гилберта Уайта, пара мышат потянет на медную монетку в полпенни. Для каждого нового помета строится новое гнездо; в урожайный год мышья-малютка может принести шесть пометов в год по пять-шесть мышат в каждом. По меркам человечества это грозило бы катастрофой. Но природа очень мудра. В те годы, когда рождается много мышей, резко увеличивается приплод у хищников, которые ими питаются, — лисиц, ласок, горностаев, сов и других. В неурожайный на мышей год для хищников наступают тяжелые времена. Таким образом, их численность полностью регулируется количеством корма, то есть мышей. К сожалению, у человека в наши дни остался только один враг — он сам. Но численность населения остается столь высокой, что даже самые кровожадные вылазки против себе подобных не могут столь же удачно решить проблему перенаселения, как это делает природа.

Еще одними обитателями живой изгороди являются ежи. Это мои давние, со времен детства, проведенного на Корфу, любимцы. Однажды крестьянин принес мне четырех новорожденных ежат, которых он нашел в гнезде на краю своего поля. Они были светло-кремовыми с мягкими, словно резиновыми, иголками. Когда ежики подросли, они превратились в коричневых, а иголки стали твердыми и острыми. Это удивительно умные создания — мне даже удалось приучить их просить еду, стоя на задних лапках. Часто я брал их с собой в дальние прогулки по окрестностям, и они послушно семенили за мной, выстроившись в цепочку.

Ежи были необычайно проворны. Как только я поднимал камень или бревно в поисках насекомых для моей коллекции, они были тут как тут. Стоило мне зазеваться — драгоценный экспонат выхватывался у меня из-под носа и тут же съедался. Как-то раз мы забрели на заброшенный виноградник. Пока ежи возились вокруг лозы, я, разомлев от жары, отошел в тень стоявших ярдах в ста оливковых деревьев. Усевшись под оливой, я наблюдал за ежами, но они меня не видели; через какое-то время, обнаружив пропажу, они пришли в смятение. Они кружили на месте с жалобным писком, пока наконец один, уткнув нос в землю, словно собака, учуял мой след и затрусил рысцей; остальные бросились за ним. То, что ежи шли точно по моему следу, сомнений не вызывало. Вместо того чтобы избрать кратчайший путь, они отклонялись в стороны, в точности повторяя мой маршрут. Обнаружив меня, ежи возбужденно зашумели, а потом, пыхтя и попискивая, начали карабкаться ко мне на колени.

Помнится, когда наша семья жила в Хэмпшире, у нас в саду росла огромная яблоня. И вот однажды случился небывалый урожай яблок. Их было так много, что мама, заготовив впрок тонны джема и чатни¹⁵, была не в силах использовать оставшиеся плоды; они падали на землю и сгнивали, образуя ценное удобрение. В одну из ясных, лунных ночей меня разбудили стоны, визг и пыхтение; полагая, что это пара влюбленных котов, я высунулся из окна, чтобы высказать все, что я о них думаю, но, к своему удивлению, обнаружил двух ежей. Решив рассмотреть вблизи, чем они были так заняты, я всунул ноги в шлепанцы и выбежал в сад. Оказывается, они угостились полусгнившими яблоками, чей сок превратился в сидр. Оба ежа были здорово

---

¹⁵ Пряная, острая приправа.

пьяны: они кружили вокруг дерева, шатаясь из стороны в сторону, натываясь на яблоки, икая, злобно бросаясь друг на друга, словом, ведя себя самым недостойным образом. Для их же пользы я запер обоих на ночь в гараж. На следующее утро передо мной с виноватым видом предстали два самых несчастных в мире ежика, которых только можно было себе представить. Я выпустил их в лес, начинавшийся прямо за садом позади дома.

Еще одним созданием, которое нам посчастливилось заснять, была ласка — самый маленький и самый замечательный хищник Британских островов. Каких-нибудь двадцать восемь сантиметров в длину вместе с хвостом — это грациозное, красивое, поразительно резвое существо, в чем мы не замедлили вскоре убедиться. Для того чтобы снять крупным планом охотящуюся ласку, мы сделали декорацию, очень похожую на настоящую живую изгородь. За секунду на пленке проходит двадцать четыре кадра, другими словами, снимаются двадцать четыре фотографии. Так вот: наша ласка успевала проскакать всю декорацию за какие-то сотые доли секунды, проходящие между кадрами, — поистине фантастическая живость!

Когда я работал смотрителем в Уипснейдском зоопарке, то по выходным дням ездил на велосипеде в музей Тринг, где учился делать чучела. По пути я проезжал мимо разбитой кибитки, в которой жил старый цыган. Я часто заходил к нему в гости, потому что у него всегда было множество животных, и число их постоянно увеличивалось. Мой интерес к старику, которого все звали Джетро, особенно возрос после того, как, проезжая однажды мимо, я увидел играющих между колес кибитки пять ласок. Я сошел с велосипеда и наблюдал за тем, как эти гибкие, похожие на пушистых змеек существа демонстрировали разнообразные

приемы вольной борьбы. Вскоре из леса вышел старый Джетро с ружьем под мышкой, держа в руках двух убитых кроликов. Он мелодично посвистел, и ласки, бросив игру, примчались к нему; встав на задние лапки, они тоненько повизгивали. Старик бросил им кроликов; огрызаясь друг на друга, они утащили тушки под кибитку и устроили пиршество. Как мне хотелось стать обладателем этих изящных, прелестных существ, но старый Джетро ни за что не желал с ними расставаться; даже щедро предложенное мной недельное жалованье в три фунта десять шиллингов (или три с половиной фунта) не возымело должного эффекта.

— Нет, малыш, — говорил он, ласково оглядывая своих питомцев блестящими черными глазами, — я ни за что не расстанусь с ними. А уж натерпелся я от них — не приведи господь. Но все равно. Даже не уговаривай. Не отдам я их, ни за что на свете. Лучше возьму как-нибудь тебя с нами на охоту. Тогда увидишь, чего они стоят.

В одну из летних ночей, когда в небе сияла полная луна, белая и круглая, словно цветок магнолии, я подъехал к домику Джетро. Выпив pintу домашнего пива и отведав отличного жаркого, мы отправились на охоту. Ласки прыгали впереди, купаясь в ярком свете. По дороге старик посвящал меня в их охотничьи повадки. Найдя кроличью нору, одна или две ласки забираются внутрь, а остальные ждут у входа. Напуганный двумя непрошеными гостями, кролик стремительно выскакивает из норы и попадает в лапы стерегущих его хищниц. Они бросаются на беднягу, точно молнии, и тут же одна из них приканчивает его характерным ласочьим приемом — прокусывает нижнюю часть черепа, вонзая зубы прямо в мозг. Смерть наступает мгновенно. Бесшумно и синхронно, словно одно существо, извиваясь змееподобными телами и блестя глазами, двигались наши

ласки в лунном свете. Это было фантастическое зрелище. Я не знаю, охотятся ли описанным способом дикие ласки, но должен признать, что эта ручная пятерка выработала столь рациональные и эффективные охотничьи приемы, что уже через два часа в ягдташе старого Джетро лежали семь жирных кроликов. Часть добычи досталась самим охотницам и другим хищным питомцам цыгана — совам, ястребам, барсуку и горностаю, остальная пошла на обед хозяину или была продана в соседней деревне.

Старый Джетро относился к живой изгороди, росшей вокруг его кибитки, так же, как наши далекие предки: охотился на куропаток и кроликов, собирал травы и корни, делая из одних приправы к блюдам, а из других мази и снадобья, которыми он торговал на рынке в ближайшем городке. Я знал некоторых людей, которые предпочитали обращаться за помощью к нему, а не к врачам, когда у них что-нибудь болело. В то время у меня была знакомая, страдавшая от периодически высыпавшей на ее лбу и левой ладони аллергической сыпи, которая к тому же сильно чесалась. Невзирая на ее протесты и неверие в подобные методы лечения, я привел ее к старику цыгану, который дал ей мазь и велел ее втирать. Через три дня сыпь исчезла навсегда.

В одном из финальных эпизодов Джонатан хотел показать настоящий, как в древности, девственный луг, окруженный со всех сторон живой изгородью. Когда он привел нас на место, восторгам нашим не было границ. Это была огромная поляна, с трех сторон огороженная высокими зарослями боярышника. С четвертой стороны к ней подступал густой лес, подернутый светло-зеленой дымкой распускавшейся листвы. Луг раскинулся на склоне пологого холма; в центре его высилось несколько одиночных могучих

дубов, украшавших его, надо думать, не одно столетие. Деревья отбрасывали лужицы голубоватой тени. Но удивительнее всего был цвет луга. Высокая сочная трава была усеяна лютиками такого ослепительно желтого цвета, что казалось, кто-то разлил на лугу целый чан расплавленного золота. Для того чтобы снять пикник на поляне, нам пришлось ступать по золотому ковру, утопая по колено в лютиках; мы совершали ужасное кощунство, оставляя за собой смятые и раздавленные цветы и нарушая абсолютную золотисто-зеленую гармонию.

Заключительным аккордом этой программы, по мнению Джонатана, должен был явиться полет над живой изгородью на воздушном шаре. Хотя путешествие на этом романтичном, старинном виде воздушного транспорта всегда было моей тайной мечтой, я все же немного побаивался из-за своих головокружений. Но, рассудив, что подобная возможность предоставляется не так уж часто, я взял себя в руки и согласился. Приготовление к полету напоминало подготовку боевой операции. Было запланировано два путешествия: в первый раз с нами должен был отправиться Крис с камерой, чтобы сделать съемку крупным планом прямо из корзины воздушного шара; в это время другие камеры, установленные на машинах, должны были следовать за нами по шоссе и снимать нас с земли. На второй день Крису предстояло пересест в вертолет, пилотируемый самим капитаном Джоном Крудсоном (который осуществлял сложнейшие и рискованнейшие трюки в фильмах о Джеймсе Бонде), и снимать наш полет со стороны. Нашим воздушным шаром управлял опытный аэронавт Джефф Уэтли, который мог посадить свой летательный аппарат буквально на пяточке. Для создания сногшибательного эффекта Джонатан хотел было начать величественный полет из центра “золотой”

поляны, но, так как это нанесло бы непоправимый ущерб цветам и травам, мы уговорили его выбрать более плебейскую стартовую площадку, удовольствовавшись, на случай первого вознесения, хорошо вытоптанном пастбищем.

Рано утром мы прибыли на место, где нас ожидал воздушный шар. Он оказался чудовищных размеров — куда больше, чем я предполагал, и был выкрашен в веселую красно-желто-синюю полоску. На траве под шаром размещалась корзина, напоминавшая гигантскую бельевую, наполненная запасными канистрами с бутаном для подкачки шара во время полета. Нас представили Джеффу — светловолосому, с лучистыми голубыми глазами крепышу, в котором чувствовался мастер своего дела. Он сообщил нам о благоприятном прогнозе погоды и выразил надежду, что полет пройдет успешно. Проблему съемок крупным планом мы решили довольно просто, поместив Крису вместе с камерой к нам в корзину. Для съемки всей корзины целиком требовался широкоугольный объектив; в этом случае камеру следовало установить на некотором удалении от объекта съемки. Мы так и сделали: установили дистанционно управляемую камеру на длинном алюминиевом шесте, прикрепив его к корзине; там же находился пульт управления. Джонатану хотелось, чтобы все выглядело так, будто полетом воздушного шара руководим исключительно мы с Ли, для чего в корзину положили большое одеяло. Джонатан объяснил Джеффу, что, как только будет дан знак к началу съемки, тот должен будет тут же нырнуть на дно корзины и с головой накрыться одеялом. Джефф воспринял подобное надругательство над ним с большим юмором. Напутствуемые прощальными наставлениями Джонатана, мы забрались в корзину и приготовились к первому в нашей жизни путешествию на воздушном шаре. Якорные канаты были

перерублены, и корзина слегка сдвинулась с места. Тогда Джефф потянул за шнур, и огромный сноп синего пламени со страшным ревом устремился внутрь шара. Это напоминало выпущенного из бутылки джинна. Под аккомпанемент оглушительных взрывов корзина медленно приподнялась и поползла вверх. Двадцать футов над землей, тридцать — и вот, оставив под собой вершины деревьев, мы взмыли в небо.

Ощущение было фантастическим. Когда пламя гудело не слишком сильно, тишина стояла такая, что, находясь на расстоянии тысячи футов над землей, мы слышали, как разговаривали внизу люди, стучал на стыках рельсов поезд, лаяли собаки, мычали коровы. Пожалуй, только плавание с аквалангом в тропическом море, когда вы отдаетесь во власть прибою, качающего вас над зарослями кораллов, может соперничать по остроте ощущений с полетом на воздушном шаре. Где-то далеко внизу расстилались ровные клеточки полей, огороженные живыми изгородями, простирающимися далеко, насколько хватал глаз; издалека в безупречные квадратики вклинивались островки темно-зеленого леса или крошечные, словно игрушечные, деревеньки. По земле за нами бежала тень, похожая на большой голубой гриб, пугая стада скота и заставляя лошадей вставать на дыбы. Джефф объяснял нам, что, хотя мы и движемся по воле ветра, существует масса приемов, с помощью которых можно управлять воздушным шаром. В это время ветер стих и мы опустились вниз, продолжая лететь на уровне верхушек деревьев. Полет наш был бесшумным и легким, словно туман, а однажды мы даже слегка коснулись дном корзины верхушки кроны великана-дуба. Мы увидели зайца и бесчисленное множество кроликов, которые в страхе разбежались, приняв наш объемный, яркий воздушный корабль за сигнал тревоги, потом — пару стоявших на лесной

полянке, наостривших уши пугливых косуль. Зато грачиная колония, напротив, встретила нас яростным гвалтом, негодуя на наглецов, посмевающих вторгнуться в их воздушное пространство.

Было любопытно пролетать в каких-нибудь пятидесяти футах над деревнями и одиноко стоявшими фермами, разглядывая росшие позади домов тщательно ухоженные, с морем цветов, сады. Гул, издаваемый нашим воздушным шаром, заставлял всех собак округи яростно лаять, а люди выбегали из домов и приветливо махали нам руками. Как только до них доходило, что мы прекрасно их слышим, они начинали спрашивать, куда мы летим, а когда мы в ответ разводили руками, принимались смеяться. Потом под нами оказалась сельская школа, и все дети и их учителя высыпали на школьный двор и, задрав головы, смотрели на наш полет. Дети, естественно, спрашивали, куда мы летим. А мы в ответ говорили, что не знаем сами. Детей такой ответ страшно развеселил, а один мальчуган хохотал так, что упал и начал кататься по земле. Затем мы подлетели к миниатюрному замку, выстроенному из красного кирпича, с прелестной розовой черепичной крышей. Вокруг замка был разбит замечательный, полный цветов и кустарников сад, словно сошедший со страниц сказки. Встревоженные ужасным ревом, хозяин и хозяйка выбежали в сад.

— Какой чудесный у вас дом, — крикнул я хозяйке.

— Нет, это у вас чудесный воздушный шар, — прокричала она в ответ.

К этому времени запасы топлива стали подходить к концу, и нам нужно было приземляться. Как всегда бывает в таких случаях, на многие мили вокруг не было ни одного пустого клочка земли, а только поля ячменя и пшеницы и пастбища со стадами истеричных овец и коров, у которых

случился бы коллективный нервный припадок, равно как и у их хозяев, вздумай мы приземлиться среди них. Наконец мы приметили лужайку, на которой не росло никаких сельскохозяйственных культур и никто не пасся. Но чтобы приземлиться в нужном месте, нужно было миновать большое поле зреющего ячменя, перелететь через живую изгородь и произвести быстрый трехступенчатый спуск, так как лужайка была довольно узкой. Пока мы летели над ячменным полем, ветер, сыграв с нами злую шутку, неожиданно стих, и мы начали быстро падать. Стараясь набрать высоту, Джефф прибавил пламени в горелке, но было уже поздно: корзина с грохотом упала на ячменное поле, а потом начала прыгать, словно кенгуру. Мы сделали три подскока, каждый раз сильно ударяясь о землю. Вдруг, откуда ни возьмись, налетел ветер и, подхватив воздушный шар, потащил нас над полем, в каких-нибудь шести дюймах от земли. Впереди, точно грозный риф, маячила живая изгородь, а мы неслись ей навстречу с умопомрачительной скоростью, оставляя позади месиво смятых и сломанных колосьев. Деревья, выставив вперед свои колючки, неотвратимо приближались. Джефф принял единственно правильное решение: дернул за привязанный к клапану шнур и выпустил горячий воздух. Наш огромный, яркий красавец-шар сморщился и испустил дух, в предсмертных конвульсиях перевернув корзину набок, так что мы все навалились на один борт, придавив беднягу Криса. Агонизируя, шар протащил корзину еще около пятидесяти ярдов, а мы, лежа в куче, пытались сохранить в целостности руки и ноги. Наконец шар окончательно выдохся, и мы, все в синяках, едва живые от страха, выползли из корзины. Алюминиевый шест, на котором находилась дистанционно управляемая камера, весь погнулся и был похож на штопор; к счастью, камера не пострадала. И, что гораздо важнее, не

пострадал никто из нас. Джонатан, Паула и вся съемочная группа, следившая за нашим беспримерным полетом из двух машин, страшно взволнованные, со всех ног бросились к нам.

— С вами ничего не случилось? — кричал Джонатан, которого мучило душераздирающее видение: главный герой на костылях.

— Все в порядке, — прокричал я в ответ. — Как ты правильно изволил заметить, это гораздо проще, чем упасть с бревна.

К счастью, они не забыли прихватить с собой непременно бутылку шампанского, которой, по традиции, завершается первый полет на воздушном шаре. Мы с удовольствием выпили ее, стоя посреди разоренного ячменного поля рядом с красочным остовом нашего воздушного корабля.

Несмотря на довольно неудачное приземление, мы с нетерпением ожидали следующего дня, когда могли бы отправиться в совместный полет с вертолетом. К сожалению, с утра погода нам не благоприятствовала, но к двенадцати часам небо очистилось, и мы снова взмыли вверх. На этот раз рядом с нами летел вертолет, и из него, высунувшись по пояс, торчал Крис.

Был изумительный, золотистый полдень, с бледным, словно выцветшим, небом, подернутым легкой дымкой. В этом свете окрестности предстали во всем многообразии красок — луга изумрудно-зеленые и золотые от лютиков; желто-коричневые поля поспевающей пшеницы и поля свежевспаханные, похожие на красно-коричневый вельвет. Через некоторое время нам сообщили по рации, что Крис сделал все нужные кадры и мы можем снять с бедного Джеффа одеяло и насладиться полетом. Ли к этому времени настолько увлеклась воздухоплаванием, что потребовала,

чтобы я на следующий день отправился в магазин и купил ей воздушный шар. Признаюсь, искушение было огромным, но мы все же удержались.

Солнце, постепенно исчезая за горизонтом, заливало окрестности нежным зеленовато-золотистым светом, а мы плыли в небе, легко и беззаботно, словно пух одуванчика, клянясь всем светом, что это и есть истинное путешествие, а другого нет и не может быть.

ФИЛЬМ ВОСЬМОЙ

Оставив позади богатый, пышный зеленый ковер английской сельской местности, мы очутились среди диковинного пейзажа. На сей раз нашей съемочной площадкой стала пустыня Сонора. Слово “пустыня” вызывает в сознании большинства людей образ скучной безводной равнины, бесплодных песков и голых скал — места, лишенного какой бы то ни было жизни. Представление это верно лишь до некоторой степени, ибо такие пустыни действительно есть. Но встречаются и другие — чарующие прелестью затейливых пейзажей, поражающие разнообразием растительного и животного мира, прекрасно приспособившегося к суровым условиям жизни. Одним из таких необычных на нашей планете мест является расположенная на юго-западе США пустыня Сонора, сотни тысяч квадратных миль которой населены многочисленными

видами животных и птиц, усеяны кактусами самых экзотических форм, а в сезон покрываются великолепным ковром из мириадом полевых цветов. Вот для того, чтобы поколебать традиционное представление о пустынях, как о чем-то малопривлекательном, мы и отправились на съемки в этот уголок Земли.

Съемочная группа состояла из оператора Родни Чартерса, называемого ласково Роддерсом, — крепыша, который привык делать все на бегу, даже тогда, когда нес на плече тяжеленную кинокамеру. Какие бы трудности ни встречались на его пути, он всегда улыбался; при этом глаза его превращались в узкие щелочки, что придавало ему восточный вид. Его помощник, обладатель роскошных усов, Малькольм Кросс, был одним из тех чистых телом и душой молодых англичан, которые составляют цвет британской нации. (По окончании съемок я получил от него восторженное письмо, которое завершала фраза: “Я вернулся домой в таком приподнятом настроении, что моя жена теперь ждет ребенка”.) Звукооператором был Йэн Хендри, похожий на пожилого эльфа своей реденькой бородкой и удивительно выразительными глазами. Правда, несмотря на его вид несчастного изгнанника из сказочного царства, в работе ему не было равных.

Первый же день в пустыне буквально нас ошеломил. Прилетели мы ночью и из-за темноты не смогли ничего увидеть. На следующее утро, чуть свет, мы забрались в машины и поехали осматривать выбранные Аластером места для съемок. Первое, что нас поразило, было небо: с разбросанными там и сям лиловыми и желтыми облачками, оно ослепляло великолепием оттенков от бледно-розового до кроваво-красного на горизонте, где вставало солнце. А на фоне этого красного восхода четко вырисовывались силуэты

исполинских кактусов-цереусов, напоминавшие фантастические утыканные шипами канделябры, увенчанные коронами светло-кремовых цветков с золотистой сердцевинкой. Цереус — один из наиболее эффектных видов кактусов; растения нередко поднимаются на высоту пятидесяти футов и растут большими группами, образуя непроходимые, тянущиеся на многие мили чащи. Кактус достигает зрелости к пятидесяти годам, когда его рост не превышает семи-восьми футов. Издалека цереус кажется гофрированным, будто бы сделанным из плотного зеленого вельвета. Вдоль каждой складки расположены пучки жестких, черных, острых, как иглы, двухдюймовых шипов. Растут эти колючие гиганты очень медленно. Жизнь начинается с малюсенького семечка и в первые годы полна неожиданностей, так как малыш вынужден противостоять огромным перепадам температур — от испепеляющей жары до заморозков, пронизывающим ветрам и наводнениям. Если ему повезет и его не вытопчут олени и не обгложут кролики и крысы, иными словами, если он благополучно минует все опасности младенческого периода, тогда у него есть все шансы дожить до глубокой старости. Между семьюдесятью пятью и ста годами, будучи двенадцати — двадцати футов в высоту, он начинает ветвиться, постепенно приобретая форму причудливого канделябра. Количество и расположение ответвлений варьирует так сильно, что вы никогда не встретите двух одинаковых кактусов. У одних растений всего два ответвления, зато у других их количество доходит до двадцати и даже до пятидесяти. Цереус, как и все кактусы, — суккулент, и в его стебле и “ветвях”, как в огромной колючей бочке, содержится очень много влаги. Толстая, покрытая восковым налетом кожица делает растение идеальным резервуаром для воды.

Колючки выполняют двойную функцию, служа не только защитой от оленей и длинноногих овец: густо покрывая поверхность кактуса, они отбрасывают тень, спасая цереус от перегрева в знойные полуденные часы. Когда растение умирает, сочная мякоть внутри перегнивает, оставляя лишь высохший остов. При жизни кактуса эта кружевная, словно плетеная корзина, древесина служит опорой могучему стволу и “ветвям”. Внутри остова иногда видны небольшие древесные образования длиной от десяти до двенадцати дюймов и больше, напоминающие деревянные башмаки — сабо. Это остатки птичьих гнезд. Из-за огромной толщины ствола температура внутри кактуса на несколько градусов ниже наружной, что делает его идеальным жильем для птиц, таких, например, как большой пестрый дятел. Строя несколько гнезд за сезон, он превращает цереус в колючий многоквартирный дом. Как только дятел выдолбит в кактусе отверстие, растение (в целях самозащиты) тут же образует вокруг углубления жесткое древесное затвердение — каллюс. Это и есть те самые “сабо”. После того как дятел покидает гнездо, его тут же заселяют другие пернатые жильцы — совы, мухоловки, пурпурные ласточки, и, таким образом, в одном цереусе может одновременно обитать несколько видов птиц.

Углубившись в пустыню, мы вышли из машины и отправились побродить в гигантских кактусовых дебрях. Кроме великанов-цереусов попадались и другие виды кактусов, привлекавшие не столько размерами, сколько необычностью формы. Среди них — опунция, средних размеров кактус с большим количеством закругленных лепешек, вырастающих одна из другой, сплошь заросших, словно мехом, желтовато-коричневыми иголками, из-за чего издали растение напоминает пушистого игрушечного

медвежонка. Еще один странный обитатель Соноры — колючее дерево буджум с высоким стволом и длинными свисающими ветвями, покрытыми, словно многодневной щетиной, черными шипообразными прутиками. Когда у дерева накапливается достаточный запас влаги, из черных прутиков проклеиваются листочки. Эти фантастического вида растения, достигающие шестидесяти футов в высоту, с опущенными “небрityми” ветвями, похожие на зеленую перевернутую морковь, и в самом деле — одни из удивительнейших созданий пустыни.

Нам посчастливилось попасть в пустыню в пору цветения кактусов, и мы окунулись в немислимое буйство красок. Цветки зеленые, как нефрит, и желтые, словно нарциссы, багряные, будто вереск, и розовые, как цикламены, апельсиново-оранжевые и алые. Окажись вы случайно в пустыне среди колючего изобилия самых невообразимых форм и роскошных, словно восковых, цветков, и скажи вам кто-нибудь в эту минуту, что вы на Марсе, право же, вы бы этому поверили.

Хотя температура была очень высокой, из-за сухости воздуха мы почти не чувствовали жары. На самом деле длительное нахождение в кактусовом лесу чревато опасностью. Вы можете, сами того не замечая, сильно обгореть и вдобавок рискуете получить неожиданный укол острого, словно шпага, шипа. Попробуйте мимоходом задеть опунцию и вы убедитесь, сколь обманчив вид безобидного пушистого зверька. Целый час потом вы будете вытаскивать из рубашки и брюк колючие доказательства его любви. Жизнь Аластера, который шагу не мог ступить, чтобы не споткнуться, и который вдобавок вечно бегал сам и подгонял других, со времени нашего приезда постоянно висела на волоске. Однажды, выбирая нужный ракурс для кадра, он,

пяťся, чуть не сшиб пожилой цереус, простоявший на этом месте около сотни лет и не пожелавший вовремя посторониться для режиссера фильма. Старик к тому же оказался неимоверно колюч. Вопли бедолаги Аластера, учитывая дувший в тот день попутный ветер, были слышны, думаю, в самом Лондоне.

Повезло нам и с помощниками. Сотрудники Сонорского музея пустынь — этого уникального заведения, в котором все экспонаты не чучела, а живые зверюшки, — приняли в нас самое горячее участие. К нашему вящему удовольствию, они разрешили нам набрать исполнителей главных ролей, большинство из которых были ручными, прямо из музея. Немного погодя мы поняли, что радость наша оказалась несколько преждевременной. Мы намеревались продемонстрировать хорошо известный способ ловли ящериц с помощью приделанной к палке петли из лески — способ, которым я сам неоднократно и успешно пользовался. Он заключается в следующем: вы незаметно подкрадываетесь к ящерице, осторожно накидываете ей на шею петлю, далее следует резкий рывок — и добыча у вас в руках. Для демонстрации техники ловли мы одолжили одну из старейших обитательниц музея — огромную почтенную игуану. У этих ящериц, двух футов длиной, толстое рыжевато-коричневое тело, широкая морда, выражением напоминающая Черчилля (только без сигары), и очень прочный хвост. Нашего будущего киногероя звали Джо и на морде у него было написано столько важности, словно он только что произнес речь о судьбах мира, а мы пристаем к нему с какими-то глупостями. Тогда мы деликатно начали объяснять, что от него требуется, а требовалось от него совсем немного — всего-навсего немного закопаться в песок, подождать, пока подкрадется Ли и аккуратно накинёт петлю

на его жирную шею, а когда он почувствует, что петля затягивается, начать рваться и брыкаться изо всех сил, будто он всамделишная дикая игуана, а не обученная хорошим манерам ящерица, прожившая четверть века в приличном обществе. Необычайно умное выражение его физиономии позволяло нам надеяться, что он усвоил все наши требования, а так как роль была к тому же немой, то мы окончательно уверовали в успех. Аластер, ничуть не сомневаясь, что перед ним восходящая кинозвезда, дошел до того, что потрепал Джо по голове, добавив ласково: “Молодец, змеюка!”

Но когда камеры были наготове, а Ли, вооруженная палкой с леской, только ждала знака режиссера, с Джо произошла странная метаморфоза. Как только его посадили на камень, он моментально утратил всяческую живость. На него напало что-то вроде рептильного сценического страха, и он сидел, абсолютно не шевелясь, словно образцово-показательное чучело. Даже когда затянувшая шею петля подняла его в воздух, он не только не трепыхнулся, но даже глазом не моргнул, будто и впрямь был набит опилками. И ничто не могло вывести его из транса. Мы орали на него, швыряли в него чем попало, совали ему под нос любимые лакомства — жуков, все напрасно. Он оставался по-прежнему недвижим, словно был высечен из камня. Наконец наше терпение лопнуло и Джо был с позором препровожден обратно в музей.

Со змеями нам повезло чуть больше. Стивен Хейл, наш консультант-герпетолог и змеиный пастырь, прибыл к нам на грузовике, полном сумок с извивающейся паствой, — зрелище, приведшее в ужас наиболее слаонервных членов нашей съемочной группы. Гремучая змея с ромбовидным рисунком на спине пребывала явно в дурном настроении, отчего начала трещать задолго до того, как подошла ее

очередь выступать. Эта изысканной расцветки резвунья неумоимо протрещала всю свою сцену, время от времени делая злобные выпады повсюду, куда могла дотянуться. Арлекиновый аспид в умопомрачительном сочетании розового, красного, черного и желтого, похожий на аляповатый итальянский галстук, заставил нас поволноваться, развив такую прыть, что мы и оглянуться не успели, как его след простыл. Но, пожалуй, самой красивой и уж, бесспорно, самой сговорчивой оказалась пятифутовая молочная змея с иссиня-черной сверкающей чешуей в ярко-желтую полоску. У нее были огромные темные влажные глаза и слегка приподнятые уголки рта, что придавало ей необычайно кроткое выражение. Казалось, она все время застенчиво вам улыбается. Не выказав ни малейшего неудовольствия, она позволила поймать себя сначала петлей из лески, потом специальной палкой с раздвоенным концом, обнаруживала себя на камнях и под ними, бесконечно ползала по зарослям кактусов и других малоудобных колючек, разрешала брать себя на руки. При этом она нежно обвивалась вокруг пальцев, рук и шеи Ли. И только когда в финале раздались роковые слова Аластера: “Положи эту ящерицу вот сюда, на камень”, змея разобиделась и укусила свою партнершу. К счастью, молочная змея неядовита.

Самым отрадным моментом съемок в пустыне стала для меня встреча с моей любимой птицей — калифорнийской бегущей кукушкой. С пугливым взглядом, нелепо торчащим косматым хохолком и бегом вприскокку, делающим ее похожей на долгоязыких стайеров, калифорнийская кукушка — одна из самых потешных и милых птичек. Нам удалось подглядеть и заснять довольно любопытную сцену, еще раз подтвердившую, что в столь многотрудной жизни в пустыне ничто не должно пропадать втуне. В гнезде

находились три птенчика кукушки, один из которых был мертв. К нашему удивлению, подлетевшая к гнезду мать, ничуть не растерявшись, стала скармливать мертвого кукушонка одному из оставшихся в живых. Когда мы покидали наш наблюдательный пост, птенцу удалось проглотить голову и шею своего мертвого брата, в то время как тело все еще свисало у него из клюва. Такая процедура поглощения пищи, видимо, весьма в ходу у калифорнийской кукушки, так как она успешно охотится на змей, которые чересчур велики для одноразового употребления. Поэтому она проглатывает столько, сколько войдет, а остальная часть болтается снаружи. Когда ползмеи переварится, она доедает оставшуюся половину.

Это произошло в один из тех ужасных дней, когда съемки фильма превращаются в нечто непредсказуемое и неприятное для всех его участников. Стремясь показать пустыню как можно полнее, мы отсняли кактусовую, кустарниковую, каменистую пустыню и полупустыню. Неохваченным остался единственный вид пустынь, тот самый, который люди именуют собственно пустыней — тянущиеся на многие мили песчаные дюны. Аластер, произведя рекогносцировку местности, нашел подходящую съемочную площадку в пятидесяти милях от нашего лагеря. Здесь живописно обточенные дождем и ветром, повсюду, насколько хватал глаз, тянулись огромные, высотой в триста-четыреста футов, барханы. Более того, прямо через пустыню, делая возможным подъезд на автомашине, пролегла автомагистраль. Аластер так живописал свою находку, что знаменитые пустыни Внутренней Монголии, вкупе с Гоби и Сахарой, услышав столь щедро расточаемые ей похвалы, просто провалились бы сквозь землю. Итак, горя желанием переплюнуть Голливуд с его фильмом “Лоуренс

Аравийский”, мы встали засветло и понеслись навстречу заре — неясному золотистому свету с крошечными, обведенными алым и пурпурным, перистыми облаками.

Аластер ездил в Калифорнию на поиски дюн в какой-то из рабочих дней недели, и их молчаливая торжественность поразила его воображение. Мы же выбрались на съемку в воскресенье, и потому, проехав по пустыне несколько часов, обнаружили картину, прямо противоположную той, которую рисовал Аластер. Правда, кругом действительно были разбросаны живописные барханы; и тянулись они, насколько хватал глаз; и выглядели ничуть не хуже голливудских, так что каждый момент можно было ожидать появления на горизонте скачущего во весь опор верхом на лошади Рамона Наварро. Но на сей раз вместо героев голливудского вестерна перед нашим взором предстали около двух третей жителей штата, разъезжавших по пустыне на мотоциклах, причем вонь и грохот стояли такие, будто вы находились в аду. Их были несметные полчища; они скользили, подпрыгивали, ревели, визжали тормозами, начисто похоронив нашу идею о звуковой съемке. Было трудно услышать, что говорил сосед; более того, несколько мотоциклов кружилось в непосредственной близости от нас; на них восседали десятки полураздетых девиц, не оставлявших сомнений в роде их занятий. Мы скорбно двигались вперед в надежде найти менее обжитой уголок, но вся местность была запружена мотоциклами, жужжавшими, словно растревоженное осиное гнездо.

Вконец отчаявшийся Аластер предложил вернуться туда, куда мы приехали вначале (в место, показавшееся нам столь перенаселенным), и удовольствоваться немой съемкой. Сидевший за рулем Родни, для которого не существовало правил дорожного движения, сделал в середине магистрали

разворот и поехал в обратную сторону. В считанные секунды (а может, это нам только показалось) огромный патрульный вертолет (начиненный полицейскими) доложил по радиации патрульной машине с воющей сиреной о совершенном нами тягчайшем преступлении. Мы были перехвачены и остановлены.

Вручавший нам штрафной талон полицейский в темной форме выглядел очень грозно. Он был высок, словно Эверест, и, очевидно, превосходно владел не только оружием (наверняка попадавшем с расстояния в четыре тысячи футов в карточный туз), но и приемами бокса, каратэ и джиу-джитсу, а также при случае мог летать не хуже Супермена. Его подчеркнута вежливые интонации и тихий голос еще более укрепили нас во мнении, что с ним лучше не связываться. Даже Аластер, никогда не проявлявший уважения к властям, и тот присмирел под напором мужества, исходившего от этого человека, который, казалось, в одиночку мог справиться с ЦРУ. Мы без возражений взяли протянутый нам талон.

Когда мы добрались до того места, откуда начинались барханы, Аластер обратил наше внимание на тот факт, что хотя с одной стороны дороги мотоциклов было не меньше, чем в других местах, зато с другой стороны они отсутствовали совсем. Следуя указаниям нашего режиссера, мы свернули с шоссе на лежавшую между холмами проселочную дорогу. Тут-то мы и поняли, почему на этой стороне не было мотоциклов. На самом отдаленном от магистрали участке пути наша машина провалилась по брюхо в песок и остановилась. Паула, Ли и я отправились пешком назад и, пройдя до шоссе две мили, а потом еще две до ближайшего гаража, нашли подходящий грузовик, который вытащил нашу машину из песка. Мы добрались до отеля лишь поздно вечером, усталые и злые — не только из-за того,

что целый день был потрачен впустую, но еще и потому, что вынуждены были заплатить полицейскому управлению двадцать пять долларов.

К счастью, это был единственный неудачный день. Остальные съемки в пустыне прошли как нельзя лучше. Погода стояла превосходная — с раннего утра, с его изумительными зеленовато-розово-лиловыми облаками, постепенно тающими в ослепительном солнечном свете, окутывающем кактусы звенящим золотистым маревом, до позднего вечера, когда необъятное небо (в пустыне оно почему-то кажется во много раз выше) окрашивалось в багрец и пурпур такой дивной чистоты, что знаменитые закаты Тёрнера побледнели бы от зависти.

Одной из привлекательнейших особенностей нашего сериала была постоянная смена декораций. Только что вы утопали по колено в снегу, а в следующую минуту обливаетесь потом в тропическом лесу; или же, плывя на каноэ по реке в Англии, вы оказываетесь в другом каноэ, но уже плывущем вдоль кораллового рифа. Следуя этой традиции, мы распрощались с гигантскими кактусовыми джунглями Аризоны и устремились в холмистые саванны Южной Африки — в крупнейший заповедник с чудесным названием прямо по Райдеру Хаггарду — Умфолози.

Весь путь к этому райскому уголку Земли — предупреждение о грядущих экологических катастрофах. Но вы осознаете это не вдруг. Вначале вы видите расстилающиеся на многие мили холмистые зеленые луга, чем-то напоминающие Англию. Подсознательно вы догадываетесь, что когда-то в этих местах шумели непроходимые леса, а нынешние, кажущиеся на первый взгляд сочными и зелеными луга на самом деле выжжены и выветрены, выбиты скотом и перенаселены. Но все это, как

ни странно, придет вам в голову много позже, когда вы достигнете Умфолози, увидите впереди изгородь, а за ней девственную Африку — ту, которая существовала до прихода европейцев и демографического взрыва среди коренного населения. Заросли акации, сочнеешие изумрудные луга, необъятные великаны-баобабы — да разве описать словами весь этот разгул природы?

Те из моих читателей, кто, подобно автору этого опуса, уже миновал пору первой молодости, быть может, помнят Джуди Гарланд в фильме “Мудрец из страны Оз”. В самом начале фильма домик, в котором она находится, подхваченный ураганом, взмывает в воздух и перелетает через радугу. До этого момента фильм был черно-белым, но как только домик приземляется и Джуди Гарланд робко приоткрывает дверь, на зрителя обрушивается водопад красок. Въезд в Умфолози произвел на меня такое же впечатление. Перед нашим взором мелькали привычные картины возделанной и оскверненной человеком земли, но мы не ощущали этого, так как нам не с чем было сравнить. Но вот за загородкой мы увидели частицу настоящей Африки и застыли, пораженные одной и той же мыслью — о том, что ехали мы по сотворенной руками человека пустыне, а попали в оазис за решеткой. Даже на меня, лучше других знакомого с заповедниками, это стало чем-то вроде шока.

Национальный парк Умфолози — это не только царство растений, но и настоящий звериный рай. И в этом вы убеждаетесь с первых же шагов по этой благословенной земле. Полосатые, словно викторианские щеголи, зебры грациозно галопировали рядом с машиной, кокетливо перебирая ногами. Неподалеку выделывали курбеты голубые гну со столь причудливо изогнутыми рогами, что казалось, они взирают на вас через очки. Для таких нескладных

созданий они поразительно проворны. Стадо бегущих антилоп гну — настоящий балетный спектакль с неизменными фуэте, батманами и арабесками, дополненными к тому же стойками на голове и зависаниями в воздухе в сложнейших пируэтах. Прыгая среди кустарника, зебры и гну спугивали стаи пурпурно-фиолетовых скворцов и компании птиц-носорогов, с огромными, крючковатыми (как нос у Феджина) клювами и алыми сережками. Они вышагивали торжественно, словно при смене караула, внимательно глядя на нас большими выразительными глазами, казавшимися томными из-за длинных пушистых ресниц. Проехав по парку почти целую милю, мы увидели главного обитателя здешних мест — белого, или однорогого, африканского носорога. Эти громадные, величественные звери (самые крупные, после слона, наземные млекопитающие) одно время находились на грани полного истребления. К счастью, в самый последний момент спохватились и приняли меры к охране этого древнего великана. Теперь в Умфолози, а также ряде других областей Южной Африки их поголовье постепенно увеличивается. Встреченный нами крупный самец величаво шествовал между деревьями; огромную голову победно венчал четырехфутовый рог-ятаган. Несколько маленьких птичек, словно каминные украшения, расселись у него на спине. Массивные ноги носорога поднимали из травы тучи саранчи и прочей живности. Слетая время от времени со своего движущегося насеста, птички на лету подхватывали добычу и возвращались с ней на спину гиганта. Мы остановили машину ярдах в тридцати от носорога, он тоже встал и устремил на нас задумчивый взгляд. Затем, глубоко вздохнув, пересек дорогу перед самым нашим носом и скрылся в зарослях акации.

Через полмили мы наткнулись на группу самых, на мой взгляд, очаровательных млекопитающих — жирафов. Их было пятеро: трое деловито объедали верхушки акаций, в то время как двое других, переживавших, вероятно, пору медового месяца, вели себя совсем не по-жирафьи. Повернувшись друг к другу, они столь дивно переплетали шеи, что походили более на лебедей, нежели на жирафов; они целовались с таким самозабвением, так сладострастно просовывая свои длинные языки в рот партнеру, что в сравнении с ними звезды французского кино выглядели бы просто жалкими любителями. Подобно всем влюбленным, они не замечали ничего вокруг, а когда мы, выйдя из машины, подошли к ним совсем близко, не обратили на нас ни малейшего внимания. Распроставшись с жирафами, мы подъехали к на редкость непривлекательному комплексу безликих блочных строений, которыми обзавелось местное правительство для привлечения потока туристов. И хотя по комфортабельности наше жилье не уступало разве что общественному туалету, природа сполна вознаградила нас за все неудобства.

Нашим оператором в Умфолози был еще один Родни — Родни Борланд со своей женой Мойрой. Работая на пару, они создали не один замечательный фильм о животных и знали африканскую саванну, как свой дом.

Как раз в это время начался бурный и продолжительный роман Аластера и златокрота. Спешу пояснить недоумевающему читателю, что я имел в виду. Перед съемками этой серии я торжественно заявил, что не поеду в Южную Африку ни за что на свете, если меня не познакомят со златокротом — моей давней, несбывшейся мечтой. Существует несколько видов этого милого зверька; от европейского крота, с которым у него очень большое внешнее

сходство, он отличается главным образом необычайно шелковистым мехом, сверкающим, словно золотая канитель. Мое настойчивое желание вынудило Аластера пуститься во все тяжкие, и после целого ряда отчаянных эскапад ему удалось упросить кого-то в Дурбане одолжить нам златокрота на время съемок. Это было обворожительное создание с такими малюсенькими глазками, что он напоминал очкарика, забывшего надеть очки. Пяти дюймов длиной, он походил на снующий в ящике с землей мохнатый слиток золота. Как и все насекомоядные, златокрот был ненасытным обжорой, которому для поддержания хорошего тонуса требовалось не меньше трехсот ярдов червей и гусениц ежедневно. Непонятно каким образом, но между Аластером и забавным маленьким существом, которого он назвал Мактэвишем, установилась своеобразная “духовная” близость, выразившаяся в регулярной трехразовой поставке к столу любимца свежевыкопанных червей и совместных ночевках в одной комнате. Правда, несмотря на большую любовь, Аластер признавал, что его сожитель слишком уж шумит по ночам, и он ничуть бы не обиделся, если бы тот вел себя потише. Как я уже говорил, несмотря на огромное внешнее сходство златокрота и обычного европейского крота, они не являются близкими родственниками, и схожесть эта объясняется их принадлежностью к одной и той же группе роющих млекопитающих, выработавших благодаря подобному образу жизни ряд особенностей, таких, как сильные передние лапы, почти полное отсутствие глаз и крепкий, словно нож бульдозера, ороговевший кончик морды. Мактэвиш обладал редким для млекопитающего даром — он мог менять свой цвет. Обычно он был золотистым, но стоило солнечному лучу под определенным углом упасть на его блестящую шерстку, как он становился зеленым, лиловым и

даже пурпурным! Однажды ночная деятельность Мактэвиша увенчалась успехом. Ему удалось найти в коробке уязвимое место и с помощью передних лапок расширить отверстие до нужного размера. За завтраком безутешный Аластер скорбным голосом поведал нам, что он обескротился. К счастью, все самые интересные сцены с Мактэвишем были сняты до того, как он обрел желанную свободу.

В этой же серии мы собирались показать различие вкусовых привычек отдельных видов копытных: например, жирафы предпочитают верхушки акаций, а антилопы куду специализируются на нижних ветвях деревьев. Подобное деление на вертикальные зоны снижает конкуренцию и способствует равномерному распределению корма. Решив для создания большей образности обратиться к крайностям — иными словами, показать поедателя верхушек деревьев и пожирателя подножного корма, — мы составили пару: жираф и черепаха.

После длительных поисков мы обнаружили большую черепаху, дремлющую в тени баобаба. Аластер, больше других переживавший оттого, что долгое время не находилось ни одной, даже самой заваливающей, первый ее заметил, на ходу выпрыгнул из машины и, с победным кличем подхватив оцепеневшую черепаху, крепко прижал ее к груди. Это не самый умный ход, даже если черепаха находится не в столь большой задумчивости. Обниматься же с той, которая, сидя под баобабом, повторяет про себя одну из длиннейших и скучнейших поэм Теннисона, — просто катастрофа. У всех черепах огромный и прочный мочевой пузырь, и наша явно не составляла исключения. Сказать, что Аластер здорово промок, было бы равносильно замалчиванию. На нем нитки сухой не осталось.

— Еще друзья называются. Даже предупредить человека не могли. Откуда мне знать, что черепахи писают, да еще так... — жаловался он.

Посадив облегчившуюся черепаху в коробку и отберев Аластера подручными средствами, мы отправились за жирафом. Как вы, наверное, догадались, жирафов вдруг как ветром сдуло. Посвятив поискам несколько часов, мы в конце концов отыскали среди акаций высокого, красиво раскрашенного самца.

Одна из гениальных идей Аластера заключалась в следующем: взяв на руки черепаху, я должен осторожно приблизиться к жирафу, опустить черепаху на землю, повернуться лицом к камере и, обратив свой взор ввысь, начать знакомить зрителей с секретами жирафьей кухни; затем, скользя взглядом вниз, сделать обзор гастрономических пристрастий антилоп и закончить выступление обнародованием черепашьего меню. При этом мне нужно наклониться и взять черепаху на руки. Все очень просто. Воплотить сей гениальный замысел оказалось куда сложнее.

Держа я руках яростно шипящую черепаху, я выбрался из машины и проследовал к жирафу. Жираф недоверчиво наблюдал за нами. Еще ни разу за всю долгую и счастливую жирафью жизнь не было случая, чтобы завтрак его был прерван появлением какого-то подозрительного субъекта с воинствующей черепахой в придачу. Не будучи по натуре любителем острых ощущений, он не стал дожидаться развязки. Тревожно всхрипнув, жираф обошел вокруг дерева и спрятался так, что осталась торчать только его голова.

— Нет, так не пойдет, — прошипел Аластер. — Его же совсем не видно.

Я ходил за жирафом вокруг колючей акации, а он, также степенно, соблюдая первоначально установленную дистанцию, двигался от меня. Наши упражнения продолжались довольно долго, с каждой минутой становясь все более похожими на вальс. Наконец я не выдержал.

— Ну, хватит. Так тоже не пойдет, — сказал я Аластеру. — Какого черта камера стоит на месте?

Камера поехала за нами, и после ряда неудачных туров вокруг дерева нам удалось заснять жирафа в том ракурсе, который требовался режиссеру.

— Отлично, — возрадовался Аластер. — А теперь поставь-ка эту штуковину на землю — и пошел текст о зебрах.

Положив черепаху, как того хотелось Аластеру, я встал перед камерой и рассказал сначала о жирафах и их вкусах, а затем по аналогии о всех других копытных.

— Итак, — завершая выступление, произнес я, — мы видим, что благодаря существующему среди травоядных принципу гастрономической избирательности корма хватает всем, от самых высоких до тех, кто обитает внизу, в траве, как, например...

С этими словами я наклонился за черепахой, но... увы, она исчезла. Со скоростью, отнюдь не свойственной этому пресмыкающемуся, она успела отползти на полсотни ярдов и скрылась в зарослях акации. Остается добавить, что этот сюжет пришлось полностью выбросить.

Следующий замысел Аластера был еще более блистательный: в качестве заставки к фильму — я в обнимку с белым носорогом. Идея настолько крепко засела в голове нашего режиссера, что три следующих дня мы только тем и занимались, что с утра до вечера колесили по саванне в поисках достойного объекта. Не то чтобы найти его было так

уж трудно — парк буквально кишел ими. Трудность заключалась в другом — надо было уговорить носорога сотрудничать с Аластером. Наконец нам приглянулась одна дородная мамаша с упитанным младенцем, мирно соседствующая в одной луже с буйволом. Спина и лопатки буйвола были покрыты толстым слоем высохшей и растрескавшейся грязи, так что он походил на грязно-серую головоломку. Мать и дитя совершенно не подозревали о нашем существовании, и, если бы не злосчастный сосед, вся сцена завершилась бы к полному удовольствию Аластера. А пока, стоя по уши в мутной жиже, зверь пребывал в состоянии такого неземного блаженства, в какое впадает любой уважающий себя буйвол, доведись ему попасть в лужу. Вдруг он открыл глаза и вздрогнул, увидев меня совсем близко.

Он дернулся было бежать, но его массивная туша настолько глубоко погрузилась в воду, а ноги так увязли, что он свалился на бок и начал бешено барахтаться. Тут уж и носороги смекнули, что происходит что-то неладное, и через минуту вся троица (включая и восставшего из тины буйвола) отчаянно топоча скрылась за деревьями. И так происходило каждый раз. Носороги, будучи близорукими, компенсируют этот недостаток чрезвычайно острым слухом и хорошим обонянием. К тому же, вероятно из-за плохого зрения, они крайне подозрительны, хотя, по правде сказать, ума не приложу, какие враги могут быть у таких махин. Как бы там ни было, все мои попытки сняться в двойном портрете с носорогом терпели фиаско, и было похоже, что мы покинем Южную Африку без этого жизненно важного для нашего режиссера кадра.

Наступило предотъездное утро, и, несмотря на отчаянные мольбы всей съемочной группы, неумолимый

Аластер решил в последний раз попытать счастья. В конечном счете, я думаю, нам повезло только потому, что было еще очень рано и мы застали “своего” носорога тепленьким, только-только из постели. Это был старый, очень крупный самец. Стараясь держаться против ветра, мы осторожно подбирались к нему. Не доезжая сорока футов, мы выключили мотор и стали шепотом обсуждать, что делать дальше, в то время как гигантская зверюга стояла на одном месте, подозрительно поводя ушами. Интуитивно он подозревал, что готовится какая-то пакость, но вот какая? Нам на руку играло еще и то обстоятельство, что на нем не сидело ни единой птички, иначе они непременно подняли бы гвалт и заставили бы нашего храбреца спасаться бегством.

— Ну, а теперь, — возбужденно зашептал Аластер, — тебе нужно выйти из машины, подойти к нему как можно ближе, повернуться к камере и сказать вступительное слово.

— Отлично придумано, — вяло похвалил я. — А ты что, тем временем будешь сидеть в машине?

— Я буду с тобой мысленно, — ответил Аластер.

Мне не оставалось ничего другого, как выйти из машины, припоминая все уловки, с помощью которых можно было бы обхитрить близорукого носорога. Пока я плелся к нему, он, казалось, рос на моих глазах, становясь все больше и больше. Я подбирался к нему осторожно, удерживая дыхание, стараясь не наступать на сухие веточки. Носорог наклонил свою огромную башку, глухо похрюкивал и поводил ушами, издавая при этом малоприятные звуки наподобие щелканья хлыста. Рог его казался не только раза в два больше Эйфелевой башни, но и гораздо острее. Не дойдя до зверя двадцати шагов, я остановился — приблизиться к нему еще хоть на шаг было выше моих сил. Затем, глубоко вздохнув, решительно повернулся к носорогу спиной и с

лучезарной улыбкой, стараясь поглубже запрятать страх, начал вступительное слово. Дойдя почти до середины речи, я услышал сзади жуткий скрип, унесший, вероятно, несколько лет моей жизни. В следующее мгновение я ожидал, что взлечу в воздух, поддетый острым, как ятаган, рогом. Наконец, не выдержав, бросил как бы невзначай взгляд через плечо и с неимоверным облегчением увидел, что носорог, развернувшись, направился в противоположную сторону, сердито пыхтя себе под нос. Я обернулся к камере и закончил выступление без малейшей дрожи в голосе. Но, оглядываясь назад, должен признаться, что две тысячи фунтов носорога за спиной — самое пренеприятное ощущение, пережитое мною в Южной Африке.

ФИЛЬМ ДЕВЯТЫЙ

Итак, из африканской саванны мы снова прилетели в весеннюю Англию. Ранняя весна в Англии — прелестное время года: бледно-голубое небо; берега рек украшены гирляндами сливочно-желтых первоцветов; леса окутаны у корней таинственной сизо-голубой дымкой колокольчиков; поляны, золотые от лютиков и калужниц; мягкий, чуть слышный шелест только что распутившейся листвы и ласковое, теплое солнце.

Но стоит только задумать об этом фильм, как куда что девается!

Нашу следующую программу мы решили посвятить английским прудам и рекам, где можно найти массу интересного, особенно весной, когда у многочисленных обитателей водной среды — от жаб и тритонов до выдр и подёнок — начинается брачный сезон.

Но эта весна была из ряда вон выходящей — самая настоящая кинематографическая весна: со свинцовым небом, собачьим холодом, сопровождавшимся дождем, градом и

слякотью; и наконец под занавес, когда мы думали, что природа выдала все, на что была способна, она обрушила на наши головы снегопад. Живописный пруд, очаровавший Джонатана полупрозрачной, янтарного цвета водой, напоминавшей цвет хереса, превратился в грязную, мутную лужу, в которой ничего нельзя было увидеть. Река Уай (также выбранная местом наших съемок), которая обычно весело журчала по каменистому ложу, прозрачная, будто расплавленное стекло, из-за взбаламученного ила и плывущих в ней обломков напоминала поток лавы, извергнутой из недр разбушевавшегося вулкана. Не удивительно, что все это производило на Джонатана удручающее впечатление. Стоило ему выглянуть в окно, как он разражался проклятиями. Мы метались между двумя съемочными площадками (расположенными, как водится, в противоположных концах страны) в надежде, что погода улучшится, но увя. Паула пребывала в отчаянии, потому что она как продюсер в первую очередь отвечала за настроение съемочной группы, но в столь антиклиматических условиях это оказалось ей не под силу. В довершение всего Паулу с Джонатаном угораздило влюбиться друг в друга, причем так сильно, что они вознамерились пожениться сразу же после окончания съемок. А пока Джонатан занимался тем, что проводил параллели между преобладавшим большую часть времени ненастьем и своим будущим браком — подходящая увертюра для счастливой семейной жизни. Это время было тяжким испытанием для всех нас.

— Послушай, милый, — подала разумную мысль Паула, — почему бы нам пока не отснять Ли в эпизоде на каноэ? Ведь для этих кадров безразлично, прозрачная вода или нет.

— Отличная идея, — обрадовалась Ли, жаждавшая приобщиться к водному слалому. — Давай попробуем, Джонатан, ну пожалуйста.

— Тебе определенно полегчает при виде моей жены, рискующей жизнью в страшных водоворотах, садист ты этакий, — съязвил я.

— Пожалуй, мы так и сделаем, — угрюмо согласился Джонатан, — начнем с каноэ.

Упаковав наше оборудование на берегу грязно-коричневого пруда, мы доставили его к реке Уай, которая клокотала среди черных скал. Темные, упругие водяные струи разбивались о камни, образуя облака пены; вокруг стоял неумолчный шум и грохот воды. Ли, взволнованная предстоящим дебютом, была наряжена в алый непромокаемый костюм и ярко-желтый пробковый шлем, который очень к ней шел. Затем ее втиснули в длинное, хрупкое на вид каноэ и спустили на реку в том месте, где течение было спокойным. Здесь она получила свой первый и единственный урок по технике управления каноэ. Но такова сила женского упрямства, что уже через полчаса она управляла лодкой почти так же (если не лучше), чем ее инструктор.

В этом эпизоде мы хотели показать, как человек, управляющий каноэ, заставляет реку себе служить, используя силу течения для продвижения вперед, различные потоки — для лучшего маневрирования, а водовороты в излучинах реки — в качестве мест отдыха, вроде стоянок на воде. Эти кадры могли послужить иллюстрацией жизни животных, населяющих бурные воды и пользующихся точно такими же приемами для выживания. Одна из камер была установлена на скале напротив порогов, а Ли, сидя в каноэ, в четверти мили вверх по течению ждала знака начала съемки. Сбоку к

каное была приделана крошечная камера, и вдоль борта от нее тянулся провод к кнопке рядом с сидением. План был таков: достигнув порогов, Ли нажимала кнопку, и камера начинала снимать крупным планом ее саму, окатываемую с головы до ног водой, и разрезающую носом волны лодку. В это время другая камера, расположенная на берегу, делает панорамные съемки. По знаку каное отправилось в путь, скользя между острых, черных скал, подсакивая и падая в сверкавшей воде, зарываясь носом в облака пены, словно свинья, копающаяся в букете белых роз в поисках трюфелей. Должен сказать, что Ли управляла каное очень уверенно, будто она всю жизнь только этим и занималась, но я все равно волновался и вздохнул с облегчением, когда она преодолела опасное место и остановилась. Тут мы обнаружили, что хотя она и включила камеру вначале, но, проходя пороги и отчаянно работая веслом, чтобы ее не перевернуло, вероятно, случайно нажала на кнопку и отключила камеру. Ничего не поделаешь — пришлось повторить все сначала. Каное подняли вверх по течению на четверть мили и моя жена (вообразившая себя старым морским волком), взобравшись в лодку, прошла пороги еще раз, причем каное скользило по поверхности и выпрыгивало из воды, словно идущий на нерест лосось. К счастью, на сей раз камера не отключилась.

Как ни трудно вообразить, но все, даже величайшие реки земного шара, такие, как Амазонка, Нил, Миссисипи, начинаются почти незаметно — с маленького, бьющего из земли ключа, и только потом, преодолев длинный путь и накопив силы, становятся могучими и полноводными. Реки, большие и малые, — это кровеносные сосуды Земли, дающие пищу и кров бесчисленному множеству существ, обитающих в воде или живущих по берегам.

Обладая достаточным воображением, можно представить себе, как много обитателей таится в глубине обычного пруда; но ничуть не меньше их живет в быстрых, стремительных водах рек, превосходно приспособившись к экстремальным условиям. У нас уже имелись кадры с некоторыми наиболее необычными речными жителями; снимались эти эпизоды в искусственно созданных условиях, чтобы иметь возможность взглянуть с близкого расстояния на жизнь существ в бурном речном водовороте. Возьмем, к примеру, личинку обычного ручейника. Почти в каждом пруду живет много существ, вьющих себе кокон, а потом камуфлирующих его песком или крошечными растительными остатками. (В детстве я вел себя по отношению к таким созданиям не очень честно. Я вынимал личинку из кокона, а когда она начинала плести другой, подкладывал ей разноцветный материал, например кирпичную пыль или растертый в порошок грифель, и таким образом получал разноцветный чехлик личинки ручейника.)

В стоячей прудовой воде камуфляж под растительные остатки вполне сходил, но в быстрой реке нужно было придумать, в дополнение, что-то посущественнее, типа якоря, чтобы домик не унесло течением. В качестве грузила ручейники используют гальку, кажущуюся крошкам-личинкам огромными валунами. Иногда при исследовании каменистого дна ручья поражаешься, когда кучка гальки вдруг начинает двигаться. Другой вид ручейника вообще не имеет кокона, справляясь с течением иным способом и обращая его себе на пользу. Выбрав пещерку между галькой в качестве домика, он плетет сеть и завешивает ею вход, причем концы сети прячет под камешками, чтобы не унесло. Затем, словно прячущаяся за кружевной занавеской старая

дева викторианских времен, он сидит и терпеливо ждет, пока щедрая река наполнит его сеть едой.

Еще одно создание, которое, несмотря на свою subtilность, успешно противостоит яростной стихии (пропорциональной по масштабам обрушившемуся на человека Ниагарскому водопаду), — это личинка мошки. Она похожа на крошечную, вытянутую гусеницу с парой огромных, в стиле короля Эдуарда, висящих на голове усов. Личинка сооружает на камнях из слизи валик, напоминающий подушку для иголок, и с помощью нескольких острых, расположенных в хвостовой части крючков прикрепляется к нему; стоя на подушечке, она процеживает воду сквозь усы и вылавливает оттуда корм. Способ кормления с помощью усов — зрелище довольно любопытное. Другой удивительный обитатель рек — рачок-бокоплав. Он совсем не похож на живущих вблизи рек многочисленных представителей класса ракообразных, а выглядит так, будто по нему проехал каток, и потому плыть он может только боком. На самом деле такое сплющенное тело необычайно удобно: почти не оказывая сопротивления потоку, оно позволяет рачку перебираться по дну из одной расщелинки в другую и так плотно там застревать, что никакое течение не в силах его оттуда вымыть.

По прошествии нескольких дней Джонатан, несмотря на плохую погоду, несколько успокоился. Кроме всех связующих кадров со мной и Ли он отснял красочных пятнистых окуней и отличных ныряльщиков — водяных полевок, элегантную норку и семейство одетых в желтое джерси птенцов лысух, чьи красные мордашки делали их похожими на хронических гипертоников. В них есть даже что-то от панков, но, на мой взгляд, они куда милее. Нам удалось заснять превосходные кадры с лебедями, этими

воздушными жирафами, которые величаво плыли мимо, погружая длинные шеи глубоко в воду, чтобы достать водоросли, а затем грациозным взмахом перебрасывали корм назад, за спину, где его подхватывала целая флотилия пушистого серого молодняка, следовавшая по пятам за взрослыми в ожидании подачи.

Распрощавшись на этом с рекой, мы поспешили к пруду, который хоть и не обрел былой прозрачности, но уже не был таким грязным, как во время нашего последнего посещения. Здесь у нас было запланировано несколько серий: одна с лодкой, а другая с моим “хождением” по воде. Пруд — это огромный мир, в котором живет множество созданий, чье существование прямо или косвенно от него зависит. К сожалению, по всей Англии количество прудов ежегодно сокращается; их осушают и засыпают землей, потому что до страсти обожающий природу британский фермер считает пруды бесполезными лужами, на месте которых стоит выращивать зерно или пасти скот. А мысль, что сама жизнь многочисленных его обитателей, таких, как жабы, лягушки, стрекозы и мириады микроскопических созданий, зависит от существования пруда, как-то не приходит в голову современному высокообразованному обществу.

К счастью, есть люди, которым не безразлична судьба природы, и они борются, чтобы не допустить полного ее истребления. В Великобритании существует Общество помощи лягушкам, созданное под эгидой Королевского общества охраны природы. По прямому телефону (причем номер этот ежедневно сообщается по местному радио и в местных газетах) вы можете позвонить и сообщить о лягушачьей или жабьей икре, обнаруженной в канаве, садовом водоеме или пруду.

Нанеся указанное вами место кладки икры на особую карту, ученые получают более полное представление о местах размножения земноводных. С лягушками в этом смысле дело обстоит проще, потому что они проводят всю жизнь в тех местах, где родились. А вот жабы представляют целую проблему. Как только жабыта выйдут на сушу, они тут же разбредаются в разные стороны: их кожа, в отличие от лягушачьей, не нуждается в постоянной влаге. Но когда они вырастают и наступает брачный сезон, жабы толпами устремляются к тому пруду или озеру, где появились на свет. По пути им приходится пересекать множество дорог и автострад, и ежегодно тысячи их гибнут под колесами автомашин.

В Нидерландах, где бережно относятся к живой природе, под автострадами строят специальные туннели для жаб-путешественниц. До такой утонченности Великобритании пока далеко, но все же и мы сделали шаг вперед, повсеместно выставив лозунг: “Помогите жабе перейти дорогу”. Люди, сочувствующие жабам (а почему бы и нет, если в каждой из них скрывается заколдованный принц?), берут ведра, мусорные бачки и ящики и приносят их к местам переходов жаб; как только наберется достаточно амфибий, сажают их в емкости и переносят через дорогу. Было бы недурно, если бы бойскауты несколько модернизировали традицию помощи пожилым дамам при переходе улиц, сосредоточив свое внимание на жабах.

Конечно, как и всегда, кое-какие прудовые сцены были сняты в искусственно созданных условиях, и эти кадры были превосходны. Например, с забавной крошечной рыбкой горчак, использующей двустворчатого моллюска в качестве няньки своих детей. В брачный сезон у самки вырастает длинный, белый, слегка изогнутый, похожий на

пластмассовый яйцеклад. В сопровождении самца самка отправляется на поиски няни.

Пресноводные двустворчатые моллюски, четырех-пяти дюймов длиной, лежат на боку, зарывшись в тину, напоминая овальную плоскую гальку. На одном конце раковины моллюска имеются два сифона — один вводной, другой выводной. Засасывая воду через вводное отверстие и забирая все, что в ней содержится съестного, моллюск выпускает отфильтрованную воду через другой сифон. Оба сифона похожи на маленькие круглые рты и могут плотно закрываться, когда животное почувствует опасность. Горчаки, казалось, прекрасно об этом осведомлены; выбрав подходящую раковину, они подплывают к ней и начинают настойчиво толкать ее головами. Испуганный моллюск крепко захлопывает ставни.

Но рыбешки не прекращают атаку, и моллюск, решив, что продолжительные толчки вряд ли означают какую-нибудь опасность, расслабляется, приоткрывает створки сифона и продолжает процеживать воду. Этого только и ждали горчаки. Самка зависает над раковинной, опускает свой длинный яйцеклад в выводное отверстие и начинает откладывать яйца, похожие на крошечные белые пинг-понговые шарики. (До того как эти кадры были сняты, ученые считали, что для кладки яиц используется вводной сифон.) Как только яйца отложены, самец подплывает и оплодотворяет их. Иногда, вынимая из сифона яйцеклад, самка случайно захватывает какую-нибудь икринку, которая тут же съедается одним из родителей. Мотовство до нужды доведет — в данном случае это не просто поговорка, а непреложный закон природы.

После того как партия икринок отложена и оплодотворена, мать и отец начисто забывают о своем

потомстве, оставив его на попечение няни. Занятно, не правда ли?

Но дальше происходят еще более любопытные вещи.

Ко времени появления на свет маленьких рыбок моллюск тоже успевает отложить икру, из которой появляются будущие моллюски, похожие в младенчестве на крошечные, утыканные крючочками кастаньеты. С помощью крючочков кастаньеты прикрепляются к рыбкам, и когда те покидают раковину, они уносят на себе малышей-моллюсков, которые, отцепившись от них через какое-то время, опускаются на дно и начинают самостоятельную жизнь вдали от родительского гнезда.

Нам удалось также запечатлеть жизнь необычного паука. Вряд ли кому придет в голову мысль искать паука на дне пруда, но водяной паук-серебрянка именно там и живет. В зарослях водорослей он сооружает нечто вроде водолазного колокола — шелковую перевернутую вверх дном чашу, которую заполняет принесенными с поверхности на мохнатых лапках пузырьками воздуха. Вокруг этого колокола он плетет сеть, как и обычные пауки, а сам скрывается в подводном доме и ждет, пока головастик, гребняк или еще какая-нибудь добыча попадет в западню. Когда-то один из натуралистов упомянул о том, что, когда воздух в жилище паука становится спертым, паук заменяет его свежим; но так как подобное заявление позже никем не подтвердилось, то наблюдение это сочли ошибкой. Нам удалось не только наблюдать, но и заснять этот удивительный процесс. Паук подбирается к вершине колокола и слегка надрывает шелковую сеть, чтобы освободить пузырьки воздуха; подхватывая их лапками, он всплывает на поверхность, а на обратном пути приносит пузырьки свежего воздуха и

наполняет ими купол — точь-в-точь как хозяйка вытряхивает пепельницы и проветривает комнату после ухода гостей.

Пожалуй, одними из самых невероятных существ, которых нам удалось заснять, были превосходно акклиматизировавшиеся в водной среде планарии. Это странные эклероподобные существа, которые скользили в тине быстро, словно ртуть, и казались сделанными из влажного черного бархата. Они относятся к типу плоских червей и слегка похожи на водяных слизней. Планарии — гермафродиты: у каждой особи имеются женские и мужские половые органы, вырабатывающие соответственно яйцеклетки и сперму. Но яйцеклетки одной особи могут оплодотворяться только спермой другой особи. Питаются они в основном дохлыми головастиками и мелкой рыбешкой, вгрызаясь в мертвечину и высасывая из нее соки. Долгое время планарии могут вообще обходиться без пищи, становясь с каждым днем все меньше и меньше, ибо в буквальном смысле поедают самих себя. Еще одна любопытная особенность: рот служит как для приема пищи, так и для выброса экскрементов. Процесс воспроизводства в полной мере можно отнести к области научной фантастики: если любое из отложенных планарией яиц будет случайно разрезано пополам, то из двух половинок яйца выйдут две совершенно нормальные жизнеспособные особи. Некоторые виды играют сами с собой в игру наподобие перетягивания каната, разрывая себя надвое и способствуя таким образом увеличению популяции. Серия любопытных опытов, проводившихся на американской планарии, продемонстрировала, что с помощью слабого электрического разряда их можно научить отличать черный туннель от белого при выборе правильного выхода из лабиринта. Более того, если животное разрезать надвое, то обе половинки отлично помнят

усвоенный урок. И в довершение всего оказывается (правда, это пока еще только гипотеза), что если “ученого” собрата сожрет неуч, то последний унаследует “знания” жертвы. Если гипотеза подтвердится, она откроет одну из самых ярких страниц в изучении поведения животных. Невольно напрашивается сравнение: стоит недотепа-ученику угоститься учителем (предварительно хорошенько его прожарив) — и вот он уже первый в классе! Как тут не вспомнить одно из древних поверий: если съесть побежденного в битве противника, его сила и храбрость перейдут к вам.

А теперь познакомлю вас еще с двумя прудовыми сюжетами, включающими катание на лодке и скольжение по воде на специальном приспособлении, которое мы шуточно окрестили “водоступами”. “Водоступы” устроены довольно необычно. Представьте себе два шестифутовой длины каное, соединенных между собой жестким креплением; сзади к каждому каное прикрепляется что-то вроде половинки резинового или пластмассового дельфиньего хвоста, и перед вами — приблизительная картина этого курьезного средства передвижения. Пользуются ими так. Вы становитесь в разные каное, проталкивая ступни вперед таким образом, чтобы упереться пальцами в парусиновый носок, а затем беретесь за руль — длинный шест, соединенный с бортами вашего судна, и с помощью кого-нибудь из посторонних выходите на старт. Как только вас спустили на воду, вы начинаете бить по воде ногами. При этом движении обе половинки дельфиньих хвостов хлопают по воде, продвигая вас вперед. Работая ногами, вы так устаете, что скоро чувствуете даже те мышцы, о существовании которых и не подозревали. К тому же занятие это небезопасное — если вы потеряете равновесие и упадете, ноги из парусины, закрывающей каное, вытащить

совершенно невозможно; поэтому в ожидании, пока кто-либо придет вам на помощь, вы можете преспокойно утонуть.

Лодка, которую Джонатан раздобыл для съемок, была величественным, длиной около десяти футов, широченным баркасом, похожим на толстого жука, с облупившейся, словно кожа у незадачливого загоральщика, краской с бортов. Пока я прилежно утаптывал водную гладь “водоступами”, Джонатан с оператором и кинокамерой сопровождали меня на лодке. Как только Джонатан решил, что сцена с “водохождением” удалась, наш доблестный звукооператор Брайан, с завистью следивший за моим водным дебютом, возжелал испробовать себя в этой новой для него роли. Взяв удачный старт, он уверенно прошел круг, но при подходе к берегу с ним случилась неприятность. Попав на мелководье, он потерял равновесие, упал набок и остался лежать, не в состоянии выдернуть ноги из “водоступов”, отчаянно работая руками, чтобы не захлебнуться. Хорошо, что было неглубоко, всего около двух футов; он оперся о дно рукой, стараясь держать голову на поверхности. Случись подобная история в более глубоком месте и не окажись поблизости людей, он вполне мог бы утонуть.

В следующей сцене предполагалось снять меня и Ли в лодке, где я объясняю телезрителям, что настоящему натуралисту-любителю нет смысла тратиться на дорогостоящее оборудование: если привлечь на помощь смекалку, можно из подручных средств, таких, например, как крючок от вешалки, сделать вполне приличный дрек, чтобы доставать водоросли со дна водоема. (Ведь каждому натуралисту хорошо известно, что лучшие виды водорослей растут на самой большой глубине непременно в центре пруда.) Но идиллическая картина нашего с Ли катания на лодке по тихому пруду, в соломенных шляпах, далась нам не

так просто. Начну с того, что лодка оказалась вовсе не такой большой; в ней было тесно даже нам двоим. Когда же в лодку кроме нас набились еще оператор со своим помощником, звукооператор и режиссер, она так глубоко погрузилась, что чуть не зачерпнула воды. Потом наше многострадальное суденышко, управляемое моей несчастной женой, долго кружило по пруду, пока удовлетворенный съемкой Джонатан не положил конец нашим страданиям.

Оставив за спиной вспухший от дождей пруд, а заодно и холодную мокрую Англию, мы перенеслись через Атлантику в то место, которое сами американцы, неведомо почему, называют Биг Эппл¹⁶, — в город Нью-Йорк. Здесь под руководством Аластера, опекой Паулы и с помощью оператора Роддерса мы собирались показать, что для настоящего любителя-натуралиста даже такой огромный современный город может стать местом увлекательных природных открытий. Аластер приветствовал нас так, как это может делать только он и никто больше — ухмылка во весь рот, горящие глаза, голова набок (горе-вешатель и в этот раз умудрился затянуть узел где-то под левым ухом).

— Черви, — выпалил он вместо приветствия, — черви, буравящие землю, словно дождевые струи... кладбище... уйма жизни на кладбище.

Я попытался представить себе все виденные мною когда-либо в жизни кладбища — одни строгие и белые, словно больничные палаты, другие заросшие мхом и лишайником, где приходится сначала поработать ножом, чтобы очистить и прочесть полустертые от времени надписи на могильных плитах. Я ни разу в жизни не нарушал могильного покоя, теребя плиты в поисках живых существ.

---

¹⁶ Биг Эппл — большое яблоко (англ.).

Правда, сама идея — поисков жизни на кладбище — была довольно свежей и оригинальной и вполне в духе свойственного Аластеру черного юмора. Итак, мы отправились на кладбище Калвари.

Не подумайте, что это было обычное кладбище, из тех, на которых хоронят простых смертных, вроде нас с вами. Здесь находились чудовищные с куполами и портиками мини-мавзолеи — нечто среднее между Акрополем и собором святого Павла, в которых, насколько я мог судить, покоились останки неких незабвенных Луиджи Вермишелли или Гвидо Пармезана. Кладбище располагалось на холме, и каждый памятник был белым и чистым, словно снежный склон или только что вылезший из земли гриб. Картина казалась особенно жуткой, когда, стоя на вершине холма, вы смотрели вниз, видя перед собой нескончаемые ряды памятников, плавно переходящих в очертания нью-йоркских небоскребов, которые словно бы отражали и расширяли границы кладбища, становясь его частью. Трудно было сказать, где кончались небоскребы и начинались могилы. Вам начинало казаться, что небоскребы — это гигантские мавзолеи, и в голову невольно приходила мысль: стоит ли тратить на мертвых такое количество пригодной земли. Правда, мои сомнения относительно возможной жизни на кладбище вскоре были развеяны.

Оказывается, не одни только черви жили здесь, усердно роя землю; фазаны и канадские казарки выводили птенцов между могилами, а лисицы и еноты выращивали свое потомство под сенью мавзолеев, принадлежащих итальянским мертвецам. “Как чудесно, — думал я, — что даже здесь, в Нью-Йорке, ты можешь спокойно умереть, убаюканный мыслью, что теплый симпатяга-енот будет растить детей на твоей холодной груди”.

Путь из царства мертвых на городскую мусорную свалку показался мне вполне закономерным. Зрелище неимоверного количества отбросов, созданных конгломерацией человекообразных существ, которые одни из всех обитающих на Земле животных могут позволить себе роскошь столь чудовищного расточительства, производило самое удручающее впечатление. Перед нами, пополняясь каждый час, лежала гигантская, копошащаяся, разноцветная куча мусора. Расточительность всегда была мне глубоко омерзительна; часто в Африке и Южной Америке мне приходилось видеть людей, пользующихся пустой консервной банкой, обрывком веревки и клочком бумаги размером с ноготь для удовлетворения своих самых насущных потребностей. Правда, в этих же странах, например в Аргентине, из окна гостиницы я наблюдал за тем, как подъезжал фургон и нагружался так называемыми отбросами — слегка надломленными кусками хлеба; едва надрезанными, толщиной с том Британской энциклопедии, лангетами; горами бобов и прочих овощей, способными в течение многих месяцев кормить не одну индейскую деревню. В самой Америке я знал не одну семью, где, как по наивности полагал, все члены страдают от неизлечимой болезни обмена веществ; лишь позже я узнал, что их феноменальная тучность была вызвана обжорством. Попади они миссионерами в богом забытую колонию на Новой Гвинее, то-то было бы радости какому-нибудь племени каннибалов. Правда, у чаек эти огромные мусорные кучи считались лучшим рестораном Нью-Йорка, и они слетались сюда тысячами, кружили, кричали, дрались друг с другом, камнем бросались сверху, углядев лакомый кусочек. То обстоятельство, что свалка давала пищу эскадрильям

красавиц-птиц, в какой-то мере оправдывало чудовищную расточительность людей.

Мы демонстрировали нашим телезрителям один из самых отталкивающих, грязных, прекрасных и необычных городов Земли. После кладбища и свалки мы посетили городские трущобы, сняв бродячих собак и кошек; показали, как живут в каменных джунглях голуби и крысы. Жизнь кипела даже на высоте выстроенного из стекла и бетона пятнадцатого — или двадцатипятиэтажного дома: в телевизоре жили чешуйницы, на ковре — тараканы, а между стенных панелей — мыши.

Наконец наступил незабываемый день, названный нами Днем Битвы 87-го квартала.

Среди наших нью-йоркских помощников-натуралистов оказалась очаровательная Хелен Росс Рассел, посвятившая много лет изучению местной флоры и фауны и написавшая на эту тему ряд чрезвычайно интересных книг. Она точно знала, на каком небоскребе гнездились сапсаны, где лучше всего найти крыс и на каком теннисном корте воровали мячи еноты. Обладая огромным запасом подобного рода знаний, могущих пригодиться только избранным, она оказала нам неоценимую помощь. В наши замыслы входило показать жизнь, процветающую на небольших, незастроенных участках земли, которые в Америке именовались собачьими площадками, а в Англии — чем-то вроде пустырей. Не устаешь поражаться, как в самом центре больших городов жизнь неумолимо берет свое. Первопроходцы жизни — мхи и лишайники; за ними появляется сорная трава, а уже потом, пробившись сквозь асфальт и мусор, — даже деревья. Стоит растениям немного обжиться, как объявляются поселенцы, многочисленные представители отряда беспозвоночных — многоножки, пауки,

улитки, за которыми следуют птицы, мыши, а иногда жабы и змеи. Таким образом, даже обычный пустырь может оказаться для натуралиста-любителя местом обильного сбора дани.

Для съемок Аластер нашел отличный пустырь. Он находился на углу 87-й улицы и был огорожен с двух сторон глухими стенами высоких домов. Две другие стороны находились на перекрестке оживленных улиц. Пустырь использовался владельцами собак для выгула своих питомцев, поэтому вся территория была, мягко говоря, прилично удобрена. Заваленная строительным мусором, грудями пустых консервных банок и старыми вывесками типа “Полицейский участок”, она в изобилии поросла сорняками; имелось даже несколько деревьев. Площадка была неровной, со множеством выбоин, в которых скопилась вода, образовав большие лужи; последние использовались окрестными голубями и воробьями в качестве плавательных бассейнов вкупе с барами прохладительных напитков. Итак, на нашей площадке обитали пауки, улитки, многоножки, птицы и собаки, а по ночам, несомненно, мыши, крысы и кошки. У пустыря, с нашей точки зрения, был один серьезный недостаток — на нем не было коконопрядов. Это нас и погубило.

Коконопряды — одни из главных вредителей зеленых насаждений в США. Эта их особенность, однако, не мешает им быть чертовски милыми существами (что неудивительно, ведь такое часто встретишь и у людей). Самка коконопряда после спаривания откладывает яйца, в которых образуются личинки, но они остаются лежать в состоянии покоя до следующей весны. Личинки способны выдерживать очень низкие температуры, заменяя часть жидкости своего тела на вещество, называемое глицерином, который по свойствам напоминает антифриз. С приходом весны личинки дружно

“вылупляются” из яиц и всей семьей (именно так называют их сообщество) начинают плести шатер для жилья. Шатры выполняют еще одну функцию, действуя наподобие миниатюрных теплиц. Они расположены так хитро, что собирают максимум утреннего и полуденного солнца. Как установили ученые, при наружной температуре воздуха всего в 18°C температура под шелковым пологом доходила до 36°C.

Направляясь из своего шатра к местам кормежки, гусеницы тянут за собой тонкую шелковую нить, выходящую из бородавки на нижней губе. Передвигаясь по ветвям, они создают своего рода шелковую дорогу, которая совершенствуется и расширяется идущими по их следу братьями и сестрами. Но это еще не конец истории. Мы подошли к самой интересной части нашего повествования, приоткрывающей завесу над естественнонаучной детективной историей. Ученые открыли (во всяком случае, так они утверждают), что каждая гусеница ароматизирует свой след и по ее запаху сородичи узнают кратчайший путь к местам кормежки; таким образом, шелковая нить — это пахучий указатель к лучшему пастбищу. Ученых заинтересовал секрет, выделяемый из хвостовой части на животе гусениц. Его можно было сравнить с тянущимся за идущей по комнате женщиной шлейфом духов “Шанель № 5” с той лишь разницей, что аромат духов означал вероятное любовное свидание, а секрет гусениц — наличие поблизости продовольственного склада. И духи, и секретлируемое вещество “работают” по одному и тому же принципу, правда, цели у них разные. Одна из ученых, женщина с оригинальным, нестандартным мышлением по имени Джейн Игерли, сделала необычное открытие. Она увидела, что одна из подопытных гусениц поползла по начерченному ею в

тетради следу карандаша. Может быть, что-то в карандашном грифеле напомнило едва уловимый запах гусениц? После исследований различных видов карандашей оказалось, что в состав некоторых грифелей входили добавки говяжьего или рыбьего жира, возбуждавшие гусеницу и наводившие ее на мысль о сочных зеленых листьях. Далее выяснилось, что независимо от вида добавленных жиров гусеница способна различать степень твердости карандаша одного и того же вида. Исследования в этом направлении продолжаются, и, несомненно, предстоит сделать еще немало удивительных открытий. Узнав так много о жизни гусениц, мы пришли к выводу, что в нашем рассказе о жизни животных в городе будет несправедливо обойти молчанием эту существенную страницу, и потому решили показать частную жизнь коконопряда — этого главного вредителя городских зеленых насаждений.

Но, как я уже сказал, хоть на нашем пустыре и росла вишня — любимое дерево коконопрядов, — самих гусениц не было. Экстренное совещание на высоком уровне обнародовало тот факт, что на сей раз наш бюджет выдержит не предусмотренные сметой расходы по импорту и транспортировке нескольких экземпляров гусениц, обитавших в той части города, где жила Хелен, и подвергавшихся вследствие своей большой численности всяческому остракизму. Мы намеревались рассадить их на вишневое дерево на нашем пустыре и заснять, а после окончания съемки непременно возвратит в родные пенаты.

Итак, съемочная группа принялась за дело. В очередной раз мы с благодарностью воспользовались феноменальными способностями Паулы. Несколько кадров снимали с крыши стоявшего через дорогу здания, вследствие чего голосовые связки и легкие нашего продюсера

подверглись очередному испытанию. Только благодаря силе ее голоса и исключительно четкой дикции, мы смогли уловить все команды, которые она громовым голосом, перекрывая шум бесконечного потока ревущих, гудящих и сигналящих машин, выкрикивала с крыши пятиэтажного дома. Сняв большую часть кадров, мы перешли к сцене с коконопрядами. С величайшими предосторожностями их вынули из фургона; каждая облепленная гусеницами ветвь вишневого дерева была тщательно завернута в тончайшую ткань. Благоговейно мы поднесли ветви с гусеницами к нашему дереву, кривобокому и низкорослому, как истинное дитя трущоб; но, несмотря на ущербность, оно дерзко бросало вызов Нью-Йорку, вознамерившемуся его погубить. Ветви привезенной вишни вместе с гусеницами, их шатром и шелковыми автомагистралями аккуратно прикрепили к ветвям нашего уродца, так что сооружение выглядело даже более натуральным, чем настоящее дерево. В это время мы заметили, что к нам присоединилась некая дама, которая с нескрываемым любопытством наблюдала за нашими действиями.

— Интересно, а что это вы тут делаете? — спросила она, колыхнув мощным торсом, втиснутым в обтягивающие брюки и джинсовую куртку.

Аластер обернулся с милой улыбкой, держа голову немного набок. К счастью, пока он окончательно не запутал и без того озадаченную даму, вмешалась Паула.

— Мы снимаем фильм о жизни животных в городе, — любезно объяснила она. — Хотим показать, что даже в центре такого города, как Нью-Йорк, природа все же продолжает существовать.

— Так вот зачем здесь клопы, — предположила дама.

— Вы правы, — мягко ответила Паула. — Правда, они называются коконопряды.

— Их здесь не было, — уточнила дама. — Это вы их сюда притащили.

— Да, конечно. Видите ли, их почему-то действительно здесь не было и нам пришлось привезти их для съемок из другого места, — объяснила Паула, начиная чувствовать себя несколько неловко под тяжелым немигающим неандертальским взглядом дамы.

— А коли их не было, так какого черта вы их приволокли? — спросила она.

— Для фильма, — отрезал Аластер, который как раз обдумывал, в каком направлении следует двигаться гусеницам: справа налево или слева направо и как им об этом сообщить.

— Мошенники! — рявкнула дама, выходя из состояния ступора и впадая в состояние спора с ближним, характеризующимся общеизвестной стойкой с широко расставленными ногами и руками, упертыми в бока. — Вы их сюда притащили, их здесь не было. Мошенники. Вы специально приволокли сюда этих клопов.

— Ну конечно, мы принесли их сюда, — раздраженно ответил Аластер, плавное течение мысли которого было грубо прервано. — Если бы мы их не принесли, нам некого было бы снимать.

— Все равно мошенники, — упорствовала дама. — И все вы врете.

— А вы никогда не задумывались, мадам, — выступая в роли миротворца, произнес я, — о том, что девяносто процентов фильмов о природе, как и фильмы Уолта Диснея, все подделаны? И вообще, весь процесс создания фильмов в каком-то смысле подделка. Равно как и портрет, сделанный

портретистом, и нарисованный пейзажистом пейзаж. Все они, как бы вам это объяснить, выставляют природу в более выгодном свете.

— Уолт Дисней не мошенник, — взревела дама, начиная проявлять агрессивность саблезубого тигра, чувствующего, что его пытаются заманить с ловушку. — Уолт Дисней американец. А вы мошенничаете, да еще на нашей территории.

— У нас есть разрешение из мэрии, — сказала Паула.

— А вы у нас спросили разрешение, у домового комитета 87-й улицы? — надувшись, словно индюк, заклокотала она.

— Нам казалось, что подобные разрешения — прерогатива мэрии, — сказала Паула.

— Да ваша мэрия, тьфу, по сравнению с домовым комитетом 87-й улицы, — выпалила дама.

— Ну знаете... для некоторых... небоскребы... масса жизни... гусеницы, — вставил Аластер, добавляя нотку безумия в и без того усложнившуюся дискуссию.

— Вот сейчас пойду и доложу все домовому комитету 87-й улицы, — пообещала дама. — Тогда посмотрим, кто вам позволит мошенничать.

Она удалилась решительным шагом, и мы облегченно вздохнули. Но радость наша была недолгой. Аластер пытался втолковать коконопряду, что от него требуется, но тот, к сожалению, ни слова не понимал по-английски. В это время возвратилась наша дама в сопровождении еще одной — настоящей мегеры, будто вылупившейся из змеинового яйца, со сверлящим, словно лазер, взглядом — типичная представительница такого сорта людей, которые во всем видят только плохое. За ней, вероятно для подмоги, следовал человек, словно когда-то, в далекой юности, сделанный из

картона и непрерывно мокший под дождем всю оставшуюся жизнь.

— Что здесь происходит? — спросила Мегера.

Пока Паула терпеливо рассказывала ей о фильме, который мы собирались снимать, Аластер раздраженно кружил рядом.

— А что вы делаете с нашей площадкой? — осуждающе спросила Мегера, словно это был не пустырь, где можно было по уши утонуть в собачьем дерьме, а по крайней мере Кью-Гарденс.

— Они портят нашу природу, — влезла Неандерталка. — Понатащили с собой кучу клопов и мошеничают.

— Клопов? — воскликнула Мегера, сверкнув глазами. — Каких клопов?

— Этих, — ответил Аластер, показывая на дерево. — Правда, это не клопы, а коконопряды.

— Коконопряды? — взвизгнула Мегера. — Вы посмели принести сюда коконопрядов?

— Но их же здесь не было, — пояснила Паула.

— Правильно, не было, — сказала Мегера. — И мы не хотим, чтобы они здесь были.

— Но мы привезли их только для того, чтобы снять фильм, — объяснила Паула. — Как только мы пройдем эту сцену, мы тут же заберем их назад.

— Мы не хотим, чтобы на нашей площадке были коконопряды, — повторяла Мегера, в голосе которой появился металл.

— Возмутительно, — подал голос Картонный Человечек. — Я двадцать пять лет в журналистике и впервые слышу, чтобы мошеничали с природой.

— Если вы работаете журналистом двадцать пять лет, то, думаю, не раз сталкивались и не с таким мошенничеством, — с легким раздражением сказал я. — Вам должно быть хорошо известно, что фильмы о природе снимаются с некоторой долей трюкачества.

— А еще он сказал, что Уолт Дисней мошенник, — вставила Неандерталка, что, по ее мнению, было равнозначно разжиганию костра крестом господним.

— Возмутительно, — подтвердил Картонный Человечек. — Ни один уважающий себя журналист никогда не опустится до мошенничества.

— И оскорблений Уолта Диснея, — добавила Неандерталка.

— О господи, — простонал Аластер, — мы же теряем свет.

— Все, что мы сделали, — терпеливо объясняла Паула, — это привязали к ветвям вашей вишни две привезенные с собой ветви другого вишневого дерева с несколькими коконопрядами. Как только мы закончим съемку...

— Вы хотели сказать подделку, — возмущенно воскликнул Картонный Человечек, — вещь, недостойную истинного журналиста.

— Как только мы закончим съемку, — невозмутимо продолжала Паула, — мы тут же заберем их назад.

— А куда это вы их заберете? — спросила Мегера.

— Туда, откуда взяли, — отрезал Аластер. — Там для них более благоприятный климат.

— Вы имеете что-нибудь против 87-й улицы? — спросила Мегера.

— Да кто вы вообще такой, чтобы критиковать 87-й округ? — спросил Картонный Человечек. — Не иначе как англичанин или, быть может, бостонец?

— Послушайте, — сказала Паула. — Нам нужно еще ровно пять минут, чтобы доснять сцену, а дальше мы все сложим и оставим ваш пустырь таким же, каким он был прежде.

— Мы не позволим использовать наш пустырь для подделок, — сказала Мегера. — Это наш пустырь, а не ваш.

— Но мы же никому не мешаем, — умоляла Паула. — Если уж на то пошло, то собачники, выгуливающие здесь собак, приносят гораздо больше вреда.

— Вы приволокли сюда клопов, — сказала Неандерталка. — Стоит только глазом моргнуть, и они расселятся по всей 87-й улице.

— Мой бог, — простонал Аластер, — да это же просто смешно.

— Вам, может, и смешно, а нам нет, — произнесла Мегера. — Приходите сюда, разбрасываете повсюду коконопрядов и думаете, что нам все равно.

— Как по-твоему, у Альфреда Хичкока тоже были такие проблемы? — обратился я к Аластеру.

— Требую немедленного вывода клопов с нашего пустыря, — сказала Мегера.

— Я присоединяюсь к этому требованию, — сказал Картонный Человечек.

— Да уберем мы их, — закричал Аластер, — после того как снимем!

— Мы не позволим никакого мошенничества на нашем пустыре, — повторила Мегера.

Этот нелепый диалог продолжался еще какое-то время, пока наконец эти три личности и наступившие сумерки не

вынудили нас убрать коконопрядов в фургон и уехать с пустыря. Только после того как Мегера лично убедилась, что коконопряды убраны и заперты на замок, она удалилась.

Каким бы досадным и неприятным ни казался нам тогда этот инцидент, по прошествии времени он все же вызывает некоторую долю симпатии. Было приятно сознавать, что в таком огромном, беспардонном и внешне равнодушном городе попадались люди, готовые защищать даже какой-то паршивый пустырь, усеянный собачьими колбасками.

ФИЛЬМ ДЕСЯТЫЙ

Оставив неугомонный, вечно спешащий Нью-Йорк, мы вновь перенеслись в Европу, в одну из моих любимых стран — Грецию, чьи море и небо так невероятно сини, а воздух столь чист и прозрачен, что ни одно другое место на Земле не может с ней сравниться.

По замыслу этой серией должна была открываться наша программа, но так как на телевидении все обычно делается шиворот-навыворот, то неудивительно, что мы снимали ее последней. Благородной задаче создателей фильма — посвящению обыкновенных людей в страстных любителей-натуралистов — как нельзя лучше (по мнению Джонатана) способствовал сам дух острова Корфу, дух, пробудивший во мне еще в детские годы живой интерес к природе, ставший делом всей моей жизни. Лично мне затея

нашего режиссера пришлось по душе — в последние годы, несмотря на приглашения многочисленных друзей, мне никак не удавалось приехать на Корфу; к тому же Ли никогда еще там не была.

Остров из-за нестихающего туристического бума отчасти утратил первозданную прелесть, но, несмотря на происшедшие перемены, он все еще полон неизъяснимого очарования. Поэтому я горел желанием показать Ли те его уголки, которые сохранились нетронутыми со времен моего детства. Повезло нам также и с проводником. Им оказалась жившая на Корфу и прекрасно говорившая по-гречески моя старая знакомая Энн Питерс, которая и предложила нам свои услуги. Когда-то Энн работала моим секретарем и сопровождала меня во время съемок фильма в Сьерра-Леоне, а позже в экспедициях по спасению редких и исчезающих видов животных в Австралии и Патагонии; поэтому ей, как никому другому, были хорошо известны сложности, возникающие в процессе работы над фильмом вообще и при создании фильма о животных в особенности.

— Интересно, где мы будем жить? — спросил я Джонатана.

— В “Корфу-Паласе”, — ответил он.

Я уставился на него, не веря собственным ушам. “Корфу-Палас” был старейшим и самым знаменитым отелем острова, сооруженным где-то в начале века. Правда, его месторасположение наводило на мысль о довольно оригинальном складе ума выдающегося зодчего: отель находился на окраине города на берегу широкого залива в том месте, где сточные воды со всего острова изливались в море, наполняя всю округу, особенно летом, таким ароматом, что даже собаки предпочитали обходить его стороной.

— Чья это идея? — поинтересовался я.

— Энн, — ответил Джонатан.

Я вытаращился на Энн, подумав о том, что длительное пребывание на Корфу явно не пошло на пользу ее разуму.

— Ты что, с ума сошла? — возопил я. — Во-первых, стоимость номеров выльется в астрономическую сумму, если, во-вторых, мы вообще доживем до оплаты, а не умрем раньше от жуткой вони, и, в-третьих, кто позволит нам держать в отеле со столь аристократической репутацией наших бабочек и черепах?

— Не беспокойся, я все уладила, — невозмутимо ответила Энн. — Во-первых, наш управляющий, которого зовут Жан-Пьер, оказался очень симпатичным человеком. Он согласился предоставить нам номера с довольно приличной скидкой. Во-вторых, что касается канализации — то эту проблему тоже недавно решили. В-третьих — и это самое важное, — Жан-Пьер просто помешан на пресмыкающихся.

Перед тем как ответить, я немного подождал, чтобы успокоиться.

— Теперь я понял, что вы все здесь немного с приветом, — убежденно проговорил я. — Я и раньше предполагал, что климат Корфу располагает к подобному поведению, но не до такой же степени. Чтобы герпетолог управлял одним из лучших на острове отелей — в это просто трудно поверить.

— И тем не менее это так, — подтвердила Энн. — На верхнем этаже у него есть несколько номеров, где постоянно живут всевозможные змеи, черепахи и ящерицы. Более того, он любезно предложил нам свою помощь в отлове требующихся для съемок пресмыкающихся.

Я сдался. Остров Корфу и прежде был полон чудачков не меньше, чем сундук иллюзиониста сюрпризов. Мне же

осталось только констатировать, что способность эту он не утратил и поныне.

Остров по форме немного напоминает кинжал, брошенный в голубые воды Ионического моря примерно посередине между греческим и албанским берегами. В давние времена он часто менял хозяев, переходя из рук в руки, заимствуя от них черты, которые считал для себя наилучшими, и умудряясь при этом оставаться самим собой. В отличие от других областей Греции остров покрыт буйной растительностью; когда-то, будучи частью Венецианской республики, Корфу являлся поставщиком оливкового масла, в связи с чем там были разбиты плантации оливковых деревьев. Теперь большая часть острова находится под сенью серебристо-зеленых крон раскидистых корявых великанов-деревьев. Среди олив указующими в небо перстами возвышаются группы темно-зеленых кипарисов. Вся эта местность, залитая лучами ослепительно-яркого солнца, в обрамлении величаво-голубого моря, оживляемая неумолчным хором цикад, очень походит на библейскую картину. Из всех замечательных и запомнившихся на Земле мест, в которых мне удалось побывать, Корфу, пожалуй, можно назвать моей второй родиной, ибо именно здесь, под ласковым солнцем юга я научился видеть и любить окружающий меня мир.

Благодаря некоторому несовершенству в расписаниях авиалиний нам удалось провести несколько часов в Афинах: времени хватило как раз на то, чтобы пробежаться по Акрополю, полюбоваться сменой караула у королевского дворца и отведать восхитительные дары моря в портовом кабачке в Пирее. Надо отдать должное грекам — в умении их готовить им нет равных. Далее наш путь лежал на Корфу.

Хотя мы попали на остров ночью, светившая в небе громадная желтая луна заливала ярким светом и дорогу, по которой мы ехали, и поросшие оливами склоны холмов, и поверхность моря, которая из-за легкого бриза казалась усыпанной миллионами лепестков лютиков. Поужинав отлично приготовленной местной рыбой и запив ее бутылкой отменной бледно-янтарной, вобравшей в себя аромат всех сосновых лесов мира рециной, мы тут же завалились спать. Даже усевшаяся прямо на перила балкона луна не смогла надолго приковать к себе наше внимание.

На следующее утро за завтраком к нам подошел Жан-Пьер. Он был коренаст, темноволос, с лукавыми карими глазами и чудесной открытой улыбкой. К смутению и ужасу ничего не подозревающих постояльцев, мирно завтракающих среди цветочных клумб, он по очереди вытащил из нескольких полотняных мешков огромнейшего ужа, а затем желтопузика, который, казалось, был отлит из бронзы. Но это было еще не все. Жестом фокусника, достающего из шляпы кролика, он перевернул баул, откуда на мраморный пол дворика низвергся водопад черепашек — черно-зеленых, в желтую крапинку с золотистыми, словно у леопардов, глазами.

— К сожалению, это все, что мне удалось пока раздобыть, — огорченно произнес он, в то время как пришедшие в себя после падения черепахи начали стремительно расползаться по углам. В следующие пять минут при гробовой тишине он собрал их всех и снова сложил в баул.

— Где вам удалось их поймать? — поинтересовался я.

— Я встал довольно рано и отправился на озеро Скоттини, — ответил он. — Оно находится в центре острова.

— О, эти места мне хорошо знакомы, — заметил я. — Я сам частенько бродил там в поисках нужных мне животных.

— Отличное место, — подтвердил Жан-Пьер.

— А мы как раз собираемся снимать сюжет с пресноводными черепахами, — вмешался в разговор Джонатан, который несколько недель назад слетал на Корфу и произвел предварительную рекогносцировку. — Представим, что вы идете к озеру, а черепахи сидят на берегу. Ты и Ли осторожно к ним подкрадываетесь, а они пока занимаются своими обычными делами, например...

— ...с нетерпением ожидают нашего прихода, — продолжал я. — Не иначе, как ты с ними обо всем заранее договорился. А может, они даже прочли сценарий? Или подписали контракт? Лично я отказываюсь иметь дело неизвестно с какими черепахами, которые в глаза не видели контракта, не умеют себя вести, не слушают указаний режиссера и, что хуже всего, начисто забывают роль. В конце концов, на карту поставлена моя репутация.

— Я уверен, — сказал Джонатан, бросая на меня уничтожающий взгляд, — что на сей раз они будут паиньки.

— А где мы будем их держать? — спросил я.

— Как где? В ванне, — совершенно серьезно ответил Жан-Пьер.

Представьте себе на минуту, что управляющий “Клариджа” или “Уорлдорф-Астории” предлагает вам поселить у себя в номере стадо бородавочников!

— Вот здорово, — обрадовалась Ли. — А когда ванна потребуется нам самим, мы будем их вынимать.

— Да, уж не забудьте, пожалуйста, — заключил Жан-Пьер, — а то они не любят мыла и горячей воды.

По-моему, подобные разговоры могут происходить только на Корфу. Поднявшись в номер вместе с пресмыкающимися, мы наполнили ванну водой и выпустили черепах. Змеи были оставлены прямо в мешках. Затем мы отправились в самую северную часть острова, в местечко Коулоура, где Джонатан собирался заснять наше “прибытие” на Корфу на каике — бочкообразной, ярко раскрашенной греческой рыбацкой лодке, являющейся неотъемлемой принадлежностью греческого пейзажа.

День выдался умеренно жарким, с прозрачным, словно кристалл, голубым небом. Море было синим и спокойным; только с материка, с отлично видных через пролив коричневых пологих холмов Албании и Греции, едва долетал легкий ветерок. Мы ехали под плотным прохладным балдахином серебристо-зеленых листьев. Неповторимые, словно отпечатки пальцев, кряжистые великаны-оливы с похожими на пемзу, изъеденными временем дуплистыми стволами, будто бесформенные колонны поддерживали высокие кроны. Вынырнув из прохлады оливковых зарослей, мы двинулись по дороге, вьющейся по склонам самой высокой на острове горы — Пантократора. С одной стороны дорога почти отвесно обрывалась вниз к сияющему морю, с другой подпиралась уходящими в небо скалами; там,верху, среди красновато-коричневых, золотистых и белых уступов мелькали, словно черные стрелы, горные ласточки, строя из грязи и обломков скал свои удивительные гнезда, похожие на половинки бутылок из-под кьянти.

Вскоре мы свернули на крутую, извилистую, ведущую к морю дорогу, обсаженную необычайно высокими темно-зелеными кипарисами, которые были почти такими же почтенными великанами еще в 1935 году, когда я приехал сюда впервые. Отсюда открывался вид на лежавшую внизу,

словно крошечный изогнутый лук, гавань Коулоура, на одном конце которой находится, вероятно, самая красивая на Корфу вилла, принадлежащая моим старым друзьям — Памеле и Дисней Воген-Хьюз. На причале в порту стоял наш каик — внушительных размеров шхуна, свежеевыкрашенная в белый и голубой цвета.

Пэм и Дисней встретили нас очень тепло — ведь мы не виделись несколько лет. Они любезно позволили нам свалить наше оборудование на лужайке перед их прелестным домом, разрешили поснимать в уютном саду, усердно потчевали всю съемочную группу прохладительными напитками и даже предложили на главную роль свою любимицу — сухопутную черепаху, которую звали Каррузерс. Радушию их не было границ. Захлопав лужайку перед домом так, как это делают только киношники, мы, пока операторы готовились к съемке, пошли посмотреть нашу лодку, чтобы проверить ее готовность к морской прогулке. Вот тут-то, к ужасу Джонатана, и произошел срыв.

Начальная сцена в лодке должна была открываться такими словами: “Все мы от рождения награждены даром любознательности. Достаточно взглянуть на ребенка или любого звереныша, и вы убедитесь, что они постоянно открывают для себя что-то новое, они постигают жизнь с помощью всех пяти органов чувств. Происходит это потому, что все мы от природы — первооткрыватели в этом столь сложном и удивительно прекрасном мире. Со временем, когда человек вырастает, он чаще всего теряет интерес к окружающему. Но есть среди нас такие, которые продолжают поиск всю жизнь. Эти люди особенные. Это и есть любители-натуралисты”.

Для того чтобы сцена получилась более выразительной, Джонатан решил ввести в нее ребенка,

который бы вместе с нами разглядывал выловленных из моря и выпущенных в чан морских созданий. Следуя намеченному плану, он пригласил для съемок дочь хозяина маленького портового кабачка — очаровательную шестилетнюю малышку. Но незадолго до нашего прибытия она совершила какой-то чудовищный проступок (нам так и не удалось выяснить, в чем она провинилась), за который мать сильно ее отшлепала (явление для Греции беспрецедентное). Легко вообразить, какая картина предстала перед нашим взором — сжавшееся в жалостный комочек, не желающее ни с кем разговаривать и даже надеть свой лучший наряд зареванное существо. Напрасно Пэм, Энн и я — все, кто говорил погречески, — с помощью лести, уговоров и мольбы пытались подействовать на ребенка. Не помогло даже щедрое обещание Джонатана повысить (несмотря на наш ограниченный бюджет) сумму гонорара с десяти до двадцати драхм.

— Я не могу снимать эту сцену без ребенка, — сказал Джонатан. — Бога ради, Энн, сделайте что-нибудь.

— Ну что я могу сделать? — спросила Энн. — Если ребенок не хочет, никто не сможет его заставить.

— Тогда найдите другого, который захочет, — тут же нашелся Джонатан.

Итак, бедная Энн была откомандирована в ближайшую деревню на поиски юной кинозвезды.

— Вам нужна обязательно девочка или сойдет и мальчик? — спросила она перед уходом.

— Мне все равно, даже если это будет гермафродит, лишь бы не взрослый, — сердито бросил Джонатан.

В течение следующего получаса, в ожидании возвращения Энн, мы с Ли отправились побродить по мелководью в поисках живого реквизита для съемок — холерических раков-отшельников, занявших ярко

раскрашенные пустые раковины брюхоногих моллюсков, самих моллюсков в их собственных домиках, колючих крабов-пауков, на спине которых находится целый лес водорослей и губок, помогающий им скрываться от врагов. При виде такого разнообразия морских существ наш режиссер несколько оттаял, хотя и не до конца, и мы все с нетерпением ожидали возвращения Энн.

Вскоре появилась и она, сияющая, вместе с симпатичным мальчуганом лет десяти. Но едва они вышли из машины, как распахнулась дверь кабачка и на пороге возникла наша малышка в новом платье с улыбкой до ушей.

— Ого, милый, вот это сюрприз, — воскликнула Паула. — Теперь у тебя их даже двое.

— Все бы ничего, да выдержит ли бюджет? — серьезно спросил я Джонатана. В ответ он лишь сверкнул глазами.

Остаток дня мы посвятили съемкам с лодкой. Надо сказать, особую сложность представляли съемки не в самой лодке, а задуманный Джонатаном панорамный кадр гавани вместе с виллой Памелы и Диснея и величаво вплывающей в гавань лодкой. Из-за отсутствия рации мы договорились действовать так: Джонатан поднимется на гору и займет командный пост, а я, сидя в лодке в ожидании дальнейших инструкций, буду наблюдать за ним в бинокль. По взмаху его руки, означавшему начало съемки, мы развернем лодку и поплывем в гавань. Маневр этот нам пришлось проделать несколько раз, чтобы иметь гарантии, что кадр удался. Наконец, когда даже Джонатан решил, что хватит, мы сложили оборудование и отправились в мучительно долгий и жаркий обратный путь, мечтая о холодной воде со льдом, чистой одежде и вкусной еде.

Черепахи по-прежнему жили в ванне.

На следующий день произошла еще одна неприятность. Джонатану удалось набрести на одну из вилл, которую занимала моя семья в пору давнего пребывания на Корфу. Дом показался нашему режиссеру весьма фотогеничным, и он решил снять в нем ряд сцен. Обзвонив полгорода, Энн удалось отыскать следы хозяина виллы, жившего в Афинах, и получить его разрешение на съемку внутри и вокруг дома. Правда, попутно выяснилось дополнительное обстоятельство. Дом был сдан в аренду владельцу ночного клуба, чье разрешение на съемку также требовалось получить. Это оказалось делом куда более сложным. Начать с того, что владельцы ночных клубов ведут по преимуществу ночной образ жизни и поэтому днем абсолютно недоступны. Они покидают свои убежища, словно Дракула, только с наступлением темноты и спуют по всему городу, так что встретиться с ними почти так же трудно, как и днем. В конце концов Энн удалось застать его в некоем тайнике, но он ни под каким видом не соглашался на наши уговоры. Только после длительной осады он дал себя уговорить, выдвинув в качестве неперемennого условия собственное присутствие. Он сообщил Энн дату своего приезда и обещал собственноручно открыть нам ворота виллы. Но, увы, это стало очередным испытанием нервной системы Джонатана: день наступил и прошел, а владелец ночного клуба так и не появился.

— Я думаю, следует туда поехать и поснимать пока в саду и на веранде, — резонно предложила Энн. — Возможно, он прибудет завтра.

— Хотелось бы надеяться, — угрюмо заметил Джонатан, — а пока, в ожидании завтрашнего дня, можно поснимать в Потамосе.

Мы отправились в Потамос, очаровательную деревушку, прилепившуюся на склоне холма, с аккуратными разноцветными домиками с верандами на сваях — все было в точности таким же, как и сорок лет назад. Под крышей каждой веранды находилось гнездо ласточки, полное широко разевающих рты птенцов, а под каждым гнездом стоял картонный ящик для сбора птичьего помета, которым щедро и безвозмездно делились с нами птицы. И мне вспомнилась греческая пословица: дом, под крышей которого не живут ласточки, не может считаться домом. При виде изящно подлетающих к гнезду родителей с клювами, битком набитыми насекомыми, которых они всовывали в жадно раскрытые рты своих птенцов, я думал о том, что теперешние ласточки скорее всего пра-пра-пра-пра-пра-правнуки тех, за которыми я наблюдал в детстве. Засняв сцены с ласточками и несколько других кадров, мы возвратились в отель.

Черепахи по-прежнему жили в ванне.

Утро следующего дня было ясным и безоблачным.

Прилетел еще один самолет из Афин, но тот, кого мы ждали, так и не прибыл.

— К черту! — взорвался Джонатан. — Сегодня же отправимся на виллу и снимем все, что нам надо.

Дом был тот самый, который я описал в книге о моем детстве, проведенном на острове Корфу. Назывался он Вилла Белоснежки. Вилла стояла среди огромной и древней оливковой рощи, под сенью гигантской магнолии, белых и розовых цветущих олеандров и вьющейся по веранде виноградной лозы, которая осенью наливалась гроздьями белых, банановидных ягод. Увы, когда мы, проехав по заваленной обломками камней, усеянной выбоинами дороге, подъехали к дому и остановились, я увидел, что вилла уже не была белоснежной. Ее когда-то белые стены потускнели,

местами отсырели, кое-где отвалилась штукатурка, а зеленые ставни выцвели от солнца, и краска на них облупилась. Но даже несмотря на то, что дом находился в состоянии упадка, он по-прежнему хранил черты былого аристократизма. Единственное, чего я никак не мог понять, — это как можно было довести столь прекрасный дом до такого плачевного состояния.

Пока распаковывали оборудование, я, взяв за руку Ли, повел ее по заросшему саду, среди оливковых деревьев, и погрузился в ностальгические воспоминания.

Вот здесь находилась веранда, на которой в один из наших бесконечных вечеров мои многочисленные звери устроили содом: удравшие из комнаты сороки напились разлитого на полу вина, а затем буквально разгромили тщательно накрытый к приходу гостей стол, в то время как притаившаяся в засаде под столом грозная чайка по имени Алеко клевала гостей за ноги, когда они пытались сесть за стол. А вот на этой стене жил мой любимый геккон Джеронимо, который однажды в смертельной схватке победил богомола, вдвое превосходившего его размерами. Примерно в сотне ярдов от дома стояла маленькая семейная часовня — одна из тех очаровательных миниатюрных церквушек (которые так часто встречаются в Греции), построенных бог весть когда во славу каких-то малоизвестных святых. Посреди выкрашенной снаружи розовой краской часовенки размером с большую комнату стояли складные сиденья для прихожан, а в глубине над алтарем висела икона богоматери с младенцем. Теперь икона выцвела и потускнела; пол был усыпан толстым слоем прошлогодних листьев, которые набились под дверь, не давая ей закрыться.

Во времена моего детства пол всегда был чисто выметен и застелен дорожками, сиденья блестели, перед иконой богоматери с младенцем горели две негасимые лампы, а внизу стояла ваза со свежими цветами. Теперь же все было пропитано запахом тлена, а цветов и лампад не было и в помине. Помню однажды, возвращаясь поздно вечером из очередной экспедиции за животными, я обнаружил в часовне случайно незапертую дверь. Положив сачок для ловли бабочек и садок для насекомых, я подошел, чтобы закрыть дверь, и остановился, привлеченный неожиданной картиной. Был разгар сезона светлячков. Обычно в часовне была освещена только икона — светло-желтым светом горящих лампадок. Сейчас же внутренность храма была расцвечена десятками живых бело-зеленых фонариков — влетевших в открытые двери светлячков. Они ползали по стульям и стенам, передвигаясь с одного места на другое, словно мерцающие звездочки. Несколько насекомых опустилось на икону, превратившись в сияющую оправу из драгоценных камней. Околдованный дивным и необычным зрелищем, я простоял так очень долго, но потом, боясь, что светлячки погибнут в закрытой часовне, потратил битых полчаса на то, чтобы отловить их сачком и выдворить на улицу. Завершив изгнание светлячков, я подумал о том, что богоматери, должно быть, было жаль расставаться со столь изысканным украшением.

Вернувшись из часовни, мы увидели Джонатана, который с виноватым видом держал в руке кусочек оконного стекла.

— Взгляните, — сказал он, показывая нам кусок стекла. — Я пытался заглянуть в окно с заднего фасада, а оно выпало прямо на меня. Если просунуть в дыру руку, можно открыть окно и проникнуть внутрь.

Я вздохнул.

— Не знаю точно, какое наказание предусмотрено греческим уголовным кодексом за попытку влезть в чужой дом, но, думаю, никак не меньше нескольких лет, а греческие тюрьмы, уверяю тебя, не слишком комфортабельны.

— Мне кажется, если мы потом вставим стекло на место, — сказала Ли, — никто ничего не узнает.

— А что, если хозяин прибудет в тот момент, когда мы проникнем внутрь? — возразил я.

— Чему быть, того не миновать, — ответил Джонатан. — По крайней мере успеем снять сцены на веранде.

Итак, мы вошли в дом. Наше настойчивое стремление попасть внутрь объяснялось двумя вескими причинами. Во-первых, Джонатан хотел заснять меня и Ли, выглядывающими из всех окон на всех этажах и выходящими из всех дверей, а во-вторых, для проведения вечерних и ночных съемок нам необходимо было подключиться к электрической сети. На все это ушла масса времени, и так как было уже поздно, мы сложили оборудование, заперли дом и, аккуратно вставив на место стекло, отправились ночевать в “Корфу-Палас”.

Черепашки по-прежнему жили в ванной.

Следующее утро у нас выдалось свободным, так как Паула и Джонатан отправились на таможенную выволочку из-под ареста гусениц. Чтобы у читателя не возникло недоумения, спешу пояснить суть дела. Съемки на Корфу пришлось на такое время, когда гусеницы уже давно превратились в бабочек (по крайней мере, те их виды, которые мы собирались снимать). Поэтому мы были вынуждены импортировать гусениц из Англии со специальной фермы, на которой их разводят. Представьте себе реакцию

таможенников, когда, настояв на вскрытии показавшегося им подозрительным ящика, они обнаружили гусениц перламутровки, капустницы и парусника, с невозмутимым видом облепивших свои любимые растения и преспокойно их поедающих! Зрелище, даже для привычных ко всяким неожиданностям жителей Корфу, из ряда вон выходящее. Попытки Энн объяснить, что все эти виды гусениц обитают на острове, не встретили со стороны таможенных властей никакого сочувствия. Зачем, спрашивали они, если эти гусеницы водятся на Корфу, следовало входить в такие расходы, ввозя их из Англии? Объяснять все тонкости съемок фильмов о животных сотрудникам греческой таможни было бесполезно. Далее дело приняло совсем неожиданный оборот. В таможенниках вдруг разыгралась национальная гордость. Почему, если такие же точно гусеницы в изобилии водятся на Корфу, мы не используем их, вопрошали они. Может быть, считаем их хуже английских? Греция всегда славилась своими гусеницами — они отвечают лучшим мировым образцам. Так зачем ввозить английских гусениц (весьма сомнительных достоинств), к тому же, быть может, больных какой-нибудь нехорошей болезнью, которая вызовет мор среди местных гусениц? К полудню, после горячих дебатов выведенные из себя Джонатан, Энн и Паула вынуждены были в письменном виде подтвердить, что все до единой гусеницы были лично осмотрены Королевской коллегией хирургов, Королевской коллегией ветеринарных хирургов, министерством сельского хозяйства и Лондонским зоологическим обществом. Были также даны письменные гарантии о выплате крупных страховых сумм греческому правительству в случае гибели хотя бы одной (бесспорно, лучшего качества) корфиотской гусеницы в результате общения с английскими. С нас взяли торжественное

обещание, что английские гусеницы не будут вступать ни в какие сношения с корфиотскими (дабы не распространять на них своего дурного влияния) и сразу же по окончании съемок будут все до единой моментально выдворены за пределы Корфу и отправлены обратно в Англию, где им и надлежит вне всякого сомнения, превратиться впоследствии во второсортных бабочек. Когда все формальности были утрясены, вконец измочаленная тяжелой борьбой троица победно возвратилась в отель с коробкой британских гусениц.

В полдень мы снова отправились на виллу. Благодаря вмешательству каких-то таинственных сил вновь случайно выпало оконное стекло, мы открыли дом и начали съемки. Гусеницы, как, впрочем, и большинство животных, партнеры довольно никудышные. Они либо застывают, словно музейные экспонаты, на одном месте, либо начинают так оголтело скакать по растению, что камера не успевает их заснять. Покончив с гусеницами, мы переключились на других насекомых, которых Энн, Ли и я усердно собирали в течение нескольких дней: жуков-скакунов, скарабеев, цикад и прочих. Все они были аккуратно рассажены по банкам и спичечным коробкам. Во времена моего детства, когда мы жили на Корфу, у меня не было таких прекрасных приспособлений для ловли животных, какими пользуются современные натуралисты, но, как говорится, нужда заставит, и потому изобретательность моя была поистине безгранична. В нашем доме не пропадало ни одной банки или склянки; картонные коробки, равно как и жестянки, ценились на вес золота. Но лучше всего были спичечные коробки — легкие и компактные, они были удобным местелищем для моих живых трофеев. В моем распоряжении одновременно находилось несколько сотен таких коробков; я брал их с собой в походы и возвращался с полным уловом, напоминая

бродячий мини-зверинец. Правда, иногда случались и всякого рода казусы. Я хорошо помню тот день, когда случайно оставил один из своих коробков на камине и мой старший брат (мягко говоря, не разделявший моих увлечений животными) открыл его, чтобы прикурить, и в этот момент ему на руку выползла обвешанная детенышами скорпиониха. Думаю, излишне описывать, что за этим последовало. Возвращаясь к спичечным коробкам, замечу: мне было приятно, что мое изобретение не утеряло своей актуальности и по сей день, оказав нам помощь при съемках фильма. Что же касается обитателей спичечных коробков, то они проявляли удивительную непонятливость — то падали с цветов, на которые их сажали, то, не сказав ни слова, расправляли крылышки и улетали. Наконец день начал гаснуть, что (правда, с большой неохотой) пришлось признать даже нашему режиссеру; тогда мы, забрав с собой наших второсортных гусениц, возвратились в город.

Черепахи по-прежнему жили в ванне.

Наступившее утро было (как ему и полагалось) солнечным, с безмятежно голубым небом. Когда мы заканчивали затянувшийся завтрак, появился сияющий, как никогда, Джонатан. Заказав свой обычный скромный завтрак, состоящий из овсяной каши, кофе, тостов, джема, колбасы, бекона, яичницы, жареного картофеля и десерта в виде фруктового салата со взбитыми сливками, он откинулся на стуле и одарил нас лучезарной улыбкой.

— Сегодня, — возвестил он голосом доброго волшебника, собирающегося выполнить ваше заветное желание, — мы будем снимать змею. А Жан-Пьер будет нам помогать.

— Ты имеешь в виду желтопузика? — спросил я.

— Да, именно его.

— Должен заметить, что ты неправильно называешь желтопузика змеей. На самом деле это большая безногая ящерица.

— А на вид — просто вылитая змея, — не соглашался Джонатан, раздосадованный очередным надувательством со стороны матушки-природы.

— И тем не менее у него имеются рудиментарные конечности; а если неосторожно взять его за хвост, то он отвалится, как у всех ящериц.

— Боже мой, — ужаснулся Джонатан, — не хватало еще, чтобы у этой чертовой твари посреди эпизода отвалился хвост. Господи, почему я такой несчастный?

Захватив Жан-Пьера и рептилию, мы отправились в выбранную Джонатаном оливковую рощу, которая показалась ему самой живописной (хотя какими критериями он руководствовался в своей оценке, я так и не смог понять — все оливковые рощи на Корфу в высшей степени живописны). По дороге я предупредил его, что желтопузик движется со скоростью, близкой к скорости света, поэтому съемочную площадку следует устроить с таким расчетом, чтобы его легко можно было поймать. Джонатан уверил меня, что он нашел именно такое место. К моему удивлению, он сказал правду. Когда мы приехали, я увидел идущую вдоль оливковых зарослей, вытопанную ослими тропинку, заключенную с обеих сторон в сложенную из камней изгородь, так что образовался извилистый желоб, вполне подходящий для выгула змей, хотя вовсе для этого не предназначавшийся.

— А теперь, — сказал Джонатан, — ты и Ли, начав путь от этой оливы, дойдете до того куста, где неожиданно увидите желтопузика и поймаете его.

— Погоди, — возразил я. — Пока мы будем идти эти пятьдесят ярдов, он будет уже в пяти милях отсюда.

— Хорошо, что же ты предлагаешь? — спросил он.

— Его надо выпустить, когда мы подойдем к кусту, — сказал я.

— А как это сделать? — спросил Джонатан.

Я посмотрел вперед, туда, где должна была состояться предполагаемая поимка. В этом месте дорожка делала поворот, а вместе с ней изгибалась и стена, образуя небольшую выемку.

— Если кто-нибудь спрячется в этой нише, он сможет выпустить рептилию, как только мы подойдем, — предложил я.

— А кто будет этот “кто-нибудь”? — спросил Джонатан.

— Я, — сказал Жан-Пьер, змеелюб-управляющий отеля “Корфу-Палас”, раздетый по пояс и готовый тут же приступить к делу.

— Отлично, — согласился Джонатан. — Отправляйтесь туда, надо посмотреть, как это будет выглядеть.

Взяв сумку с желтопузиком, Жан-Пьер послушно потрусил по дорожке к указанному месту и вжался в стенную нишу.

— Так не пойдет. Вас видно, — крикнул Джонатан. — Надо немного пригнуться.

Без возражений Жан-Пьер присел на корточки.

— Нет, опять нехорошо, — снова закричал Джонатан. — Теперь видна голова. Ложитесь.

Управляющий “Корфу-Паласа” лег на землю лицом вниз позади стены. Если бы постояльцы отеля могли его сейчас видеть, репутация его здорово бы пострадала.

— Прекрасно, — обрадовался Джонатан. — Оставайтесь в таком положении и не забудьте выпустить змею, когда Джерри и Ли подойдут поближе.

Итак, Жан-Пьер лежал в позе, подсказанной ему режиссером, а мы тем временем провели две небольшие репетиции. Затем началась съемка. Желтопузик был выпущен в самый подходящий момент и, к моему большому удивлению, повел себя исключительно примерно. Он пересек нам путь и свернулся в кольцо на кочке под стеной, откуда его легко можно было достать без риска оторвать ему хвост. Тут же поднялся и Жан-Пьер — спина в поту, грудь и живот в пыли, зато на устах гордая улыбка. Мы сняли желтопузика крупным планом, показав его блестящее тело с чешуей, похожей на бронзовую черепицу, зачатки задних конечностей, изящную головку с прекрасными выразительными глазами и ртом, сложенным в кроткую улыбку. Затем мы его отпустили и еще долго следили за плавным, точно масляным, скольжением сквозь кусты. К этому времени начало смеркаться и мы, вкусив освежающей, розовой, словно облако на закате, арбузной мякоти, упаковали оборудование и, захватив с собой уставшего, пыльного, разгоряченного, но счастливого своим удачным кинематографическим дебютом управляющего, тронулись в обратный путь.

Черепахи все еще жили в ванне.

На следующее утро Джонатан, по обыкновению занятый усердным поглощением обильной трапезы, вновь пребывал в отличном настроении.

— А сегодня, — провозгласил он, дожевывая яичницу с колбасой, — мы отправляемся снимать на озеро... как его... а, да, Скоттини.

— И кого же мы будем там снимать? — спросил я.

— Превосходных черепах, — радостно сообщил он.

— Превосходных черепах? — недоверчиво переспросил я.

— Да, — подтвердил он, но, заподозрив в моем вопросе какой-то подвох, заволновался. — Они по-прежнему находятся у вас, не так ли?

— А где же им еще быть, — ответил я. — Мне даже кажется, что ванну без черепах даже и ванной назвать нельзя.

— Вот и хорошо, — успокоился Джонатан. — А то я боялся, как бы они куда-нибудь не делись.

— К несчастью, они все еще там, — ответил я.

— Тогда я скажу, что вам предстоит сегодня сделать. Мы намерены запечатлеть тебя и Ли на берегу озера, где ты будешь рассказывать ей, как в детстве ловил там всякую всячину. В это время мы покажем лягушек, тритонов, пойманного Жан-Пьером ужа и перейдем на черепах. Тут ты начнешь объяснять ей, как просто их поймать.

— Прошу прощения, — прервал я его. — Ты когда-нибудь видел бегущую черепаху?

— Ну, это пустяки, отмахнулся Джонатан, не прореагировав на мой каламбур. — В конце концов, у нас их целых восемь штук. И уж одна-то непременно окажется пенсионеркой, которой по рангу положено двигаться не спеша.

Джонатан пребывал в фанатической убежденности, что рано или поздно найдется животное, которое подчинится его приказаниям. В течение всех съемок он свято верил в непогрешимость этого принципа, хотя жизнь столь же упорно доказывала обратное.

— По-моему, среди них нет ни одного пенсионера, — вполголоса сказала мне Ли. — Когда мы вытаскиваем их из ванны, чтобы принять душ, они мечутся по полу как угорелые.

— Мне это известно, — ответил я. — Но не будем до поры до времени подрывать святую веру Джонатана в матушку-природу. Как знать, может на сей раз произойдет чудо?

Так начался великий черепаший день. Черепах вытащили из ванны (к несказанному облегчению убравшихся в нашем номере горничных), посадили в специальный сосуд и в сопровождении трех машин отправили на озеро. В одной из машин находился Жан-Пьер, окрыленный своим вчерашним кинематографическим успехом с желтопузиком и собирающийся закрепить его сегодня с ужом. День выдался необычайно жарким, и мы очень обрадовались, когда дорога нырнула в тенистую, шелестящую глубину густых оливковых зарослей. В дни моей юности эти заросли были для меня неким магическим местом. Для взрослых, гуляющих меж огромных, с зияющими ранами дупел стволов, под пологом серебристо-зеленой листвы, оливковые рощи были просто живописной местностью, дарующей спасительную прохладу; для меня же они были кладом, из которого я черпал живые сокровища. Мириады отверстий в коре деревьев служили прибежищем для разнообразных существ — от сплюшки обыкновенной и сони до крапивника и черных крыс. В определенное время года можно было видеть выбирающихся из земли и ползущих вверх по стволам странных, горбатых пучеглазых созданий. Через какое-то время кожа на их спинах лопалась, и медленно, с огромным трудом из футляра выбирались орехово-коричневые с серебряными крылышками цикады — предвестницы лета, заставляющие весь остров звенеть от их песен. Меж корней олив можно было найти многоножек длиной с карандаш и среброкожих с зелеными пятнышками жаб, напоминающих средневековые карты со спутанными

очертаниями континентов. Повсюду сновали насекомые: бабочки, муравьиные львы, божьи коровки, хрупкие мушки с кружевными крылышками, откладывающие яйца в пазухе между черенком листа и стеблем; попадались пары иссиня-черных жуков-скарабеев, скатывающие свои экскременты в шары и закапывающие их в землю в качестве инкубаторов для будущего потомства. Кто-то однажды сказал мне, что не понимает, что необыкновенного можно найти под оливами — они такие скучные и неинтересные. Для меня же это был полный бесконечного множества живых существ огромный дом, превращавшийся весной в море цветов — казалось будто кто-то опрокинул ящик с красками среди огромных, темных, искривленных стволов. Разве такое можно назвать скучным и неинтересным?

Наконец каменная дорога пошла под уклон и мы выехали на берег Скоттини — круглого, неглубокого, ярко-зеленого от водорослей озера площадью около семи-восьми акров. Озеро было со всех сторон окружено деревьями, а посередине высился довольно большой, заросший тростником остров. Как и оливковые рощи, озеро на первый взгляд могло показаться скучным и безжизненным. На самом же деле это огромный мир, в глубинах которого метались, толкались, плавали, крутились, извивались самых невероятных форм микроскопические существа, устрашающего вида личинки стрекоз, маленькие рыбешки, тритоны, лягушки, змеи и пресноводные черепахи. Вспоминается мне, как однажды, давным-давно, я отправился на озеро и целый день занимался сбором экспонатов для моей коллекции; улов оказался столь богатым, что вскоре все взятые из дома емкости оказались занятыми, и чтобы унести все мои трофеи, пришлось снять одежду, так что домой я явился в прямом смысле голым, к глубокому огорчению мамы. После того как Джонатан,

побежав по берегу взад-вперед, нашел подходящее место, установили кинокамеры и начали съемку эпизода, в котором главным действующим лицом был уж. Наш укротитель змей, забыв обо всем на свете, босиком, с закатанными штанами, обнаженный по пояс, вытанцовывал по колено в жидкой грязи, пытался скорректировать поведение красавца-ужа с учетом требований режиссера. Уж безупречно выполнил свою задачу: прополз по грязи, потом по траве и наконец пустился в плавь через озеро, высоко держа над водой крупную красивую голову и оставляя за собой V-образный след мелкой ряби.

— А теперь займемся *piece de resistance*¹⁷, — весело заметил Джонатан, окончательно потерявший голову после успеха с ужом. — Итак, черепахи. Кто-нибудь из помощников сейчас положит их на травянистом берегу, а ты и Ли, проходя мимо, увидите загорающих черепах, подкрадетесь и схватите одну, а две другие прыгнут в озеро.

— Ты и до одного не успеешь сосчитать, а они уже будут в озере, — заметил я.

— Все равно, давайте попробуем, — упрямылся Джонатан.

Вытащили трех черепах, и Жан-Пьер отнес их на указанное место, а мы с Ли заняли исходную позицию.

— Внимание, мотор! — скомандовал Джонатан.

Жан-Пьер отпустил черепах и отскочил назад, чтобы не попасть в кадр. Мы с Ли сделали шаг вперед. Черепашья тройца сорвалась с места, не хуже гоночных машин в Ле Манс, в одно мгновение скатилась вниз и камнем ушла под воду.

---

¹⁷ *Piece de resistance* — здесь “гвоздь программы” (*фр.*).

— Проклятье, — резюмировал Джонатан. — Придется держать их подальше.

— Не забудь, что осталось только пять штук, — уточнила Ли.

— Давайте попробуем следующую тройку, — сказал Джонатан. — На этот раз все должно получиться как надо.

Еще три черепахи были отнесены подальше от озера, и Жан-Пьер крепко держал их до тех пор, пока не раздалась команда “мотор”.

На сей раз черепахи вели себя по-иному. Вероятно, потому, что с этого места им не была видна вода и они не знали, в какую сторону бежать. Секунду-другую они вращались на месте, словно волчки, а затем понеслись прямо на камеру, проскочив между ногами треножника. Снова и снова мы пытались заставить их бежать к озеру, но они с истинно ослиным или черепашьям упрямством бежали на камеры. В отчаянии мы переместили их туда, откуда они одним глазком могли увидеть блестящую озерную гладь; мгновенно переменив направление, они припустились к воде, исчезнув в ней с той же быстротой, что и первые три.

Глаза Джонатана метали молнии. Мы попробовали еще одну из двух оставшихся черепах, и она предложила новый вариант игры — забралась в панцирь и затихла. Казалось, ничто не могло заставить ее пошевелиться. Затем, когда мы все собрались на экстренное совещание по поводу того, что делать дальше, черепаха неожиданно “проснулась” и устремила к воде навстречу своей свободе, пока никто не успел ей помешать. Теперь, когда у нас осталась всего одна черепаха, положение становилось отчаянным. Джонатан решил больше не рисковать, поэтому мы сняли всю сцену задом-наперед — то есть в первом кадре Ли вытаскивала из воды сеть с запутавшейся в ней черепахой и снимала с нее

водоросли, как будто она только что ее поймала; потом мы выпустили черепаху на мелководье и засняли, как она уплывает, а в заключительных кадрах мы с Ли бегали по берегу и ловили воображаемую черепаху. Уже позднее, когда все кадры были тщательно отобраны, отредактированы и смонтированы, выстроилась весьма правдоподобная картина; но при съемках такой сцены, пока не увидишь отснятый материал, никогда нельзя знать заранее, что получится. В этот последний день мы выпустили на волю всех животных, помогавших нам в съемках серии, и, сложив оборудование и распрощавшись с маленьким, тихим озером среди оливковых рощ, усталые, но довольные возвратились в город.

Наконец-то в ванне не было черепах.

С наслаждением приняв ванну, мы с Ли целый вечер бродили по старинным узеньким улочкам Корфу, заходя в гости к моим многочисленным друзьям, совершая неумеренные возлияния, распевая песни и поглощая горы печеной баранины и жареных креветок. Мы знали, что впереди нас ждут долгие недели работы в душных монтажных и студиях звукозаписи в Торонто, просмотр сотен ярдов пленки, сочинение текста и его запись — скучная, утомительная работа, которую предстоит сделать перед тем, как фильм будет полностью готов. Но все это было впереди, а этот вечер принадлежал нам.

Было уже очень поздно, когда берегом моря мы вернулись в отель. В небе стояла высокая и ясная луна; темными пятнами на ее поверхности, придавая некоторую переливчатость, наподобие перламутра, проступали кратеры и сопки. Лунный свет серебрил темную, бархатную гладь моря. Где-то высоко в ветвях, словно звонили в крошечные колокольчики, перекликались две сплюшки, а теплый густой

воздух был насыщен морскими испарениями, смешанными с ароматами цветов и деревьев.